

*Три
смерости*

**Валерия
Харламова**

Три скорости
Валерия Харламова

Три скорости

Станислав РОСТОЦКИЙ

Лев ЛЕБЕДЕВ

Анатолий ТАРАСОВ

Борис ХАРЛАМОВ

Владимир БОГОМОЛОВ

Всеволод БОБРОВ

Дмитрий РЫЖКОВ

Борис КУЛАГИН

Станислав ШАТАЛИН

Владислав ТРЕТЬЯК

Леонид ТРАХТЕНБЕРГ

Владимир ДВОРЦОВ

Юрий ЦЫБАНЕВ

Борис ЛЕВИН

Владимир УЛЬЯНОВ

Яков КОСТЮКОВСКИЙ

Олег СПАССКИЙ

Юрий ЛУКАШИН

Михаил ТАНИЧ

Валерия Харламова

Автор-составитель

Борис ЛЕВИН

Москва
"Физкультура и спорт"
1984

ББК 75.579
Т67

Автор-составитель *Б. М. Левин*

Фото: *М. Боташева, Ю. Соколова, А. Бочина, С. Воейкова*,
из архива семьи *Харламовых*

Три скорости Валерия Харламова / Авт.-сост.
Т67 Левин Б. М. — М.: Физкультура и спорт, 1984. —
111 с., ил.

Имя выдающегося спортсмена еще при жизни стало легендарным. Двукратный олимпийский чемпион, восьмикратный чемпион мира Валерий Харламов списал себе всеобщую любовь любителей хоккея не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

В книге представлены очерки, воспоминания журналистов, треперов, всех, кто хорошо знал Валерия Харламова.

Книга иллюстрирована редкими фотографиями В. Харламова в кругу семьи, среди друзей, на льду.

Для массового читателя.

Г 420200000—153
009(01)—84 144—84

ББК 75.579
7А86

© Издательство «Физкультура и спорт», 1984 г.

Станислав РОСТОЦКИЙ,
народный артист СССР, лауреат Ленинской
и Государственных премий СССР.

Жизнь — ровно с песню

«...Вот жалеют: Есенин мало прожил. Ровно — с песню. Будь она, эта песня, длинной, она не была бы такой щемлящей. Длинных песен не бывает...»

В. М. Шукшин,
рассказ «Верую»

Весть о гибели в автомобильной катастрофе известного хоккеиста Валерия Харламова отозвалась болью в сердцах многих людей, в том числе и весьма далеких от спорта, от его бесконечных внутренних и внешних баталий.

Эта боль породила естественное желание узнать как можно больше о самом человеке — именно о человеке, ибо его скромность при жизни была столь же велика, как и его слава мастера-спортсмена, хотя часто скромность и слава — понятия противоположные.

Столь же естественно, что людям, которые знали Харламова близко, жизненные пути которых пересекались с его жизнью, захотелось рассказать другим об этом замечательном человеке. Им удалось сделать это в книге, предлагаемой вниманию читателей.

Случилось так, что мне довелось прочитать эту книгу, вернее даже не книгу, а рукопись, подготовленную к изданию, одним из первых.

В наш век — век стандартизации окружающего нас мира особенно вырастает значение личности. Личность каждого человека неповторима, глубоко индивидуальна и тем интересна всем остальным. Не каждому выпадает счастье найти ту область человеческой деятельности, где он может выразить себя без остатка и отдать все лучшее в себе другим. Валерий Харламов открыл себя для всех в спорте.

Советский спорт всегда служил обществу, его прогрессу, утверждению человека и всего лучшего в нем. Валерий Харламов — один из выдающихся представителей нашего спорта. Он был неповторимой личностью, потому что всегда оставался Человеком и Гражданином своей страны.

В спорте роль индивидуальности не ограничивают рамки заранее написанного сценария. Одной из самых очаровывающих прелестей противоборства соперников является то, что ни один человек не знает конечного результата поединка, не знает, кто сегодня возьмет на себя роль главного героя. Мастерство, помноженное на талант и мужество, постоянное чувство ответственности перед зрителем чаще других делали Харламова главным героем матчей.

Я не являюсь постоянным посетителем хоккейных поединков, но во времена Харламова и его партнеров частенько вырывался на игры. Уж очень большое удовольствие доставляла его игра, где каждый ход был одновременно и тайной и мгновенным открытием.

Благодаря телевидению и прессе он был знаком миллионам людей, зачастую далеких от спорта. Кроме множества других качеств экран обладает способностью уникальной: он как бы высвечивает человека и способен показать его суть, его прекрасные или негативные стороны даже тогда, когда человек не произносит ни слова.

Харламова мы видели всегда не только в неповторимом блеске его индивидуальной игры, не только как спортсмена, для которого превыше всего была победа команды, будь то ЦСКА или сборная СССР, но и как личность, получившую благодаря игре возможность продемонстрировать миру все лучшее в человеке, рожденное и утвержденное советским образом жизни, — мужество, благородство, честность, великодушие, скромность.

Так уж получается в этих заметках, возникших после прочтения рукописи, что я пишу больше о Харламове, чем о самой книге, но думаю, что в этом уже таится объяснение закономерности ее появления и оценка ее содержания.

Удачно подобран коллектив авторов. Люди разной степени приближенности к Харламову, разных профессий, близкие и друзья, игроки и тренеры, журналисты и писатели — люди, по-разному относящиеся к спорту и воспринимающие его, рассказали о Харламове так, что независимо от воли каждого из них на первый план выходит образ Харламова — Человека и Гражданина. Это главное достоинство книги.

Основные черты его характера — патриотизм, чувство ответственности, принципиальность, умение дружить, быть полезным людям, доброта, верность, отзывчивость, стремление доставить радость другим, ироничность по отношению к себе, остроумие и природный юмор — авторы раскрывают через конкретные поступки, примеры из его жизни.

Рассказ правдив. Это не описание супермена, возвысившегося над толпой. Это рассказ об обыкновенном и необыкновен-

ном человеке, веселом и грустном, умеющем постоять за команду во время игры и редко за себя в обыденной жизни.

Кроме познавательного значения рассказа о победах и «сбоях», которые встречались на его пути, книга имеет большое воспитательное значение. Красной нитью из одного материала в другой проходит мысль о том, как любовь к спорту, упорство, пылкость, мужество превратили талантливого паренька в человека выдающегося, сумевшего не только прославить советский спорт и оставить свой след в мировом хоккее, но и продемонстрировать всем лучшие качества человеческой души.

Каждый прочитавший книгу «Три скорости Валерия Харламова» еще раз добрым словом помянет неповторимого мастера хоккея и славного гражданина своей Родины, мысленно поблагодарит авторов и издательство.

Валерий Харламов отдал спорту свой талант, свое искусство. Он подтвердил своей жизнью высокую предназначенность человека и неограниченность его возможностей. Наградой ему будет благодарная память людей.

Лев ЛЕБЕДЕВ,

спортивный обозреватель газеты «Правда».

Признание Хоккею в любви

Книга о Валерии Харламове... Чем дальше уходит в прошлое игра его поколения, тем легендарнее, как все выдающееся, становятся победы блестящей команды 70-х годов.

И великое счастье Харламова и его соратников именно в том, что появились они в нашем хоккее не на пустом месте. Их становление было предопределено поисками выдающихся тренеров, прекрасной, неповторимой игрой предшествующих поколений мастеров.

Харламову и его товарищам по сборной и клубу выпала честь и счастье закрепить и продолжить успехи поколения Всеволода Боброва. Теперь это делают Сергей Макаров и Вячеслав Фетисов... На смену им придут новые мастера. Обязательно придут, потому что корни хоккея мощные, живительные.

Почему хоккей?

Почему заокеанский уроженец вдруг столь быстро пустил корни на нашей почве? И почему она, эта почва, оказалась такой благодатной для него, что он расцвел здесь новым цветом?..

Опыты межматериковых переселений имели разные последствия. Например, кролики, завезенные в Австралию, стали бичом ее сельского хозяйства — размножились без всякой меры, не встретив врагов. Хоккей же, который у нас поначалу именовали канадским, если уж с чем в этой области и сравнивать, то, пожалуй, с картофелем. Завезенные в Европу в эпоху великих географических открытий дикие яблоки — земляные яблоки со временем стали важным дополнением к хлебу, а потом — на уровень с ним. Вот так и хоккей с шайбой пополнил наш зимний спорт. Да только ли пополнил?

Этот вид спорта у нас сделал стремительный скачок! Где это видано, чтобы новички мирового чемпионата сразу завоевали золотые медали! Чтобы за десяток лет после этого утвердились фаворитами международных турниров? Чтобы за четверть века создали свою школу хоккея, изучать которую считают необходимым его родоначальники — канадцы?..

...Для мастеров первых послевоенных лет было обычным делом: летом — футбол, зимой — на то же поле, но залитое льдом, с клюшками в руках. Был мяч, стала шайба. Несколько иные клюшки. Несколько иные, но даже более удобные, более маневренные коньки. Те наши спортсмены, которые сыграли первые матчи в хоккей с шайбой, рассказывали, что перестроиться им большого труда не составляло.

Катались они прекрасно, а то, что в новой игре многое иначе, не смущало. Аркадий Иванович Чернышев, бывший среди тех, первых, потом, уже став заслуженным тренером, говорил, что в общем-то неважно, где просматривать нового игрока — на баскетбольной площадке, футбольном поле или на льду: в любом случае его понимание игры проявляется. А это — главное, остальному, считает Чернышев, можно научить...

Хорошая конькобежная, игровая, физическая подготовка — все это у пионеров советского хоккея было. Все это важно. Только таким набором невозможно было удивить на мировой арене никого — ни хоккеистов ЧССР, ни шведов, ни тем более канадцев. К тому же в технике соперники имели определенное преимущество. Но нашлись у наших качества, дававшие им перевес и сказавшиеся сразу же на первом для советской сборной мировом чемпионате в Стокгольме в 1954 году. Ее игроки были люди гордые, смелые и цену себе знали.

Тут, уверен, сказалась эпоха. Да, да, эпоха! У всех совсем свежа в памяти была великая народная война, и не будет преувеличением сказать, что отблеск победы лежал на каждом. Могло ли то, военное поколение представить себе, что в чем-то где-то может не победить?..

В мои цели не входит писать историю советского хоккея. Но чтобы понять, «откуда есть пошел» он, надо вспомнить вечер

накануне решающего дня — первого матча с канадцами на уровне сборных.

Стоит сказать так: с самими канадцами! В Стокгольм они приехали фаворитами. Соотношение сил в одной шведской газете изображалось на карикатуре так: огромный канадский хоккеист поучает сидящего за партой малыша в форме нашей сборной...

Аркадий Иванович Чернышев, назначенный ее тренером, рассказывал, что руководитель нашей делегации предложил провести срочное совещание. Идею он выдвинул такую: в матче с канадцами не выкладываться, поберечь силы для следующей встречи со шведами. Все равно, мол, канадцев не одолеть, чемпионами мира не стать, выиграй же сборная СССР у «Тре крунур» — будет чемпионом Европы, а то ведь и тем и другим проиграть можно...

Что ж, определенная логика в таких рассуждениях была. Теперь-то, когда мы знаем итог того чемпионата, легко разоблачать порочность таких расчетов. Но тогда...

Отдадим должное Чернышеву. Хоккеистов он собирать категорически отказался, рекомендовать беречь силы для игры со шведами — тоже.

И вот 7 марта 1954 года. СССР — Канада — 7:2.

Надо ли напоминать, что итог матча расценивался как сенсация. Страницы газет, вышедших с отчетами об этой игре, изобиловали восклицательными знаками. Но такой знак может выражать не только восторг, не только признательность дебютантам за смелость, спортивную дерзость. Неизвестно, кого больше — наших или канадцев оскорблял пренебрежительный отзыв одной местной газеты: кому родоначальники хоккея проиграла — Иванушкам!..

Что ж, в таких случаях всегда находятся желающие зачерпнуть ложкой деготь, поставить под сомнение несомненное. Да и сколько потом выражались подобные сомнения: побеждать-то, мол, русские побеждают, но ведь канадцы-то «не те» — не из сильнейших! Как рефрен звучало это, пока не дошло дело до сильнейших...

У Аркадия Ивановича Чернышева не счесть заслуг в советском хоккее. Не будем уточнять, какая важнее. Но решение, принятое им тогда, в 1954-м, в Стокгольме, поставило особняком в биографии выдающегося советского тренера. Он не позволил скомпрометировать честь команды той унижительной, пагубной для духа спортсменов расчетливостью, не дал сборной повода утратить веру в победу ни на гран. Может быть, такую расчетливость хоккеисты и их капитан Всеволод Бобров — человек недюжинного характера — и не приняли бы, только мало было бы пользы в том случае, если тренер и команда не нашли

единства во взглядах. Нет, они оказались едины. Ни под кого не подлаживаться и никого не копировать — это стало законом хоккейной сборной СССР с самого начала.

На своем первом чемпионате мира сборная СССР была первой. И с тех пор другой цели, кроме победы, перед собой не ставила. Не всегда ее удавалось достичь. Однако всегда эта цель стояла.

Думаю, ни один вид спорта у нас не располагал таким блистательным подбором тренеров, как хоккейная сборная. До весны 1972 года ее вели А. Чернышев и А. Тарасов, потом В. Бобров и Н. Пучков, В. Бобров и Б. Кулагин, Б. Кулагин и К. Локтев, наконец В. Тихонов и В. Юрзинов. Все разные по характеру и темпераменту. Каждый со своим видением игры, своим отношением к игрокам. Но все максималисты: быть первым — и только!

Максимализм — то великое наследство, которое передается из поколения в поколение хоккеистов начиная с команды Боброва. Он выражается не только в извечном стремлении к победе сборной СССР на любом турнире. Имеет он еще и личностное выражение: каждый проходящий в сборную надевает форму чемпиона мира и впитывает тот дух победы, который впервые проявился еще в 1954-м.

Когда заканчивало играть поколение Боброва, признаться, было тревожно, кто придет на смену, загорятся ли звезды такой же величины? Но успокаивал приход в сборную Константина Локтева, Александра Альметова, Вениамина Александрова, Анатолия Фирсова, Владимира Викулова, Виктора Коноваленко, братьев Майоровых, Вячеслава Старшинова, Александра Якушева, Александра Мальцева, Александра Рагулина, Виталия Давыдова, Эдуарда Иванова... Всех просто не перечислишь.

Максимализм тренеров и игроков заразил и нас, поклонников хоккея, и, конечно, специалистов. И наши ожидания хоккеисты не обманывали.

В специальном выпуске еженедельника «Хоккей ньюс», посвященном 35-летию этого самого популярного в Северной Америке хоккейного издания, авторитетный спортивный обозреватель из Торонто Джим Праудфут, видевший все советско-канадские встречи на льду, выделил две даты, сыгравшие, по его мнению, важнейшую роль в истории игры: 7 марта 1954 года и 2 сентября 1972 года. Он как вехи отметил первую встречу советских и канадских хоккеистов на чемпионате мира и первый матч сборной СССР и сборной всех звезд НХЛ.

Счет 7:3 и сама игра со звездами, думаю, навсегда остались в памяти у всех наших поклонников хоккея. Сборная СССР следом за первым матчем выиграла и в целом канадскую часть суперсерии, хотя затем проиграла ее московскую часть. А в общем,

было выявлено равенство сил. Да и не в счете того или иного матча или всей суперсерии дело. Суть в том, что тогда, осенью 1972 года, мировой хоккей вступил в новую фазу своего развития.

Нашлось что показать и той и другой противоборствующей стороне. Каждая осталась при своем взгляде на хоккей, но увидела и признала достоинства соперников. Наши тренеры и игроки не стеснялись признать, что у канадцев еще следует учиться выигрывать вбрасывание, расчетливо вести силовую борьбу, перенять образ действий на пяточке перед воротами. Канадцы поняли, что главные европейские конкуренты опередили их в слаженности командной игры, обладают более утонченной тактикой, более высокой скоростью.

Была первая суперсерия, была вторая. Потом были встречи ЦСКА и «Крыльев Советов» с клубами НХЛ. Мы увидели воочию действительно великолепных мастеров Кена Драйдена, Горди Хоу, Фила Эспозито, Пита Маховлича, Бобби Кларка, Ги Лапойнта, Ивэна Курнуайе, многих других звезд канадского хоккея. И в сравнении с ними еще больше оценили наших ребят.

Мы отдавали должное тем, кто прекрасно сыграл со звездами НХЛ. Но ведь мы помнили игроков сборной СССР былых поколений, игроков тоже блистательных. Настолько ушли вперед в мастерстве их преемники, да и ушли ли? Увы, нет в хоккее таких показателей, как, скажем, в тяжелой атлетике, где вес штанги объективно показывает, что Юрий Власов добился большего, чем Пауль Андерсон, Василий Алексеев превзошел Власова, а Султан Рахманов пошел дальше...

— Совсем иной стал ныне хоккей. Как же этого можно не учитывать! — говорит Анатолий Владимирович Тарасов. — Индивидуальное мастерство игроков растет, как и скорость. Пусть в этих компонентах нынешние ушли не на безмерное расстояние, да ведь безмерно выросла скорость мысли, принятия решения, скорость действий клюшкой, изменилась тактика, силовая борьба преобразила игру.

Умение затронуть струны в человеке — талант, как говорили в старину, дар божий. Это относится к представителям любого вида исполнительского искусства: артистам, художникам, скульпторам, музыкантам. И, возьму на себя смелость утверждать, также относится к спортсменам.

Здесь не место выяснять «что есть талант?». Но если бы мне предложили кратко сформулировать суть такого рода человеческого феномена, я бы предложил следующее определение: талантлив тот, кто трудное дело делает легко и непринужденно. Наверное, нужна оговорка, что эта легкость внешняя, что за ней — огромный труд и огромные усилия, лишь внешне незаметные, однако мы договорились не вдаваться в детали.

Так вот главная, на мой взгляд, черта хоккеиста Харламова,

что он играл играючи. Раскованно, без каких-либо видимых усилий. Как летит птица. Порой признанных защитников он обходил так непринужденно, что могло показаться — опытный мастер решил побаловаться с детворой на дворовом катке. К слову сказать, защитники частенько в раздражении не прощали харламовской «пренебрежительности» к себе — тем, кто на первых ролях, достается не только слава, но и тернии. Правда, Валерий Харламов, не отличаясь богатырской статью, обид никому не прощал. Этот парень умел постоять за себя, когда соперник склонялся к тому, что называют «грязной игрой». Но хотя смелость — достойное качество во всех его проявлениях, Харламов все-таки помнится не твердостью в жестких единоборствах, а творческой смелостью.

Путей у шайбы бесчисленное множество, а стандартные ситуации все-таки то и дело повторяются на площадке. Тут, казалось бы, и мудрствовать не надо. «Не надо? Как бы не так!» — всякий раз возражал своими действиями Валерий Харламов. Он не боялся принять неожиданное решение там, где другой предпочел бы сыграть по стандарту, пусть правильному, рациональному, но стандарту. Его решения часто были остроумны, расцветивали игру веселыми красками. Да он и вне площадки был остроумным и веселым. И у нас-то не все знали о его личных качествах, а тем более не знали зрители за океаном. Однако его всюду понимали и принимали, он везде быстро становился любимцем публики — настолько полно Харламов умел выразить себя в игре. Как один из знаков этого признания — его портрет в святой святынях североамериканского профессионального хоккея — в музее хоккейной славы в Торонто.

При всем при том его не следует считать баловнем спортивной судьбы. Стоит вспомнить, что поначалу он не пришелся ко двору в ЦСКА, был отправлен в периферийную команду, и не сразу убедили Тарасова вернуть воспитанника клуба в Москву. Считаю нужным упомянуть об этом лишь для того, чтобы подчеркнуть одаренность Харламова — истинный талант расцветает не только на богатой почве и не только в благоприятную погоду.

Анатолий Владимирович Тарасов уж если кого-то полюбил, то любит со всей щедростью своей эмоциональной природы. Потом он говорил о Харламове:

— Да понимаете ли вы, что это за игрок? Это бриллиант в короне советского хоккея!..

Переводя тарасовскую образность на язык прозы, можно сказать, что именно такие выдающиеся игроки выражают суть и определяют облик советского хоккея, торят пути его продвижения вперед. Они задают тон игре, привлекая своим мастерством и смелостью в ряды ее поклонников новые поколения.

Анатолий ТАРАСОВ,
заслуженный тренер СССР,
кандидат педагогических наук.

*Три скорости
Валерия Харламова*

Он прожил жизнь на бешеной скорости и погиб на бешеной скорости.

В ночь под старый Новый год, с 13 на 14 января 1948 года, молодая испанка Арибе Аббад Хермане, одна из тех испанских детей, которых в тридцатые годы приняла как родных, вырастила и воспитала наша страна, и ее муж, московский рабочий Борис Харламов, отправились на маскарад в клуб завода «Красная звезда». И тут Арибе почувствовала себя плохо — у нее начались роды. За ней приехала «скорая помощь». И хотя шофер гнал машину на предельной скорости, в родильный дом №16 они прибыли еще с одним пассажиром: в пути явился на свет Валерий Харламов.

...Ранним утром 27 августа 1981 года на 73-м километре Ленинградского шоссе произошла автомобильная катастрофа. Можно только предполагать, что именно случилось за несколько мгновений до нее, но известно, что асфальт был мокрый от дождя, а покрытие только что отремонтировали, поэтому дорога была дьявольски скользкой, как тот самый лед, на котором столько лет провёл Валерий Харламов. Вела машину его жена Ирина — водитель еще неопытный. Она пошла на обгон автобуса, а когда появился встречный грузовик, резко затормозила и не сумела, видимо, справиться с управлением. Столкновение стало неизбежным. Так погибли Валерий, Ирина и ее двоюродный брат Сергей Иванов.

В прощальном слове на траурном митинге перед тысячами людей, перед верными друзьями хоккея и Харламова, собравшимися на Новокунцевском кладбище, я говорил, что Валерий не знал своего величия. И вот теперь, близко знакомый с ним почти два десятилетия, я хочу рассказать о том, что Валерий был действительно великим хоккеистом, хочу убедить вас в том, что он не ведал истинных масштабов своего поразительного дарования, никак, никогда, ничем и ни перед кем не подчеркивал своей исключительности и вообще был редкостно чистым и честным, порядочным человеком.

...Мы сидим вместе с его родителями в небольшой комнате их квартиры. Мать, интересная еще женщина, хотя годы и берут свое, вся в черном, ибо не снимает траура с того самого дня... Рядом отец. Мы с Борисом Сергеевичем старые друзья.

И именно им, родителям, безутешным в своем горе, я впервые начал высказывать то, что думаю о человеческой и спортивной уникальности, о необычности Валерия.

Харламов был просто-напросто создан для хоккея, весь, что называется, заряжен на эту мужественную, хитроумную, скоростную игру. Он сражался с чехословацкими, шведскими, американскими асами хоккея, со знаменитыми, крайне опасными и чрезвычайно умелыми канадскими профессионалами. И он блистал ярче всех в этом окружении звезд, был сильнейшим среди сильнейших, первым среди равных.

Когда он был приглашен на финал Кубка Стэнли в Канаду, переполненный до отказа огромный ледовый стадион приветствовал его стоя. Суперзвезду хоккея узнавали на улицах Монреаля и Праги, Стокгольма и Москвы. Да что там! Помню, как канадские хоккейные менеджеры довольно недвусмысленно заявляли и в частных беседах, и в интервью для печати, что мечтают*заполучить Харламова. Назывались даже фантастические цифры его предполагаемых гонораров, превышавшие, для сравнения, годовое жалование президента США, суммы, выплачивавшиеся самым знаменитым канадским «профи». Сведения такого рода, разумеется, доходили до Валерия, но он — и это показательно для его характера — никогда и словом не обмолвился, что знает об этих лестных предложениях, не бахвалится, как иные из его коллег, обласканные славой.

В чем же, собственно, состояло дарование Харламова, почему его считали сильнейшим форвардом этой самой популярной в мире игры? Он владел в необычайной степени тремя скоростями: взрывной быстротой передвижения и маневра на льду, молниеносной реакцией на малейшие изменения игровой ситуации и поведения партнеров и соперников, нестандартной быстротой технического мышления. Вот они — три скорости Валерия Харламова. Эти три способности, в отдельности встречающиеся у многих, образовали в хоккейном творчестве Валерия удивительный сплав.

Но это еще далеко не все. «Обводка Харламова» — это уже почти легенда. Перехитрить, переиграть в единоборстве не одного, а нескольких противников, и не единожды, а снова и снова, с легкостью поразительной и внушающей соперникам неуверенность и почтение — этим был славен Харламов.

Вспомним, как в Москве, в решающем матче со сборной Канады, командой, составленной из звезд профессионального хоккея, он один, да — один, принес нашей команде победу.

Первого канадца он обвел своим коронным финтом — обманым кивком головы в сторону, отчего тот кинулся наперерез, туда, куда Валерий и не собирался двигаться. Второго, который намеривался на подкате столкнуться с Валерием, он обыграл, резко затормозив и одновременно развернув туловище, так что противник промахнулся и пролетел мимо. А третьему он показал, что якобы потерял шайбу, умышленно опустив ее от крюка, и, когда канадец дотронулся до шайбы, предвкушая, видимо, радость от того, что отнял ее у самого Харламова, Валерий налетел на него, ударом плеча опрокинул на лед, овладел шайбой и оказался один на один с вратарем Чиверсом.

Как бы шутя, чутьчку даже игриво приблизился Валерий к опытнейшему голкиперу канадцев, сделал замах клюшкой и выпад влево с явным намерением пробить в правый от вратаря угол ворот. Его финт, положение тела, его глаза и веселая улыбка были до того естественными, что вратарь просто не мог не поверить в очевидность харламовского замысла и начал смеяться вправо. Но Валерий сыграл иначе — неуловимым движением он послал шайбу верхом в левый угол ворот.

Описать его действия в этот незабываемый момент вроде бы не слишком сложно. Но сыграть так против столь сильного противника — это почти невозможно. Не верилось глазам своим. А между тем Харламов делал подобные вещи не раз, и каждый раз это были прекрасные минуты.

Существует, хотя и довольно условное, деление мастеров хоккея на игроков коллективных и индивидуальных. По этой классификации виртуоз Харламов вроде бы должен был считаться закоренелым индивидуалистом, чуть ли не эгоистом на площадке. Но до какой степени это неприменимо по отношению к нему! Вот уж кто умел по-детски непосредственно радоваться удаче товарища, да и не просто радоваться ей, а изо всех сил помогать рождению такого успеха, буквально создавать его!

Пас — выверенный, ювелирно точный, скрытый от противника и известный партнерам был изобретен в нашем хоккее довольно давно. Его применял еще Николай Хлыстов — нападающий команды «Жульды Советов» и сборной страны на заре освоения этой игры. Отлично использовали его Александр Альметов, Александр Уваров, Анатолий Фирсов, Борис Майоров, Владимир Викулов и многие другие. Но так искусно, так творчески и хитро, как делал это Харламов, пасовать никому не удавалось.

Он влезал в самое игровое пекло, угрожая молниеносной обводкой нескольких соперников, создавая реальную опасность взятия ворот. Противники отчаянно наваливались на него, пытались блокировать, отнять шайбу или просто сбить с ног. И это освобождало от опеки партнеров Харламова. А он в

какое-то мгновение скрытым, «кистевым» броском пасовал товарищу по команде, находившемуся в выгоднейшей голевой позиции.

Для такой комбинации мало самой изысканной, отточенной техники. Тут необходимо обладать особым зрением, позволяющим видеть всю площадку, всех соперников и всех партнеров одновременно. Тут надо уметь со скоростью самого современного компьютера просчитать все мыслимые варианты, выбрать лучший и реализовать его — либо сыграв самому, либо отдав шайбу товарищу, но не тому, от кого ждут и кого стерегут противники.

Именно творческим восприятием уроков Харламова можно в значительной степени объяснить яркую, тонкую и сложную игру нынешних перспективных молодых нападающих Владимира Крутова, Сергея Макарова, Сергея Шепелева, Игоря Ларионова, Александра Кожевникова.

Валерий был, с моей точки зрения, большим психологом в хоккее: его отличали не только ясность и остроумие собственного замысла, но и умение с легкостью разгадывать замыслы соперников. Со стороны казалось даже, что он заранее знает все, что может придумать хоккеист, кидаящийся ему наперерез. Харламов на льду был постоянно, ежесекундно готов к единоборству, может быть, оттого он и был напрочь лишен стремления к конфликтам в жизни. Его терпение, добродушная снисходительность просто удивляли.

Я помню, как однажды канадцы устроили форменную охоту на него. Цель была понятна: вывести Валерия из игры и тем самым обеспечить канадской команде шансы на победу. На роль «костоломов» были приглашены опасные люди — Кларк и Круэ. Кто помнит крупно показанные по телевидению лица этих «профи», тот поймет, что это за ощущение — все время чувствовать, что тебя ищут и твоего увечья добиваются. Однако и Харламов был не прост и сделан отнюдь не из одуванчиков, но как-то раз им удалось довольно сильно сбить его на лед. Ребята в один голос говорили мне, что это не просто столкновение, что канадцы собирались не использовать силовые приемы, разрешенные правилами, а сломать Валерия. Я спросил его самого, так ли это, но он сказал, что ничего особенного не произошло и что он виноват, коли не нашел противоядия против грубости.

Спортивная жизнь такова, каковы люди, посвятившие себя спорту. Валерий был истинным рыцарем хоккея — благородным до конца, за что его уважали и любили все, кто выигрывал у него и кто проигрывал ему. Он не любил поражений. Не мог смириться с тем, что другая команда сильнее его команды. И когда ЦСКА или сборная времен Харламова проигрывала,

соперники боялись следующего матча больше прежнего. Знали, что на лед выйдут Михайлов—Петров—Харламов — великолепная тройка, не сломленная поражением, а, наоборот, набравшаяся новых сил, новой отваги, новой непримиримости в борьбе за победу. Это было не непомерное честолюбие, хотя и в нем для спорта нет ничего ужасного, а в чистом виде явленный азарт и мужество бойца, не умеющего сдаваться на милость победителя.

И еще это было уважение к зрителям. Хоккей — всегда спектакль с сюжетом, не известным заранее никому. Сплошь и рядом матчи любого уровня и ранга преподносят сюрпризы, поражающие даже знатоков. За то, наверное, и любят игру во всем мире. Так вот Валерий ценил доверие зрителей, пришедших на стадион, чтобы посмотреть на его игру. Он считал глубоко недостойным схалтурить, поберечь силы, когда команда буквально ложится костями, избежать силового единоборства с соперником, превосходящим в габаритах и в весе. Валерий никогда не спорил с судьями и редкие наказания — удаления на две минуты сносил сдержанно и терпеливо. Он был корректен еще и потому, что понимал: судья может не заметить, тренер может просмотреть, товарищи по команде могут не понять, а публика... Публику не проведешь. Не случайно мало кто из самых одаренных хоккеистов пользовался у многомиллионной хоккейной аудитории такой любовью и таким уважением, как Харламов.

К своей популярности он относился так же просто, скромно и деловито, как к любому делу или обязанности. Часами, не ленись, он ставил автографы поклонникам хоккея, щедрой рукой раздавал значки мальчишкам и взрослым. Безотказно ездил он на десятки выступлений, рассказывал слушателям о любимой игре, откровенно отвечал на вопросы. Как в театр ходят на Плисецкую, на Атлантова, на Смоктуновского, так и на стадион ходили на Харламова.

Мальчишкой, поступая в хоккейную школу нашего клуба, Валерий прибавил себе год — так ему хотелось попасть к нам. Он был зачислен в группу тренера Вячеслава Тазова. Но вскоре его вполне невинный и объяснимый обман раскрылся, и Валерия перевели в группу тогдашнего начальника школы тренера Андрея Старовойтова, который занимался с ним около четырех лет. Естественно, заметил парня и я, поскольку, как руководитель хоккейного коллектива, контролировал учебный процесс и обязательно принимал участие в наборе новичков, присматриваясь не столько к их атлетическим данным или умению кататься на коньках, сколько к тому, горят ли у парня глаза, видно ли, что он одержим желанием стать настоящим

хоккеистом. Всего этого в юном Харламове было, как говорится, через край.

Его талант, его фанатическое упорство, его чудесный характер раскрылись для всех нас не сразу, постепенно. Помню такую историю. В юные годы Валерия принял я однажды рискованное, но, как потом оказалось, вполне оправданное решение. Видел, что он — человек способный, незаурядный, но выпускать его на площадку с мастерами было еще рановато, не хватало у парня умения, опыта. А где же набраться практических навыков, как не в играх — регулярных, важных, ответственных? Чтобы Харламов смог развить в себе игровую самостоятельность, усовершенствоваться в обводке, разучить новые финты и опробовать их на реальных соперниках, я предложил ему один сезон поиграть в одной из наших армейских команд среднего класса.

Не скрою, волновался. Расставаясь пусть даже на время с одаренным игроком, никогда не можешь быть уверенным, что не совершаешь ошибку. А вдруг понапрасну упустишь время — в спорте эта потеря чаще всего невозможна. Но Валерий воспринял мое решение до будничного просто. Спросил только, предоставят ли ему там время и условия для самостоятельных тренировок. Интересовался он, зная строгие порядки военной службы. Да, ответил я, руководители той команды все знают, они получили план твоего индивидуального задания. Периодически мне докладывали, как там идут дела у Харламова. Никаких замечаний. Игроки команды равняются на него. На тренировки приходят сотни зрителей. Во время матчей стадион не может вместить всех желающих. Играет самоотверженно и в мастерстве прибавляет день ото дня.

Харламов был прост и скромен. Никогда он не капризничал, ничем не хотел отличаться от своих товарищей, независимо от весомости их вклада в общее дело. Предлагал я ему, и не раз, стать капитаном команды, но он отказывался. Предпочитал оставаться рядовым игроком, по сути будучи тем, что входит у социологов в понятие «неформальный лидер».

Как тренер, я был, пожалуй, обостренно нетерпим к любым проявлениям недисциплинированности. У нас в команде все любили лентяев, нарушителей режима. Так вот мне с моим крутым нравом за все годы ни разу не пришлось повысить голос на Валерия. Впрочем, был один досадный случай, который, как ни парадоксально, только укрепил мое к нему уважение. Валерий и один его товарищ провинились в нарушении режима, причем за руку пойманы не были, хотя сомнений у меня не оставалось. Спорт вообще немислим без строгой дисциплины, а в армейском клубе тем более. Я отдал приказ о наказании обоих. Тот, второй, отпирался и канючил до последнего, а Валерий смолчал. Я спросил его, что, может быть, он тоже считает себя

невинным. И он ответил, что наказание понес заслуженно и вопросов не имеет.

Он вел себя так разумно и, я бы сказал, интеллигентно в контактах с людьми, так себя зарекомендовал в коллективе, что к его мнению прислушивались все. Мне рассказали историю, которой я сам свидетелем не был. Однажды после победы нашей сборной на чемпионате мира и Европы к одному из известнейших игроков подошел наш молодой журналист с просьбой дать интервью. А тот, то ли оттого, что несколько занесся после успеха, то ли просто не очень пришел в себя после тяжелой нервной встряски, в грубой форме отказал репортеру. Да еще и был поддержан своим партнером по тройке, которому эта удалась почему-то понравилась. И тут подошел Харламов, не слышавший начала разговора.

— Да вы что, ребята?! — изумился он. — В своем ли уме? Человек за семь верст киселя хлебать добирался. Ему надо свою работу делать... Что за барские замашки?

С Валерием и молодым спортсменам, и опытным мастерам всегда было хорошо играть, интересно тренироваться, уютно жить во время поездок и сборов. Он в любой момент готов был пожертвовать своими интересами ради команды.

Перед Олимпийскими играми в Саппоро мы попросили его перейти из его родного звена в то, которое создавалось в связи со сложившейся принципиально новой тактической расстановкой сил. Надо было расстаться с друзьями, с партнерами, понимающими его с полуслова, — с Борисом Михайловым и Владимиром Петровым. Харламов многим рисковал, но спорить не стал, поверил на слово тренерам. И, придя в новое звено, сумел зарядить своей невероятной энергией, своим неиссякаемым оптимизмом и Александра Рагулина, и Анатолия Фирсова, и Геннадия Цыганкова — игроков к тому времени уже именитых. Лучшая игра Владимира Викулова тоже приходится на тот сезон, когда он выступал в одном звене с Валерием. Они были благодарны судьбе, объединившей их с Харламовым в одной игровой компании, о чем мне не раз говорили сами.

В его судьбе был очень тяжелый момент, когда они вместе с женой попали в автомобильную аварию — ударились о столб и были выброшены через открывшиеся дверцы на обочину. Валерий стал заметно прихрамывать. Тогда-то у нас с ним произошел очень важный для обоих разговор. Я спросил, какие у него планы. Он ответил просто и убежденно: «Буду играть». Позже, приходя на тренировки, я видел, с каким чудовищным упорством он возвращал себя в хоккей, как жесток был к самому себе, как дорожил каждой минутой... И он вышел на лед. Он катался, хромя, ему все было трудно, нога болела, но по выражению лица нельзя было догадаться, как

ему тяжело: веселая улыбка и прищуренные глаза — все, как обычно. Мы радовались: на лед вернулся тот же Харламов. Тот же, да не тот. Когда он стал участвовать в игровых упражнениях, восстановил навыки передач и бросков, начал кататься с привычной скоростью, я заметил, что у него как-то не идет его знаменитая обводка. И не то, чтобы утерян навык или забыты финты, нет, он робко, словно не веря в себя, лишь изредка пытается обвести соперника. Похож он был на мальчишку, который стесняется при своих сверстниках сделать то, что у него может не получиться.

Несколько дней я ломал голову над этой проблемой. Играть он, конечно, будет и вполне прилично, но увидит ли хоккей прежнего Харламова? И снова у нас с ним произошел прямой мужской разговор. Валерий и сам признал, что не клеится у него обводка и что нужно дополнительное время для полного восстановления навыка. А мне казалось, что дело не в технике, не в координации движений — выполняет же он идеально точно другие приемы. Причина в ином — утрачена психологическая уверенность в себе, в своей способности переиграть соперника.

И я посоветовал ему включить в дневной цикл, а он состоял у команды из двух-трех тренировок, дополнительную тренировку. Я предложил ему играть одному против пяти-шести 10—15-летних мальчишек.

Ребятам мы не сказали, что Харламов еще не совсем здоров, иначе тренировке не хватило бы серьезности, она превратилась бы в поддавки. Мальчишкам так хотелось обвести самого Харламова, отнять у него шайбу! В единоборстве они были цепки и отчаянны. Словом, приходилось ему очень туго, особенно когда надо было догонять этих юрких и живых, как ртуть, пацанов. Временами мне казалось, что эксперимент себя не оправдывает, потому что никто не сможет выдержать такое напряжение, такую дьявольскую нагрузку. Но Валерий понимал, до какой степени ему это важно, и тренировался самоотверженно. Мастерство, а главное — психологическая устойчивость, вера в себя крепили день ото дня.

Ему очень нравилось возиться с мальчишками. Помню, как в дни приема новичков в армейскую школу Харламов вместе с Рагулиным, Третьяком и другими мастерами помогал тренерам отбирать способных мальчишек. Валерий никогда не мог отказать даже самым не подходящим для хоккея ребятам в их родителям, а предпочитал сообщать свое неблагоприятное мнение мне. Очень жалел, представлял, видно, себя на их месте. Его младшая сестра Ганя говорила мне, что они еще в юности договорились работать с детьми: она в школе обычной, он — хоккейной. С мастерами, к чему стремятся многие хоккеисты, уходящие со льда, Валерий работать не собирался — это было для него не так интересно и не так важно.

Обоим перспективу его ждали самые разнообразные и удивительные. Он был человеком широко одаренным, обладал сильным, мужественным характером, был чрезвычайно обаятелен. Убежден, к примеру, что если бы он в юности решил всерьез заняться футболом, то и здесь, несомненно, был бы на первых ролях.

Вот еще один случай, доказывающий его незаурядность. У нас в команде была такая традиция, она, кстати, жива и сейчас, — в конце сезона проводить праздничный вечер. Приглашали жен и подруг, друзей, накрывали торжественный и красивый стол, устраивали танцы. И вот однажды я увидел, как в круг вышел Валерий со своей дамой. Я знал, что превосходно танцуют Фирсов, Викулов. Но Харламов! Он танцевал так пластично и оригинально, ритмично и легко, так свободно владел своим телом, так тонко понимал партнершу, что постепенно все остановились, окружили эту пару и смотрели с восхищением. На место их проводили аплодисментами — от своих это не часто услышишь.

Я часто думаю, чем же успел стать Харламов для нашего хоккея, для его неистовых поклонников, для тысяч и тысяч мальчишек? Сказать, что он был кумиром публики, в особенности юной, — этого мало. Мне кажется, что Валерий и вся когорта выдающихся игроков его поколения совершили нечто большее, нежели просто забивание шайб в ворота, пусть даже и самых сильных соперников. Своей невероятной самоотверженностью, своим искрящимся мастерством, оплаченным предельным напряжением сил и на тренировках и в матчах, своим вдохновением, глубоко одухотворенным отношением к игре они добились того, что хоккей стал восприниматься как подлинное искусство. Игра в их исполнении вызвала восторг и у специалистов, и у завзятых поклонников, и даже у тех, кто случайно оказывался на стадионе и затем прикипал душой к хоккею на всю жизнь.

И это еще не все. Игра Валерия вызвала желание подражать. Причем далеко не только в том, что касается сугубо технических его достижений, а прежде всего в том, что относилось к неукротимому его бойцовскому духу, с особой силой проявлявшемуся в играх за спортивную честь Родины. Выступая на чемпионатах мира и Европы, олимпийских играх, сражаясь с канадскими профессионалами, Харламов никогда не чувствовал себя просто игроком, старателем на россыпях спортивной удачи. Нет, он боролся, что называется, не на живот, а на смерть за победу сборной Советского Союза. И когда под сводами ледовых дворцов звучал наш гимн, Валерий чувствовал гордость не за себя, не за команду даже,

а за державу. Патриотизм советского спортсмена, советского человека был свойствен ему в самой высокой степени.

...Не знаю, чего еще сумел бы достичь Валерий, но верно то, что он достиг бы новых высот и когда перестал бы играть. Он хотел учиться дальше, хотел научиться учить других и имел на то полное моральное право.

Не знаю, чего сумеют достичь в жизни его сын Александр и дочь Бегоня, но верю, что они вырастут хорошими, умными, добрыми людьми. И страна наша, и друзья Валерия и Ирина их детей не оставят. Помогут, поддержат, посоветуют, научат, а главное — расскажут, кем был и кем навсегда останется в нашей памяти их отец.

Человек, не знавший своего величия.

Борис ХАРЛАМОВ,
слесарь-испытатель московского
завода "Коммунар".

Как рассказать мне о Валерии

Как рассказать мне о Валерии? Конечно, сомнений никаких в этом нет, никто, кроме нас с матерью, не знал его настолько хорошо. А вместе с тем имя сына нашего известно миллионам любителей спорта и даже людям, от спорта, от хоккея далеким.

И выходит — не нам одним, его родным, принадлежат Валерий. И наша, значит, теперь задача ответить на интерес такого громадного количества людей: каким он был в жизни?

Только как вот рассказывать об ушедшем сыне, когда ничего еще не отстоялось, не отболело — да и не отболит никогда?

Я все же начну с того, каким он был сыном... Без этого ведь и не понять его характера, не понять, что за человек он, почему никакая слава не могла его испортить, оторвать от дома, где он вырос.

Валерий нигде так хорошо, спокойно себя не чувствовал, как в родительском доме. Здесь он всегда отдыхал душой.

Конечно, он много, больше времени, уж чего там говорить, бывал на людях. И похоже, что быть ему у всех на виду совсем легко, по душе. Легко он и с людьми сходил, умел быть на редкость верным в дружбе. В компании — приятель

первый заводила, самый веселый, самый заводной и шумный, и за словом в карман не полезет, и станцует так, что сразу материнская, испанская кровь почувствуется.

А иногда — вот, скажем, по телевидению приходится выступить — он чего-то насупится, говорит неохотно, не пошутит... Думаю, что при всей его безотказности в товариществе тянуло Валерия и одному побыть.

Товарищам он отказать всегда стеснялся — когда до женитьбы еще жил в Тушине, телефон в его квартире звонил беспрестанно, как только узнавали, что он приехал.

К матери он относился очень уважительно, больше всего боялся огорчить ее чем-нибудь. Знал: она за него волнуется так, что и давление, случалось, подскочит, — и всегда, если задерживался, где бы там ни был, никогда не забывал позвонить, предупредить, успокоить...

В хоккее он рано стал самостоятельным, взрослым. А все-таки, думаю, влияние нашей семьи рабочей — мы с женой почти всю жизнь на заводе «Коммунар» проработали — сказывалось, хотя он вроде и по другой линии пошел: большой спорт, армия. Я замечал, что на заводе, когда приглашали Валерия встретиться, выступить, он всегда чувствовал себя очень свободно, по-домашнему.

Мальчишкой он летом обычно жил в заводском пионерлагере. И, уже став игроком знаменитым, обязательно приезжал к ребятам каждый год, относился к ним вроде как к братьям младшим, рассказывал им подробно о хоккейных делах, о том, что видел в разных странах — очень у него это получалось складно и весело.

...У нас с сыном отношения были товарищеские — ничего мы друг от друга не скрывали. Я — болельщик, ни одной игры не пропускал, знал всех друзей Валерия, всех игроков, с которыми он играл, еще с юношеских команд. Мой интерес к его спортивной жизни понятен и без объяснений. Но вот что меня особенно радовало: и Валерия мои заводские дела интересовали, всегда, бывало, спросит: как там у тебя и что... К друзьям моим относился со всем расположением...

Я сам большим спортсменом не был. Но к спорту отношение имел, вроде бы разбираюсь в нем неплохо. Кстати, отец мой, дед Валерия, играл в футбол за сборную Коломны.

Интересно, что Валерий футбол любил едва ли не больше хоккея. И племянника своего уговорил футболом заняться. Твердил ему: «Мне от хоккея досталось — и хватит, а ты лучше в футбол играй». Правда, девятилетний внук мой, сын Валерия — Саша, все-таки по стопам отца пошел, сейчас он в хоккейной школе ЦСКА.

Сам же Валерий любой случай использовал, чтобы в футбол

сыграть. Как-то даже специально в Малаховку поехал с Петровым и Михайловым. Они выступали за свой курс областного института физкультуры, а ему, хотя он в московском институте учился, разрешили в виде исключения вместе с друзьями играть.

В футболе он болел за московское «Торпедо» еще со времен Стрельцова, Иванова, Воронина. А в институте с торпедовцем Вадимом Никоновым особенно сдружился. Да и вообще среди футболистов у него было много приятелей.

За футбол он, действительно, как-то особенно переживал. Обычно на трибунах старался держаться незаметно, больше молчал. Но как-то — именно на футболе — вышел прямо-таки из себя и с каким-то болельщиком даже в спор вступил. Тот решил про одного игрока, что притворяется, лежит нарочно, ждет, чтобы штрафной судья назначил. И вслух об этом сказал. Ну, Валерий не удержался, возмутился: «А вы бы сами попробовали, на поле вышли бы». Обидно ему стало за игрока, захотелось заступиться по справедливости...

Еще про институт хочу сказать. Не секрет: некоторые из спортивных знаменитостей в учебе надеются получить от педагогов различные поблажки. Но для Валерия, например, не было худшего наказания, чем поблажки. Не любил он никаких одолжений — ни от кого.

Я замечал: некоторые из прославившихся спортсменов начинают любить и компанию соответствующую — артистов там известных и так далее... И этого за Валерием не водилось. Если он в компании не чувствовал себя уверенно — старался таких встреч в дальнейшем избегать...

...В детстве у сына неважно было с сердцем, и мы в ту пору никаких спортивных надежд с ним не связывали. Но на стадион — я тогда в хоккей с мячом играл — он со мною ходил регулярно. Зима, мороз, раздевалки отапливались плохо — и я, чтобы Валерий не мерз, ставил его на коньки. Так все и началось, и пошло...

Выдвинулся Валерий в большом хоккее сравнительно быстро. И все же не скажу, что сразу. В молодежной команде были ребята посильнее, смотрелись лучше — так мне тогда казалось.

Ну, а как уж сложилось у сына дальше, все и без меня знают — мне тут вроде и добавить нечего.

Как игрока во времени, можно сказать, в истории всего хоккея не мне, наверное, его оценивать — есть люди поавторитетнее в спорте. Однако его самого моя оценка всегда интересовала — и к моим словам он обычно прислушивался. Никогда от замечаний не отмахивался. А перед матерью —

она на игры не ходила никогда — держал отчет, привык к ее требовательности.

Я же приходил на матч всегда пораньше, чтобы встретить автобус с игроками. У нас с сыном и традиция образовалась — когда автобус подъезжал к служебному входу, я обязательно подходил к дверце и успевал сказать несколько напутственных слов... И после игры спешил подойти к нему — высказать свое мнение...

Я и сейчас прихожу на каждый матч армейской команды, хотя и тяжело мне всякий раз видеть автобус, в котором меня больше не ждет сын. Но присутствовать на игре команды, которая столько дала Валерию, которой, в свою очередь, столько отдал он, считаю для себя неизменным.

Владимир БОГОМОЛОВ,
мастер спорта СССР.

*Почему я не считал
Карламовым*

Накрапывает нудный дождик. С мешками хоккейной амуниции мы стоим на перроне минского вокзала, нахохлившись как воробьи. Нам бы смеяться от души да плясать — ведь юниоры ЦСКА только что стали лучшими в стране. Но правому крайнему Валере Лопину, левому крайнему Валере Харламову и мне грустно. Позади семь лет жизни рука об руку. И вот настал день, когда три параллельных прямых сошлись у шлагбаума, который лишь перед счастливыми открывается.

Две недели назад на этом же перроне, когда мы только приехали на чемпионат страны среди юниоров, я был исполнен радужных надежд. Все, как говорится, было при мне. И рост, сила. И техника. И сообразительность. И отношение к спорту серьезное. Авторитетом пользовался (Анатолий Владимирович Тарасов однажды поинтересовался у наших тренеров: «Кто у вас капитан?» Ответили: «Богомоллов». — «А комсорг кто?» Ответили: «Богомоллов». Тарасов развел руками: «Что ж это вы, братцы, всю власть одному отдали?»). Добрые слова в свой адрес слышал. Чего еще желать парню «на выданье» во взрослый хоккей?

Подходит к нашей тройке Виталий Георгиевич Ерфилов и зачитывает приговор: «Тебя не оставляют (это мне). Оставля-

ют Смолина, а тебя хотят попробовать (это Харламову).

Я, конечно, растерян и огорчен. Но несчастным себя не чувствую. Жаль, что в ЦСКА не взяли. Но жизнь ведь продолжается.

Там же, у вагона скорого поезда «Минск — Москва», получили мы предложение от Николая Михайловича Сологубова, который был для нас почти как бог и который вручал мне накануне приз лучшего нападающего:

«Чего носы повесили, ребята. Давай всем звеном ко мне в Пензу. Условия там подходящие». (Сологубова пригласили руководить «Дизелистом».) Совещались мы недолго... Считали меня человеком рассудительным, поэтому, согласись я — и не исключено, что уехали бы. Трудно сказать, как тогда у каждого судьба сложилась бы. Подумал: в институт поступил, учусь охотно; хоккей люблю, ну так попробую силы еще где-нибудь, почему обязательно в Пензе. Четкого ответа ребята от меня так и не дождались.

Проводница напомнила, что до отхода поезда осталось две минуты и пора заходить в вагон. С этого момента каждый из нас пойдет своим путем: Харламов будет становиться Харламовым, Лопин — трудиться на заводе и выступать за свою хоккейную команду, я — играть за команду мастеров, играть на хорошем, а точнее, на среднем уровне, ни на минуту не оставляя мысли о призвании — о тренерстве.

За окном мелькали окраины города, где мы разом перешагнули из юности во взрослую жизнь. Нет, я не завидовал Валере Харламову. Зависть чужда мне. Просто хотелось разобраться, почему не меня, хотя бы не нас двоих, а его одного из звена присмотрели тренеры команды мастеров. Мысленно прокрутил финал юниорского первенства страны.

Знал, что слева от меня всегда играет Валерка Харламов. Нормально играет. И все. А в Минске совершенно неожиданно увидел нового Харламова. В предпоследнем матче я упал за воротами и наткнулся на конек. «Ну, ты легко отделался, повезло», — повторял доктор, накладывая швы. Выступить, однако, запретил. На финал я, капитан, вывел команду, отыграл несколько смен, и Борис Павлович Кулагин снял меня с игры, понимая серьезность травмы.

Наша скамейка была дальней по отношению к чужой зоне, и, когда там появлялся Харламов, сразу хотелось привстать, чтобы все рассмотреть. С шайбой на крюке клошки выбирался он из углов площадки, где скапливалось подчас много игроков, уходил в центр и выдавал острейшие пасы или атаковал ворота сам. Три или четыре гола забил он.

Играя сам, куда-то перемещаясь, «открываясь», кого-то отвлекая, угрожая воротам, я наверняка упустил из виду важные

детали, а вынужденно став зрителем, был озадачен: как же так лихо можно выходить из углов площадки?! До чего же здорово играет Валера!

Помимо желаний пробиться в команду мастеров здесь было еще одно дополнительное обстоятельство. В те же дни в Ярославле проводился первый чемпионат Европы среди юниоров. Были там и Шадрин из «Спартака», и Федоров из «Крыльев Советов», и наши Лутченко, Ноздри, Поляков, Блинов, вратарь Полупанов. Они там были, а мы нет. Это раззадоривало: их взяли, значит, считают сильнее нас.

После минского турнира мои хоккейные амбиции пошли на убыль, а у Харламова была потом славная хоккейная жизнь...

С малолетства играл я с ним в одной тройке. Помню все хорошо.

...Группа 48-го года рождения только комплектовалась, и я поначалу занимался с ребятами на год старше: физически я был на их уровне. Валера же соврал, что 49-го: наверное потому, что был маленький и отнюдь не крепкий. Когда тренер обнаружил обман, он мог и выгнать мальчишку, а не сделал этого. Значит, чем-то он приглянулся. Чем именно — трудно сказать. Может, нравилось, как катается. Может, импонировало, что отец часто приходил на сынишку поглядеть, но вел себя деликатно, в дела тренерские не лез. Это уже из области догадок. В день какого-то матча тренер Вячеслав Леонидович Тазов привел Валеру к нам: «Этот парень будет здесь играть». Ну будет так будет. Как «опытный» уже хоккеист, я отнесся к событию равнодушно.

Отбирали тогда просто: рослый, хорошо катается — выйдет толк! Мальчишкой я был крепким, забивал. Валера на коньках держался уверенно, но в целом особо не выделялся. Кто бы мог предположить, что он, Харламов — будущая звезда? Думаю, никто. В том, что не затерялся он, есть заслуга армейских педагогов. Но считать, что сразу разглядели дарование, значит, выдавать желаемое за действительное, упрощать спорт, игнорируя загадочное и не такое уж редкое явление, когда вершины достигает человек, имевший у подножия скромные надежды на всеобщее признание.

После того как Харламова, Лопина и меня свели в одно звено, мы редко расставались. Часто бывали дома у Харламовых. Бегоня и дядя Боря, Борис Сергеевич, — добрые, искренние люди. Таким вырастили и сына, который унаследовал спортивность отца, взрослым игравшего в русский хоккей, и импульсивность матери-испанки.

Мы и досуг свой не представляли без спорта. То на стадион пойдём, обычно на «Динамо», то сами в футбол играем. Летом футбол полностью заменял хоккей. Харламов у Нила Степано-

вича Гутнина в «Метрострое» тренировался, я — в ЦСКА. Сказал ему: «Что ты за «Метро» бегаешь. Давай к нам. Вместе же будем». Привел друга, а его не взяли. До сих пор для меня это загадка. Ведь играл он здорово, особенно в мини-футбол. На большом поле тоже был хорош, но потом, пройдя атлетическую подготовку армейского хоккея, был несколько массивней, чем того требует кожаный мяч.

На льду он любил шайбу отпустить в пространство между собой и защитником, с которым затевал игру в кошки-мышки. Тот азартно бросался за легкой добычей. Тонко чувствуя дистанцию, Валерий выкрадывал из-под носа шайбу — и был таков. Позже это назовут «обводкой будущего»: до Харламова классическим считался постоянный контроль шайбы — у него она бывала вроде бы и ничья.

На зеленом же поле мяч у него был как приклеенный к ноге. Обводка была простая. Показал корпусом в одну сторону и ушел в другую. Надежно прикрывал мяч. Тогда о полузащитнике Викторе Папаеве шла молва, что в «проходе автобуса восьмерых может обвести!» Видел, как нечто подобное исполнял Харламов.

Летом, спасаясь от городского пекла и шума, мы ездили на пляж в Серебряный бор. Был там футбольный «пятак» размером с баскетбольную площадку, с урнами вместо штанг. Регламент строгий: проиграла — ждите своей очереди, а желающих — длинный хвост. Играть там умели и сражались по-мужски. А мяч у Харламова отнять не могли.

Валерий и с баскетбольным мячом хорошо смотрелся. Хорошо потому, что мышление его было создано для игр. Харламовское понимание ситуаций отличалось от канонов. С шайбой или с мячом шел он не туда, куда предполагали соперники, а бросался в самую гущу, на эшелонированный участок обороны, чем вызывал смещение у противника и создавал оперативный простор для партнеров. Мог сделать все и в одиночку, от первого хода до последнего, но чаще делился с товарищами радостью лихой атаки.

Харламовские импровизации — это хоккейные мелодии, которые были столь любимы в его бытность и над которыми не властно время.

Откуда же была в нем эта способность в любой момент сотворить чудо на льду?

Только с трибуны или у голубого экрана, да и то скорее всего малопосвященному зрителю, самому не игравшему, может казаться, что действия спортсмена укладываются в примитивную схему: обвел, отдал пас, бросил... На самом деле механизм мало-мальски заметного маневра сложен и многоступенчат.

Не вдаваясь в детали, представить это можно так. Сначала игрок воспринимает ситуацию на площадке с помощью зрения, слуха, мышечных ощущений. Потом эту ситуацию анализирует. Далее принимает решение и отдает приказ двигательным органам. И лишь тогда свершается действие, видимое очевидцам.

Исход эпизода решает не только качество и быстрота каждой мини-операции, но и в целом взаимодействие систем — воспринимающей, анализирующей, проводящей (информацию о том, что окружает хоккеиста, и приказы на конкретные шаги) и исполняющей. Бывает, хорошо игрок двигается, увя, соображает, ориентируется медленно. Про такого говорят: «бегунок». У другого и решения разумны, и своевременны они, да вот беда — исполнение подводит. Этот слывет «профессором». У Харламова мало того, что каждая система в отдельности была совершенна, все они были приведены в полное соответствие друг с другом. Невольно возникает аналогия со сложным и безотказно работающим механизмом, где каждое звено плотно пригнано к последующему. Неповторимые Валерины импровизации возникали на базе этой внутренней, невидимой окружающим отлаженности — внутренней гармонии.

Бывает, все системы у хоккеиста работают качественно и оперативно — котироваться он будет высоко и все же чуда на льду не сотворит. Нужен еще импульс, взрыв и особенно нужна аритмия, что, вообще, кажется мне главным в этой игре. О харламовской обводке можно судить да рядить без конца. Она была само воплощение аритмии и нестандартности. И ведь никто этому его не учил: я-то знаю. Сам нашел свой ритм, свою пластику движений. Не зря бытует мнение, что тренеру надобно талант отыскать и потом не мешать ему идти своим путем, наливаясь силой.

Сейчас я понимаю, что одни системы у хоккеиста при должной тренировке улучшаются, а другие подвержены существенным изменениям. Эти, последние, обусловлены генетически: что матушка-природа заложила, то и будет. В этом отношении Валерий не был обделен.

Минский турнир, к которому я то и дело возвращаюсь, стал для меня первой наглядной иллюстрацией того, как же по-разному мы играем. Прочесть ситуацию на площадке могли мы и одинаково. Но у меня преобладали холодный расчет, «железная» логика. Валера шел значительно дальше. Слово шахматист, просчитывал Харламов возможные варианты и успевал выбрать наиболее реальный — он за соперника мысленно проигрывал ситуацию, создавал вполне конкретную обстановку, наверняка знал, какое тот примет решение, после чего «делал что хотел»!

Всячески избегая шаблонов, он дерзал, и моментами казалось: вот-вот риск превысит допустимую грань. Однако коэффициент надежности его импровизаций приближался к единице: почти всегда верх брала логика, если так можно выразиться, более высокого масштаба.

В юности уже лицом к лицу сходились мы с ним только в настольном хоккее. Я манипулировал одной рукой, он — обеими: мой крайний форвард пасовал центральному, тот бил по цели — у него левый крайний мог легко сделать передачу на правый фланг. И вообще такую он закручивал карусель, что я получал передышку лишь после того, как обнаруживал миниатюрный кругляшок в собственных воротах.

Поражения эти меня не расстраивали: подумаешь, настольная игра. Но сейчас я готов предположить, что и таким образом он словно намекал о своей грядущей хоккейной силе.

Все, чем он впоследствии обезоруживал противников и приводил в восторг зрителей, накапливалось постепенно, постепенно и потому незаметно для деливших с ним спортивные будни. Я в семнадцать лет уже был на заметке у тренеров команды мастеров, он — нет. И сколько ни ворошу по закоулкам памяти, ничего сногшибательного в юном Харламове не обнаруживаю.

Вот Смолин — дело иное. Саша Смолин запросто обводил пятерку соперников! Проезжал за ворота и снова обводил пятерых! Снова уходил за ворота и снова разделялся со всеми! С ним играть-то никто не хотел, потому что резонно возникал вопрос, зачем же здесь ты? Приставляли ему двух ребят послабее. Саша исполнял буквально цирковые трюки. Сближался, к примеру, с защитником и в последний момент перебрасывал шайбу через него, а тот еле успевал голову пригнуть, чтобы шайба в лицо не угодила. И Саша объезжал его на одном коньке. Покидая хоккей, Александр Альметов вручил Смолину свой свитер с номером девять...

Кто сегодня помнит кудесника Смолина? Только мы, сверстники. На приобретение новых качеств требовались усилия, которых он не прикладывал.

А не слышавший вундеркиндом Харламов в этот наиболее сложный период спортивной жизни — превращения юниора в мастера — показал, что имеет «железную» установку на большую игру.

По возвращении в 67-м году из Минска, когда Валеру начали пробовать в команде мастеров, Тарасов совершенно неожиданно предложил мне тренировать мальчишек. Я согласился. Теперь виделись мы с Валерой реже. Я подбадривал его, чтобы не тушевался среди мастеров, где что ни хоккеист, то член сборной. Тяжело ему было: ни физических данных впечат-

ляющих, ни звонкого, пусть и на юниорском уровне, имени. Мои новые заботы волновали друга. По воскресеньям мы с ним брали мою группу за город, выезжали куда-нибудь в лес. Проводили с мальчишками занятия на развитие силы и ловкости, быстроты и выносливости, используя холмы, ямы, валуны, кусты. Страсти разгорались, когда целыми пятерками лезли на дерево — кто быстрее? Потом разводили костер, обедали и после короткой передышки обязательно устраивали футбол против взрослых из соседней деревни. Возвращались все довольные. Ребята не слонялись по дворам, мы с Валерой, как и прежде, целый день были вместе.

Позже он уехал на сбор в Кудепесту. А когда снова увиделись, друга своего не узнал. Мощные ноги и руки, какая спина, брюшной пресс! Мышцы так и играли по всему телу. Домой вернулся атлет, хоть лепи с него античного герся.

Но и после этого Харламов в состав не попадал. Зашел к мастерам, а его нет. Объяснили: «Харламова с Гусевым в Чебаркуль отправили». По скучным протоколам в «Советском спорте» следил за местной «Звездой». Радовался, что много забивает.

...Мартовским днем я вел занятие на «коробочке», которую заливали рядом с Дворцом ЦСКА. Вижу, Валера идет: «Здорово! Ты надолго пожаловал?» Он был полон надежды: «Привет, Володя. Вроде берут в команду».

Армейцы собирались в турне по Японии. Харламову сказали, что едет. В назначенный час он явился с чемоданом. А ему: «Ты не едешь. Едет Смолин».

Валера был вне себя. Говорил мне: «Брошу все. В «Спартак» уйду. Докажу... не могли по-человечески сказать...»

Но никуда, конечно, не ушел. Оделел и это. А по возвращении из Японии Тарасов стал подыскивать замену Вениамину Александрову. И пробил час Валерия Харламова...

Судьба не раз приостанавливала его целенаправленное движение. Может быть, именно это побуждало Валеру черпать и черпать ресурсы своего таланта. Ресурсы, о которых порой ни специалисты, ни он сам не подозревали.

А родник не иссякал...

У меня же все сложилось гораздо спокойней. Неприметно сложилось.

В детстве я пробовал себя в плавании, гонял в футбол, а в хоккей с мячом играл с ребятами на четыре года старше. И только потом целиком переключился на хоккей с шайбой. Еще будучи восьмиклассником, на вопрос учителя о том, кем хочу стать, я ответил двузначно: «Спортсменом, тренером». Привычка верховодить во дворе и школе привела к тому, что в хоккее я подсознательно не столько желал лидерства, сколько

стремился помочь другим проявить себя. До сих пор не пойму, отчего Тарасов предложил мне, девятнадцатилетнему парню, работать в школе, да еще какой — ЦСКА! Может быть, это раздвоение, которое удивительно совпадало с моей «установкой» в спорте, и помешало полному моему проявлению как хоккеиста.

Проработав год тренером, я решил, что для будущего надо все-таки самому познать взрослый хоккей. И до двадцати семи лет выступал за «Локомотив» в тройке с Виктором Якушевым и Виктором Цыплаковым. Потом руководил юношеской сборной страны, сейчас занимаюсь с юниорами.

Перебирая в памяти годы, проведенные вместе с Валерием Харламовым, вспоминаю далеко не гладкое его восхождение, я все чаще ловлю себя на мысли о том, что должен быть чутким ко всем без исключения, чтобы среди моих юных подопечных не проглядеть нового Харламова.

В 1971 году в издательстве «Советская Россия» вышла книга В. М. Боброва «Рыцари хоккея». В ней Всеволод Михайлович рассказывал о трех поколениях советских хоккеистов, как он называл, «трех волнах», в отечественном хоккее. К числу самых выдающихся «третьей волны» хоккеистов он отнес Валерия Харламова.

Будучи тренером сборной СССР, В. М. Бобров считал Валерия «одним из ярчайших талантов, которые рождаются раз в столетие».

Всеволод БОБРОВ,
заслуженный тренер СССР.

Урок Харламова

В тройку к Петрову и Михайлову Валерий Харламов был подключен несколько позже, примерно в конце 1968 года.

Отлично помню матч его дебюта. На лед вышел худенький, небольшого роста паренек. На разминке он выглядел эдаким насупившимся воробышком — ударил два или три раза по воротам, столкнулся с кем-то из армейцев и отъехал к борту. Не то обиделся, не то почувствовал себя неловко.

— Вроде бы лапша, — сказал пристально наблюдавший за ним Володя Мигушко.

Но уже после первого периода, в перерыве, он, вытирая полотенцем залитый потом лоб, признался:

— Ошибся. Силён парень!

Я улыбнулся: дорого далось это Володе. Валерий несколько раз на огромной скорости обходил его и других наших опытных защитников, демонстрируя безупречную обводку.

Обводка — вот одна из страстей и одна из самых сильных сторон этого игрока. На первых порах он даже злоупотреблял ею, но потом все образовалось, и Валерий поставил ее на службу звену. Его скоростные проходы, его филигранный дриблинг позволяют ему стремительно проходить в зону, оставляя за спиной защитников соперника или, наоборот, притягивая их, как магнитом, к себе. Это открывает оперативный простор для партнеров.

Понаблюдав игру Валеры, наши ребята стали через некоторое время говорить:

— Этот парень чем-то смахивает на Веню...

Действительно, по своей технической подготовке, по богатству и отточенности освоенных приемов, по изяществу их исполнения на колоссальной скорости Валерий и впрямь похож на своего знаменитого предшественника Вениамина Александрова. Так же, как у него, страсть Валерия — атака.

Эти качества учили тренеры команды, учили партнеры: Валерий во время обороны своих ворот как бы умышленно чуть отстает, чтобы при первой же возможности рвануться вперед. Он как дамоклов меч всегда «висит» над воротами соперников, всегда готов броситься вперед, чтобы лично забить гол или создать голевую ситуацию партнерам.

Дмитрий РЫЖКОВ,
обозреватель газеты «Советский спорт».

Верность

Шел матч ЦСКА — «Крылья Советов». После несложной комбинации армейцев шайба была перенаправлена Валерию Харламову. Причем перенаправлена не в самый удачный момент. Валерий принимал ее у борта, стоя на месте, и был отличной мишенью для соперника. Обычно защитники такого момента не упускают: с ходу в игрока — удар, а форварду, впечатанному в борт, остается только подбирать со льда амуницию — отлетевшие в стороны перчатки, клюшку да потирать бека.

Однако на этот раз защитник «Крыльев Советов» Глухов, устремившийся было к Харламову, вдруг резко затормозил. Полетело веером из-под его коньков ледяное крошево, обдав

Валерия с ног до головы. Тихо ахнули удивленные странным поведением защитника трибуны. А Харламов, воспользовавшись ситуацией, покатил к воротам «Крылышек».

Покатил к воротам... Обычно в такой ситуации защитники не брезгают почти ничем. Ключка, как сабля, сечет по рукам форварда, а уж коли недорубили, свалят смельчака на лед, — и пусть свистит судьба!

Однако на этот раз Харламова не рубили, не сбивали — разве что слегка цепляли руками: уж больно близко Валерий к воротам подобрался. А когда чуть позже он все же забил гол, свершилось уж совсем необычное. К аплодировавшим зрителям присоединились хоккеисты «Крылья Советов». Да, да, сами игроки и вратарь «Крылышек» аплодировали форварду, только что забросившему шайбу в их собственные ворота. Такого мне, например, видеть на наших катках еще не доводилось.

Что же произошло? Весною 1976 года, примерно за полгода до описанного матча ЦСКА — «Крылья Советов», Валерий Харламов попал в автомобильную катастрофу. Врачи поначалу были категоричны: ходить будет, но о хоккее нечего и думать. А он, Валерий, думал. Но думал не абстрактно — вдруг медицина свершит чудо?! А предельно конкретно — что должен сделать он сам, чтобы чудо свершилось.

Сначала чудеса были маленькие, почти микроскопические — пропрыгал на костылях пять метров по коридору госпиталя. Потом — десять... двадцать...

Увеличивалась дистанция. Костыли сменила палка, правда, не хоккейная «палка», как называют клюшку сами игроки, а обычная. Но до большого чуда — до возвращения в хоккей было еще очень далеко.

Рассказывают, в те дни многие хоккеисты из других городов, встречаясь с москвичами, задавали один и тот же вопрос: «Как там Харлам?» А в ответ следовало сначала «ходит на костылях...», затем — «с палкой». И наконец долгожданное — «...начал кататься».

«Долгожданное» не ради красного словца сказано. Хоккейный клан при всех сложностях взаимоотношений, при существующих — порой на почве конкуренции за место — симпатиях и антипатиях был на редкость единодушен в отношении Харламова: его талант уважали, его самого любили. За доброжелательность. За то, что не делил он игроков на партнеров и соперников. За отсутствие даже тени — и это при его-то титулах — высокомерия.

Стоит ли удивляться, что в матче ЦСКА — «Крылья Советов», а это был матч-возвращение для Валерия Харламова, всем — и партнерам, и соперникам, и зрителям хотелось быть сопричастными к чуду. Отсюда и бережное (лучше слова не подбе-

решь) отношение к Валерию всех тех, кто выходил, независимо от цвета формы, вместе с ним на лед. Отсюда и всеобщие, независимо от клубных симпатий зрителей, аплодисменты.

Дворец спорта аплодировал не голу Харламова — он приветствовал чудо, которое совершил Валерий. Чудо возвращения в хоккей.

Конечно, нужно отдать должное медикам: они сделали все возможное и, кажется, даже невозможное для того, чтобы Харламов вновь вышел на лед. Но медицина врачует лишь тело. Сколько людей рано ушло из спорта после куда менее серьезных травм — сломился их дух. А Валерий вернулся. Почему? Что помогло ему?

«Он был мужественный человек, — рассказывает Борис Павлович Кулагин. — Приведу один лишь пример. В серии встреч 1972 года сборных СССР и Канады Бобби Кларк опекал Харламова, не брезгуя ничем. В шестом матче — а он проходил на льду Лужников в Москве — Кларк нанес Харламову такой удар по ногам, что Валерий был не в состоянии больше выступать».

Многие, даже известные хоккеисты, получив и более легкую травму, отдают себя в руки эскулапов, и о выходе на лед не помышляют. И все это — на вполне законных основаниях. Но, зная характер Харламова, перед последней, восьмой, игрой серии я обратился к нему с не совсем обычной просьбой. Я попросил Валерия все же выйти на площадку.

«Канадцы, — сказал я ему, — опасаются тебя больше всех. Поэтому мы бы хотели, чтобы ты вышел на эту решающую игру. Сыграй вполсилы — и все будет нормально. Катайся осторожноенько, на столкновения не иди... Сегодня нужно твое имя».

Валерий вышел на лед. Но играл не вполсилы — он так не умел. И не вина Харламова, что тот матч мы проиграли...»

Итак, Валерию помогло вернуться в хоккей мужество. Но только ли оно одно?

«Во время одной нашей встречи после той, первой, автомобильной катастрофы, — вспоминает Анатолий Владимирович Тарасов, — я порекомендовал Валерию тренироваться не со взрослыми, а с мальчишками по пять-шесть часов. Он последовал совету».

Я приходил на эти тренировки. Я видел, он — один, мальчишек семь-восемь... он с кем-либо из взрослых партнеров, а против — пятнадцать-двадцать ребят. Как же Валерию было тяжело! Но он себя почти восстановил.

Валерий рано осознал, что мастерство приходит через труд. Многие жаловались и жалуется, что трудно тренироваться. Но я не помню, нет-нет, не помню, чтобы Валерий сказал,

мне трудно, освободите меня. Хотя, конечно же, ему бывало тяжело...»

Мужество плюс трудолюбие — прекрасные качества. Но они не так уж редки, не столь уж уникальны. И коли речь идет о Валерии Харламове, хоккеисте и человеке в принципе уникальном, продолжим поиск. Поиск слагаемых, составляющих этой личности.

Верность. Так или иначе почти каждый, вспоминающий о Харламове, употребляет это слово. Он был верен хоккею... Он был верен своей родной команде ЦСКА...

Он был верен дружбе...

И все эти «он был верен...» — лишь часть одного самого, по-моему, главного: он всегда был верен себе, своим принципам, своим взглядам на жизнь.

Встречаются таланты, которые, будучи возведены на пьедестал, боятся спуститься с него хотя бы на мгновение. Они даже интервью или автографы дают так, словно делают величайшее одолжение. В результате вокруг таких людей возникает несмотря на их титулы и звания пустота. А вокруг Валерия всегда были люди. И многочисленные друзья. Ибо восьмикратный чемпион мира, дважды олимпийский чемпион, заслуженный мастер спорта Валерий Борисович был столь же прост в общении, как и известный в 1967 году лишь узкому кругу знатоков, подающий надежды Валера Харламов. Внимательного слушателя и собеседника в нем находили домохозяйка и журналист, солдат-первогодок и генерал, актер и академик.

Рассказывают, у пожилой женщины, жившей в том же доме, где и Харламовы, отмечался день рождения. Валерий, заскочивший после матча домой на пять минут, узнал об этом. Узнал и...

Чуть позже в квартире этой пожилой женщины прозвучал звонок. Переступив порог, Валерий опустился на колени и поцеловал руку именинницы. У него не хватало времени, чтобы купить подарок, чтобы достать — дело было зимой — цветы, но свое искреннее уважение к старшему человеку, женщине, он выразил так, как в наше время мало кто даже рискнет — из-за боязни показаться смешным — выразить. Он не боялся.

Отец (мать, бабушка, бабушка, в крайнем случае старший брат — ненужное вычеркнуть) привел его на каток (стадион, бассейн, спортзал...) — с этого и началась дорога в большой спорт. В большинстве рассказов о спортсменах этим и ограничивается разговор о семье. Исключения встречаются, хоть и редко, когда герой — из семьи потомственных спортсменов. Тогда появляется фраза о том, как отец вручал сыну старенькие коньки (бутсы, боксерские перчатки...) На чем и ставится точка.

Еще раз о семье спортсмена обычно упоминается в конце очерка — после побед (чаще всего за рубежом) авторы обычно возвращают героя в отчий дом, где его ждут родители, проводившие долгие часы у экрана телевизора (прежде марки КВН — теперь ассортимент расширен), и любимое с детства блюдо.

Жизнь, взаимоотношения Валерия Харламова с родителями можно было бы тоже вогнать в эту схему. Благо, действительно можно было бы тоже вогнать в эту схему. Благо, действительно отец, Борис Сергеевич Харламов, привел сына на каток ЦСКА. Благо, известно и любимое блюдо Валерия — блины. Только не хочет жизнь втискиваться в схему.

Арибе Аббад Хермане — таково полное имя матери Валерия, но она просит называть ее Бегоня. Так звали ее в Испании, откуда она девочкой была привезена в Советский Союз в конце тридцатых годов, когда на Пиренейском полуострове после мятежа генерала Франко вспыхнула гражданская война.

Она и сейчас пряма — без всяких полутонов и компромиссов — в своих суждениях. И, разговаривая с ней, понимаешь, почему Валерий Харламов был именно таким, каким он был.

«Сынок, разве ты не видишь, что женщине тяжело нести сумку?! Помоги ей...» — не отсюда ли начиналось то постоянное стремление Валерия помочь каждому — другу, партнеру, просто человеку, встретившемуся на его жизненном пути — нести его ношу. Особенно если она, эта ноша, была тяжелой.

«Валера, Таня, вот все деньги, что есть в доме. На две пары ботинок не хватит. Решайте, кому из вас ботинки нужнее...» Ответ радовал ее материнское сердце. Сын отвечал: «Конечно, Таня! Она — девочка. Должна быть красивой...» Дочь возражала: «Конечно, Валерке! У него от футбола ботинки совсем развалились. А я еще в старых могу походить...»

Взрослели дети, серьезнее становились проблемы. И уже сами дети начинали разговор с матерью. «Мам, я после школы пойду работать — пусть Валерка учится и играет в хоккей», — говорила дочь. «Нет, — возражал сын. — Деньги в дом должен приносить мужчина. Работать пойду я, а Татьяна пусть продолжает учиться...» И семейный совет решал...

Иной читатель скажет: а какая связь между покупкой ботинок и блестящими выступлениями Валерия Харламова на хоккейных площадках? Вот если бы мать так или иначе помогала сыну стать хоккеистом, это было бы к месту...

Нет, мать не помогала — так, как требует прямолинейный читатель — сыну. Более того, отец, Борис Сергеевич, и сын ходили на занятия в детскую хоккейную школу ЦСКА тайком от матери — у сына в детстве пошаливало сердце. А когда через год узнала об этом, у нее самой стало плохо с сердцем. Кстати, врачи к тому времени признали Валерия абсолютно здоровым.

Не стала мать и постоянной болельщицей Валерия, если под этим понимать постоянное место на трибуне, в котором бы ей, матери Харламова, конечно бы, никто не отказал. Она бывала на хоккее очень редко — лишь тогда, когда вопрос о победе в чемпионате ли страны, в международном ли турнире уже не стоял. В остальных случаях мать предпочитала следить за сыном сидя у телевизора, может быть, потому, что помнила, каким курьезом обернулось ее первое посещение матча с участием Валерия.

— Играли они, — рассказывает Бегоня, — на открытой площадке. Вокруг бортов такие снежные валы, а на них люди стоят, смотрят. Взобралась туда и я. Вдруг вижу несколько игроков столкнулись и упали. Потом все поднялись, а Валера лежит. Перенести это я не могла. Перелезла через борт и — к этому человеку со свистком: «Судья, куда вы смотрите?! Ребенок лежит...» Остальное можете представить себе сами. Вот с тех пор я на хоккей почти и не ходила...

Опять «не к месту» получается — мать, как видите, почти и не ходила на хоккей. Однако разве можно втиснуть жизнь в схему? Разве можно поставить разделительную черту между чисто хоккейными достоинствами Валерия Харламова и тем, что он с детства не мог безучастно смотреть на женщину или пожилого человека, несущего тяжесть?

Спорт — своеобразная сфера человеческой деятельности. Наблюдая, скажем, за работой слесаря, не сразу определишь — добрый человек этот слесарь или злой, честный он или лживый. Спорт же человека словно рентгеном просвечивает — на площадке не скроешь ни достоинств, ни недостатков. И уж коли не только партнеры, но и соперники — постоянные и желанные гости в доме, это говорит о многом. А в доме Харламовых кто только не бывал — и динамовцы, и спартаковцы, и само собой разумеется, цесковцы. И многие из них обращались к Бегоне коротко и выразительно: «мать».

В атмосфере такой семьи талант, если он есть, не мог не найти выражения. А Валерий был талантлив. Талантлив как художник — в широком смысле этого слова.

Есть игроки — роботы. Иные даже — роботы-виртуозы. Валерий же на льду был артистичен. Он выполнял тренерские задания так, что приводил в изумление и соперников, и самих тренеров. И хотя о спортсменах не принято говорить «гений», Валерий — рискнул сформулировать это так — был гением на льду. Не случайно канадцы называли Харламова суперзвездой, скандинавы — игроком высочайшего класса. Журналисты многих стран писали, что такие хоккеисты, как Валерий, рождаются раз в сто лет.

Беспорно, у Валерия были великолепные тренеры —

Анатолий Владимирович Тарасов и Борис Павлович Кулагин. Несомненно, у него были отличнейшие партнеры — Борис Михайлов и Владимир Петров. Вспоминаая о нем, они, наверное, расскажут, каким учеником, каким партнером был Валерий. Не буду вторгаться в их область. Мой взгляд — взгляд со стороны: ведь я видел его в основном с трибуны — из ложи прессы. Но и из ложи прессы Харламова ни с кем спутать было нельзя.

Два соперника стоят стеной — между ними и мышь не проскочит. А Харламов — нет чтобы в сторону, прямо на них мчит. Другие, бывало, тоже нечто подобное проделывали. Но они, эти другие, протискивались, прорывались с боем, а перед Валерием защитники словно сами расступались. Будто он слово какое знал...

Мне посчастливилось участвовать в работе над фильмом «Вспоминаая Харламова». В процессе его создания нам очень хотелось найти хоть какие-то кадры одного эпизода: в 1974 году Валерий забросил во втором матче со сборной ВХА совершенно фантастическую шайбу. Увы, эти кадры не сохранились. Поэтому, хотя лучше раз увидеть, чем сто раз прочитать, я приведу все же записи из моего блокнота.

...Тот гол канадская пресса назвала сногсшибательным (в самом прямом смысле этого слова), а защитник команды «Канада-74» Трамбле сказал, что впервые за свою долгую профессиональную карьеру он почувствовал себя мальчишкой, точнее — «мальчиком для битья».

— Когда мы со Степлтоном откатывались назад, я был спокоен: ни один даже лучший форвард ВХА или НХЛ не рискнул бы вклиниться между нами. Без ложной скромности скажу, что менее опасно очутиться между двумя жерновами. Однако этот русский нападающий понесся на нас. Что было потом?.. Я увидел, что форвард собирается обойти меня с внешней стороны, слева. Пэт Степлтон, как потом выяснилось, заметил прямо противоположное: мол, русский хочет обойти его справа и тоже с внешней стороны. Когда же мы разъехались ловить каждый «своего» Харламова, тот проскочил между нами. И я по сей день не пойму, как этот нападающий оставил нас в дураках. Но одно я знаю точно: другого такого игрока нет...

Впрочем, Трамбле мог утешаться, что он не одинок — не один защитник, и из числа наших, и зарубежных, после встречи на льду с Харламовым задавал себе вопрос: да как же так получилось?! И им оставалось только посочувствовать, поскольку не то что на льду, но и сверху, из ложи прессы, невозможно было предвидеть, что Валерий собирался делать. Сам же Харламов объяснял все чрезвычайно просто: «В сторону пойдешь —

один защитник поддаст да другой добавит. Если же напрямик — глядишь, и понадеются они друг на друга. А уж когда проскочил между ними, то перед тобой один вратарь...

Да, «по Харламову» все это было очень просто. Только в ином исполнении эти номера почему-то не получались. И не получаются по сей день.

Эх, если бы знать — и кинограммы следовало бы сделать, и поговорить с ним пообстоятельнее. Тем более что Валерий в общем-то довольно легко шел на контакты с журналистами. Даже когда у него были основания избегать лишних разговоров. Но он понимал, что значит «нужно для газеты», поскольку уважал, с детства приучен был уважать, чужой труд.

Взаимоотношения журналистов и спортсменов — сложные взаимоотношения: с одной стороны, приятно, когда тебя хвалят на всю страну, с другой — критика, да еще распространенная миллионными тиражами, мало кому может понравиться. Отсюда и обиды, а порой и отказы разговаривать с прессой. Однако Харламов и в этой сфере оставался верен себе: справедливая критика его расстраивала, но не обижала.

Написав эти строки, я поймал себя на мысли: не идеализирую ли я Валерия? И, взвесив все «за» и «против», отвечаю и вам, читатель, и себе: нет. Ему не было чуждо ничто человеческое, но время отсекает второстепенные детали. И, присоединяясь к словам Анатолия Владимировича Тарасова, сказанным о Харламове-хоккеисте: «Найдите мне другого такого. Такого не было!», мне хочется еще раз повторить: это был не только Хоккеист, но и Человек.

Борис КУЛАГИН,
заслуженный тренер СССР.

Он играл для людей

Он играл для людей. Не для себя. Не для своей славы — для людей. Таков уж был характер Валерия Харламова — хоккеиста талантливого, выдающегося.

Впервые я увидел Валерия в 1962 году. В компании своих сверстников он пришел на каток ЦСКА «записываться в хоккей». В те времена мальчишек, жаждущих стать хоккеистами, было хоть отбавляй. Не то, что сейчас. И потому отбор был чрезвычайно строгим. Чрезвычайно строга была и «экзаменационная комиссия», в которую входили и тренеры команды

мастеров, и ведущие игроки. И огорчительное «нет» приходилось говорить куда чаще, чем «приходи завтра на тренировку». Валерий оказался единственным среди его приятелей и соседей по двору, кто услышал это желанное «приходи завтра».

Есть люди, которые, так сказать, несовместимы с коньками. Например, отличный спортсмен, известный в прошлом футболист Аугустин Гомес иначе, как опираясь на клюшку, выходить на лед просто не мог. Да и у нас, в команде мастеров, бывали игроки, которые, пытаясь сжиться с коньками, не снимали их, ложась спать. Валерию к подобным мерам прибегать не нужно было. Бегать на коньках было для него столь же естественно, как и ходить. А повороты налево, направо, которые другие разучивают подолгу, четырнадцатилетний Харламов выполнял во время того самого отбора-конкурса настолько непринужденно, что ни у кого не вызывало сомнений, брать его или не брать.

Уже вскоре выяснилась и другая черта его таланта. Валерий был прирожденный игровик. Я думаю, он многого мог бы добиться и в футболе, и, будь Харламов повыше ростом, в баскетболе, поскольку всюду его умение видеть площадку, способность предугадать ход событий выделяли его среди остальных. Добавьте к этому самолюбие — Валерию претило быть вторым — и нетрудно понять, почему даже за бильярдным столом Харламову немного было равных.

Однако прирожденный талант — это еще не все. Мне за бытность мою в хоккее немало приходилось видеть талантов, так и не раскрывшихся. Не хотели понимать люди, что талант произрастает только на земле, обильно политой соленым потом. Харламова этому учить не нужно было. Цену труда он познал рано, в семье. На примере своих родителей-тружеников. И не случайно отец его, Борис Сергеевич, узнав как-то, что Валерий пропустил тренировку в детской команде, сказал сыну: «Делом либо следует заниматься всерьез, либо не заниматься вовсе... тем более в команде, где ты можешь подвести других».

В молодежной команде ЦСКА — а будучи помощником Анатолия Владимировича Тарасова, я в некотором роде опекал молодых — мы часто общались с Валерием. На тренировках, да и вне их. Словом, все шло к тому, что Харламов станет игроком команды мастеров. Однако судьба уготовила ему испытание.

В то время пошла мода на крупногабаритных игроков. Тренеры молодежной команды, рекомендуя того или иного из своих подопечных, подчеркивали с восторгом, что хоккеист имярек рвет цепи прибора для измерения становой силы. Валерий же по фигуре в гвардию не проходил и потому его было решено отправить на стажировку в команду Чебаркуля. Вместе

с Харламовым и защитником Александром Гусевым мы туда и отправились.

Помню первый разговор в Чебаркуле с руководством. Поблагодарили нас за то, что дали в команду Гусева и выразили сомнение насчет Харламова: мол, в нашей лиге этому малышу трудно придется — затолкают его, столько синяков наставят, что он из хоккея убежит. Я слушал и про себя посмеивался. А вслух сказал: «Ну что ж, посмотрим...»

Вскоре я вновь приехал в Чебаркуль, посмотреть, как поживают Валерий и Саша. И те самые руководители, которые сомневались, «потянет ли Харламов», буквально слов не находили, чтобы выразить восхищение его игрой. И не только игрой — отношением к партнерам, зрителям, к делу вообще. Не секрет, иной столичный игрок, попав в периферийную команду, поглядывает свысока на местных хоккеистов, позволяет себе вольности. Естественно, он остается чужаком. Валерий же, хотя он играл в команде Чебаркуля не так уж долго, сразу стал своим. И дружбу со многими хоккеистами из той команды сохранил на долгие годы. Родители Харламова рассказывали, что без телеграммы из Чебаркуля не обходился ни один праздник, а после трагической гибели Валерия именно в том городе начал создаваться первый музей Харламова. Вот ведь какую добрую память оставил о себе Валерий в Чебаркуле!

За первым выступлением Харламова в сборной СССР на чемпионате мира — а происходило это в 1969 году в Стокгольме — я следил по телевизору. Радовался за Валерия, за его партнеров — Бориса Михайлова и Владимира Петрова. А когда они вернулись, Харламов даже меня удивил. Он, поехавший в Швецию перворазрядником, а вернувшийся заслуженным мастером спорта, был недоволен собой. Не оставил у Валерия этот первый для него чемпионат мира полного удовлетворения — мог (это проскальзывало в его разговорах) сыграть лучше.

Был ли он честолюбив? Пожалуй, да. Только честолюбив по-своему. Сделать то, чего не мог сделать никто — вот что его радовало. А признание, славу он воспринимал как нечто вторичное. Не столь уж важное.

В начале 70-х годов, когда я начал работать с командой «Крылья Советов», наши пути с Валерием на некоторое время разошлись, но уже вскоре мы стали вновь встречаться в сборной. И вспомнить мне хочется о том, как Валерий завоевал сердца хоккейной Канады.

Признали канадцы Харламова не сразу, в отличие от Владислава Третьяка. Уж очень он был непохож на их кумиров. И бросок его по мощи не шел в сравнение с броском, скажем, Бобби Халла. И в беге не выглядел столь эффектно, как, например, Ги Лефлер. Однако не случайно монреальская газета

«Стар» после третьего матча серии СССР—Канада в 1972 году писала примерно так:

«...Нападающий Валерий Харламов забросил шайбу Тони Эспозито, когда советская команда играла в меньшинстве. Еще недавно это могло бы вызвать удивление. Однако всего лишь за несколько сентябрьских дней русские, и в частности их нападающий Валерий Харламов, заставили нас посмотреть на хоккей другими глазами, оценить то, на что мы прежде не обращали внимания».

С галереи прессы (а она на стадионах Северной Америки обычно находится почти под крышей) нетрудно предугадать, что сделает в следующий момент канадский игрок. В девяти же случаях из десяти предсказать ход Харламова не представлялось возможным. И это сверху! А каково же защитникам, остающимся один на один с ним там, на льду...

Журналисты верно подметили главную особенность игры Харламова — непредсказуемость его действий. Причем он и сам-то не всегда знал, что сделает в следующее мгновение. Однако, оценивая ситуацию, наверное, быстрее, чем самая быстрая счетно-вычислительная машина, Валерий моментально находил правильный ход. Даже если этот ход был единственным. Все это и делало его, не обладавшего от природы особыми физическими качествами, виртуозом обводки.

К сожалению, видеозаписи хоккейных матчей прошлых лет не сохранились. И особенно жаль, что нет сейчас пленки с записью одного их матчей серии сборная СССР — сборная ВХА: тогда Валерий забил гол, финтами заставив двух канадцев, стоявших перед ним, разойтись в стороны. Я, например, не видел ничего подобного ни до, ни после этого. Канадские телекомментаторы тоже. В 1974 году этот эпизод на экранах Северной Америки повторялся неоднократно, и каждый раз комментаторы буквально захлебывались от восторга.

Мне особенно хочется подчеркнуть эту особенность Харламова-игрока сейчас потому, что в качестве чуть ли не главных достоинств его как хоккеиста теперь выделяют самоотверженность, работоспособность, умение действовать строго по заданию. Все это действительно необходимо, но это уровень ремесленника, пусть даже весьма умелого. А ведь нужны, просто необходимы для дальнейшего развития нашего вида спорта игроки-художники, игроки-артисты. И они требуют к себе особого отношения. Отношения, я бы сказал, бережного.

Валерий был гордым человеком. Не гордецом, выставляющим напоказ свои регалии, а именно гордым. Справедливые замечания, порой даже резкие, он принимал с достоинством — благо сам прекрасно понимал, что такое хорошо и что такое

плохо. Но несправедливости, не только по отношению к себе, не переносил. И потому был особенно раним.

Да, да, раним. Несмотря на свою, казалось бы, постоянную веселость, общительность он порой уходил в себя. И возвращал его к жизни — здесь без высокого слога не обойтись — именно хоккеем.

Станислав ШАТАЛИН,
член-корреспондент Академии наук СССР.

Призвание — лидер

В ту пятницу в 17.00 я должен был читать лекцию. В ту же пятницу в 19.00 начинался хоккейный матч «Спартак» — ЦСКА. От МГУ до Лужников рукой подать, но к первым минутам никак не успеть. А ведь это завязка сражения, и кто знает, что за чудеса сотворит Валерий Харламов — лучше бы этого не произошло, или Александр Якушев — хорошо бы сразу повести в счете...

Я перенес лекцию на другой день и час. Как это ухитрился сделать — пусть останется маленькой тайной.

И не пожалел об этом. Хотя Харламов оказался главным виновником довольно внушительного поражения «Спартака», которому симпатизирую давно и пылко.

Достоинства игрока в полной мере проявляются в ключевых встречах, а такими на протяжении уже многих лет являются поединки между армейцами и спартаковцами. Харламов бывал в такие дни просто неистощим на выдумку. Его партнеров по тройке Бориса Михайлова и Владимира Петрова причисляю к хоккеистам исключительной силы, но и это определение не кажется мне достаточным, чтобы оценить Валерия Харламова. Он буквально кромсал «наши» защитные построения, именно кромсал: другого слова не подберу. Эти шестьдесят минут чистого времени я жил в постоянном страхе, что шайба пошадет к нему и что-нибудь обязательно произойдет — неприятное и непредвиденное. Все эти шестьдесят минут вполне сознательно желал, чтобы он сыграл похуже, поскромнее, но оправдывать подобные ожидания было не в его правилах. Более того, на Валерия не действовали даже так называемые объективные причины: не

совсем залеченная травма, не совсем хорошее самочувствие, а уж перепады формы ему вообще были неведомы. А ведь эти действительно объективные факторы служили и служат порой оправданием средней игры суперзвезд. Сколько раз Харламов портил мне настроение — не сосчитать. Память сохраняет нам, как правило, те события и те их детали, что по каким-либо причинам оказывались для нас важными и новыми. И вот что интересно. Хотя главное в спорте — борьба за результат, за победу, но есть еще очень существенное — то, как добываются результаты и победы. И поэтому все шестьдесят минут хоккейного действия я, вопреки своим болельщицким привязанностям, в глубине души любовался Валерием Харламовым. И мне не надо рыться в тайниках памяти, чтобы воспроизвести харламовские миниатюры. Они всегда со мной.

В социологическом очерке я бы написал, что хоккей, как и футбол, — уникальное социальное явление нашего века, его неотъемлемая черта. И попытался бы доказать это, думаю, что убедительно. Но здесь лишь о том, что есть хоккей и лучшие его представители для меня, ученого, чья деятельность представляется столь непомерно далекой и несхожей по самой сути своей с хоккейными буднями и праздниками. Многие мои коллеги относятся к спортивным перипетиям более чем спокойно. Мне же странно, что есть люди (исключая прекрасную половину человеческого рода), которые равнодушны к спорту. Без него, без этих сторевших эмоций, без потери аппетита и сна после неудач любимой команды (проигрыш «Спартака» ЦСКА в финале Кубка европейских чемпионов 1970 года — кто помнит, что две шайбы были заброшены ногой; ничья сборной со Швецией в Лужниках на чемпионате мира 1957 года) жизнь моя что-то безвозвратно потеряла бы, стала излишне размеренной и чуть пресной.

Признаюсь и в другом: ходил я в первую очередь на хоккей, а уж потом «на Харламова». И вовсе это не моя причуда, а лишь отражение природы и смысла спорта, вечной неизвестности конечного исхода и течения событий. И в то же время хорошо понимаю тех, кто ходил прежде всего «на Харламова». Потому что в нем удивительным образом сочетались неистовость в достижении цели и попытки все, ну абсолютно все делать красиво.

Результативность действий и впечатляющее их обрамление — не единственное сочетание, которым он возвышался над другими действующими лицами, находя единый отклик у очевидцев.

Хоккей — это продуманность, выверенность ходов, словом, точность, точность и еще раз точность. И мне по роду своей научной деятельности близка аналитичность игры. Но хоккей —

это и неожиданный, как лихой вираж на коньках, уход от заданности, и решения, на принятие которых остается толика времени. Так что без наития и вдохновения тоже не обойтись. Это привлекает меня как раз тем, что является противоположным полюсом математике. Да, легко сформулировать, но попробуйте найти в одном человеке сочетание двух взаимоисключающих начал — «железного» расчета и незнания (в хорошем смысле) того, что предпримешь в следующий миг.

И это было присуще Валерию Харламову.

Присуще как никому другому. Не случайно мой любимый хоккеист Александр Якушев, которого много лет близко знаю, неоднократно говорил, что лучший форвард мира — Валерий Харламов. И конечно же, подразумевалось не только харламовское умение кататься на коньках, владеть искусством паса, клюшкой и забивать семейные голы. Речь шла в целом о личности Харламова-хоккеиста.

Вообще, удивительное то было время — семидесятые годы. Сколько незабываемых матчей, сколько Хоккеистов именно с большой буквы: Харламов, Цыганков, Третьяк, Васильев, Петров, Шадрин, Михайлов, Якушев, Лутченко, Ляпкин... Настоящий хоккейный ренессанс. Наиболее значительным событием были суперсерии с канадцами. И на фоне столь ярких игроков и тяжелейших испытаний с самолюбивыми родоначальниками хоккея хоккейная сила Валерия Харламова выросла еще во сто крат.

Вряд ли упрекнешь меня в излишней романтичности: характер работы, а я занимаюсь математическими методами анализа экономики, накладывает свой отпечаток. Но Харламов вошел в память сердца, ибо только этим объяснишь, что сохранились неприкосновенными, будто было вчера, события давно минувших лет, к коим был причастен лишь как один из миллионов очевидцев. Так вот «вчера» — осенним днем 72-го — мы с Константином Локтевым смотрели по телевизору первый матч СССР—Канада. Смотрели этот и все последующие...

Уже пошел второй десяток лет с тех пор, а легко восстанавливаю в деталях матча первой суперсерии. Полагаю, такое возможно главным образом потому, что был непробиваем Владислав Третьяк, неудержим Александр Якушев и непредсказуем Валерий Харламов.

Еще больше уверен в том, что никакой вид человеческой деятельности, и спорт, может быть, в первую очередь, не может существовать без таких людей, как Валерий Харламов.

Он был одним из тех, кто мастерством и характером своим подтвердил мое жизненное убеждение — возможности человека поистине беспредельны. При выдающихся способностях он отдавал себя всего без остатка, не принимая во внимание никаких

расчетов кроме одного единственного — расчета на красивую победную игру.

Отдавать свой талант людям... В этом и привилегия, и громадная социальная ответственность настоящих лидеров. И когда то и другое приходят в соответствие друг с другом, случаются праздники, людям становится теплее и хочется стать лучше. Валерий всегда понимал это. Понимал внутренне, никоим образом не выказывая свою особую значимость для хоккея, для спорта, для нас.

Кто-то сказал, что Сократ создал философию. Аристотель — науку. Несомненно, Харламов — один из создателей хоккея. Как Валерий убедительно доказал, для этого вовсе не обязательно стоять у истоков. На любой стадии развития можно сотворить нечто такое, что позволит получить неофициальный, зато вечный титул.

Я видел Валерия за день до трагической гибели, несдавшего и необиженного, готового делать то, что делал всегда, — тренироваться и выступать. И помню следующий день, когда горизонт померк и небо срослось с землей...

Который уж год я работаю в Федерации хоккея СССР. Естественно, радею о популяризации и развитии прекрасной игры. С полной уверенностью могу сказать, что появление таких игроков, как Харламов, служит самым мощным импульсом и в широкой популяризации и в дальнейшем развитии хоккея.

Как человек, любящий спорт и столь же беспредельно ему преданный, я благодарен Харламову и его сподвижникам из поколения семидесятых не только за великолепное зрелище — хоккей с шайбой. У них я учился и учусь, признаюсь в этом без всякого кокетства, полной отмотивированности, умению в самые трудные моменты отдать всего себя, не перекладывая на плечи других груз возложенных на тебя задач или жизненных неурядиц. Гвардия, а Харламов был истинным гвардейцем, иногда «умирала» на поле хоккейной брани, но никогда не сдавалась.

Харламов и его товарищи по клубу и сборной никогда не проявляли пораженчества, неуважения к себе и соперникам, неуважения, а по сути дела безразличия, к миллионам зрителей, ради которых и существует хоккей, точнее говоря, частью жизни которых он является. Об этом стоит помнить нынешним лидерам.

К звездам, но только через тернии!

Таков был их благородный, нигде не декларируемый девиз. Следуя ему свято, они изменяли себя и нас, а значит, в какой-то мере и весь мир.

Ташта он карнам был

Харламов был всегда открыт, откровенен, я бы сказал, широк в общении. Могу даже добавить: завидно широк. Действительно, это далеко не всем дано. Люди тянулись к нему, по-моему, совсем не так, как обычно тянутся к знаменитостям спортивного мира, — я имею в виду любопытство, зачастую перерастающее в бесцеремонность, которая, конечно же, не может не раздражать или огорчать.

Валерия все, пожалуй, искренне любили, считали человеком себе близким, но доступностью его не злоупотребляли — в отношении к нему чувствовалась какая-то бережность. Во всяком случае, именно такое впечатление у меня создавалось.

Интересная вещь: на моей памяти у него никогда не было конфликтов с такими разными по характеру тренерами, как Тарасов, Бобров, Кулагин, Локтев. Что в общем-то редкость для игрока подобной самостоятельности. Но тренеры любили его точно так же, как товарищи и публика.

Сейчас вдруг подумал: а в пользу ли Валерия все это говорит? Как можно быть одинаково милым всем без исключения? Нет ли здесь определенной обтекаемости, беззубости?

Утверждаю, что нет — ни в малейшей степени.

Харламов был добр, очень добр, более того — великодушен.

Принято считать, что к вратарю в команде отношение особое, его словно хотят освободить от отрицательных эмоций, берегут его нервы. В значительной мере это справедливо. Но большие игроки — люди, как правило, с нелегкими характерами. Они много отдают игре, многого требуют от себя. Они потому, наверное, бывают беспощадны к промахам других, особенно в первые секунды после неудачи. Мне, во всяком случае, приходилось выслушивать немало горьких слов от ведущих игроков разных поколений. Я старался не обижаться, понять их, но все равно тяжело переживал критику... И вот вспоминаю, что от Валерия Харламова я за все годы ни разу не услышал ни единого упрека. Он, наоборот, всегда спешил утешить.

«Не обращай внимания», — говорил, хотя вряд ли сам умел спокойно, хладнокровно пережить неудачу. Он был спортсменом, бойцом, каких мало...

При всей открытости своей он был совсем не прост. И понятен, я думаю, далеко не всем. Мне, разумеется, в том числе. Я бы не решился причислить себя к его близким друзьям, при всей той близости, которая сохранялась между нами.

Теперь мне кажется, что мы пришли в хоккей, в ЦСКА, в сборную почти одновременно. Это однако, и так, и не так.

Валерий старше меня на четыре года. И начинал, и выдвинулся, разумеется, раньше — в спорте ведь сезон, всего один сезон — срок очень большой. Сезоны соединяют людей и разъединяют, случается, бесповоротно.

Но я ведь начинал очень рано. И еще до признания ощущал себя в команде. И мне кажется, не перестает казаться и до сих пор, что вместе с Харламовым мы были всегда.

Я не могу не быть благодарным ему за то, что стал таким вратарем, каким стал. Не ему, понятно, одному — многим великим форвардам, с которыми тренировался в клубе и в сборной. Но без тренировок с Харламовым, без тех огорчений, что доставил мне лично он, забросивший мне бесчисленное количество шайб на тренировках и разминках перед играми, вряд ли устоял бы я в единоборствах с сильнейшими хоккеистами мира.

Уверенность в себе рождалась, таким образом, и в борьбе, и в дружбе с ним. В этом смысле мне очень повезло.

Наверное, и ему приходилось испытывать колебания, сомнения в собственных силах. Но этих сомнений он умел не показывать даже своим партнерам.

...В семьдесят четвертом году мы жили в Канаде, в городе Квебеке, в гостинице, где не нашлось подходящего помещения для установки перед игрой. Тренеры наставляли нас в... баре. Как всегда, все внимательно слушали, мысленно проигрывая перипетии предстоящего матча, не обращая внимания на мало-подходящую обстановку. И вдруг после установки обнаружилось, что Валерий Васильев привязан к креслу шнуром от занавесей. Сделали это Петров и Харламов. Что это — несерьезность, легкомыслие, невниманье, неуважение к тренерам? Но тогда едва ли не больше всех смеялись сами тренеры.

Напомню, что в семьдесят четвертом году матчи с заокеанскими профессионалами не стали еще таким обыкновением, как сегодня. Психологический барьер еще очень сильно ощущался. И вот такая вроде бы неуместная шутка двух ведущих игроков, оказалось только обрадовала наших строгих наставников. Они увидели за ней уверенность, раскованность наших лидеров, их хорошее настроение в канун ответственной игры, настроение, которое не могло не передаться остальным.

Кстати, в том матче в Квебеке со сборной ВХА Валерий забил замечательный по красоте гол. Помню, было это семнадцатого сентября. Харламов проскочил между двумя огромными

защитниками, которые, казалось сомнут его. Но в этом маневре и был весь Харламов — он решился на ход, на который никто, кроме него, и не решился бы. Решился и, как всегда, оказался единственным правым. В канадских газетах потом писали: «гол для гурманов...»

Решения Харламова обычно казались непредсказуемыми. Создавалось ощущение, что и сам он за мгновение до маневра не знает, как поступит... И на самом деле, Харламов игрок удивительной интуиции. Я был бы неправ, если бы назвал Валерия игроком вдохновения, игроком настроения — и только. Харламов игрок, не побоюсь сказать, величайших хоккейных знаний, игрок, способный к тончайшим, сложнейшим расчетам. Расчетам, базирующимся, ко всему прочему, и на огромной информации. Он неустанно собирал, копил информацию о вратарях и защитниках, против которых играл. Для него не существовало мелочей — он умел учитывать все.

Про больших игроков нередко говорят: профессор Харламов, на мой взгляд, был академиком хоккея. Другое дело, что держался он совсем не академически...

Возвращаясь к уже сказанному, повторю еще раз, что в простоте его было немало обманчивого. Точнее сказать, простота была настоящая, высокая, гордая простота большого, честного человека. Но кому-то, вероятно, такая, далеко не всем доступная, простота представлялась неприязнительностью. Эдакой безразмерной добротой, граничащей с непринципиальностью...

Большая ошибка. Валерий разбирался в людях. Знал цену каждому. И при всей своей мягкости умел быть твердым в оценках, хотя и не обязательно высказывал их вслух.

...В свое время в нашем армейском клубе появился талантливый молодой игрок, на многое претендовавший. Да и дебютировал он в более раннем возрасте и, я бы сказал, громче, чем игроки нашей первой петровской тройки.

Надо сказать, что при нынешней конкуренции за место в основном составе, при скоротечности спортивного века, при том, что на места ветеранов претендуют достойные молодые игроки, лидеры бываюи не так уж и расположены к новобранцам, не спешат поставить их с собой на равную ногу.

Но так ведь, наверное, и в любом другом деле. Да и кому на пользу тепличные условия? В строгом отношении можно прочесть и чисто педагогический подход — пусть новичок проявит себя...

Так вот у Харламова таких педагогических тенденций, похоже, не существовало. Он был неизменно приветлив с новичками, никакого почтения к себе не требовал... Но в случае с упомянутым новичком он проявил твердость, которую сам новичок, ненадолго задержавшийся на первых ролях в большом хоккее,

вероятно, и не заметил... Почувствовав себя с Харламовым «на равных», он неоднократно звал «Валеру» в гости, посмотреть его новую однокомнатную квартиру, но так и не дождался. Отказать Валерий — уж такой характер — не мог, однако и пересилить неприязни к эгоцентричному юнцу тоже не смог — не пошел.

Пятнадцать лет мы были знакомы, близки. И все же к неразлучным друзьям Валерия я бы себя, повторяю, не рискнул отнести — очень уж мы с ним разные. И со мной он был иным, чем с остальными. Считал меня более серьезным, основательным что ли... Со мной он обычно говорил о будущем — что будет с нами потом, после расставания с хоккеем...

Но получилось, что в хоккее он остался навсегда — на все времена.

Леонид ТРАХТЕНБЕРГ,
спортивный обозреватель
газеты "Московский комсомолец".

Тройка На все времена

«Когда Михайлов, Петров и Харламов были на льду вместе, было спокойно: как бы ни повернулись события, они сделают все от них зависящее для победы.»

Александр Васильев,
заведующий кафедрой криминалистики МГУ,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РСФСР

были украшением и гордостью нашего хоккея. Своей игрой они запали в душу каждого болельщика. Их понимание друг друга уникально.»

Александр Иванченков,
летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза

«Как для истинных артистов, для которых каждый спектакль — событие, для Михайлова, Петрова и Харламова каждый матч — премьера, где надо суметь проявить свои лучшие качества.»

Марис Лиена,
лауреат Ленинской премии,
народный артист СССР

Когда печальная необходимость заставила меня сегодня рассказать о человеке, которого близко знал, о котором любил рассказывать не только на страницах печати, но и в дружеском кругу, я теряюсь перед привычными, кажущимися громкими эпитетами, им по праву заслуженными. И все-таки ничего не объясняющими: кто же такой Валерий Харламов?

Харламов, вероятно, был гигантом в самых смелых сравнениях с любыми мастерами мирового хоккея. Тем не менее понять его без людей, бывших с ним изо дня в день в самых сложных ситуациях и на льду и в жизни, невозможно.

Вот поэтому истинный Харламов для меня всегда рядом с Борисом Михайловым и Владимиром Петровым. А как же иначе. Ведь он и сам бы никогда не захотел себя от них отделить...

1. Всеми уважаемый Михайлов

Некоторые специалисты считают, что Борис Михайлов укоротил свой хоккейный век максимализмом. Попробуем доказать обратное...

Он был необычайно удачлив в последние сезоны. Ему удалось буквально все — ему и командам (армейской и сборной), где он был капитаном. Единственное, что омрачило сезон 1980 года, — поражение на Олимпиаде, помешавшее Михайлову в третий раз стать олимпийским чемпионом. Он заслуживал этой награды, он сражался за нее, как в лучшие годы, с самоотдачей, но неудача в Лейк-Плэсиде, по существу, и решила вопрос о дальнейшем пребывании его в большом хоккее.

По мнению тренеров Виктора Тихонова и Владимира Юринова, возникла необходимость омолодить сборную в предельно сжатые сроки. Назревшие перемены не могли не коснуться самого старшего игрока, хотя в последние сезоны про возраст Михайлова вроде бы и перестали вспоминать. Мало кто играл в большой хоккей так долго, как он.

11 сентября 1980 года Борис Михайлов за двадцать секунд забил две шайбы в ворота чехословацких хоккеистов — две шайбы, решившие исход матча.

16 декабря 1980 года Бориса Михайлова торжественно провозжали на тренерскую работу...

...В игре Михайлова гурманам от хоккея вроде нечего было смаковать. Вкус же к простым истинам игры пришел не сразу. Только тогда, когда наше понимание этой сложной, моментами жесткой игры углубилось, к Борису Михайлову пришло настоящее признание.

Он всегда выражал себя в атаке, завершающейся взятием ворот. Но ведь то же самое можно сказать не только о нем. Теперь же особенно необходимо определить несомненную «фамильность» его игры.

Как объяснить: почему при всем своем максимализме он прожил в большом спорте так долго? Не максимализм ли в первую очередь позволил ему с годами играть лучше и лучше? Случай беспрецедентный!

Признание его игроком № 1 в сезоне 1977—1978 годов не было признанием лишь заслуг одного удачного сезона или неким парадным итогом пройденного. Оценивалась не только вся линия жизни Михайлова в хоккее. По нему можно было судить о перспективе индивидуальности в хоккее на том этапе, когда быть индивидуальностью особенно трудно.

Ошибкой было бы принимать Бориса Михайлова за эталон игрока. За пример отношения к игре — пожалуйста. Но за эталон — нет. Чтобы так играть, как играл он, надо и быть Михайловым по всему складу своего характера.

Но странно все-таки, что его самостоятельность годы и годы виделась большинству одной великой старательностью. И как просто теперь, по прошествии лет, объяснить, почему бросающаяся в глаза оригинальность многих известных игроков оказалась несостоятельной в сравнении с михайловской самостоятельностью.

Своеобразие некоторых наших звезд покинуло их так же немедленно, как было всеми признано, — с потерей физических кондиций, с возрастом, проще говоря. Они устойчиво чувствовали себя на искусственном льду. На земле же их раскачивало, как моряков, сошедших с корабля на берег.

Михайлов же твердо стоял и стоит на земле. Самобытность его игры, к счастью, понятая в итоге всеми, обусловлена была человеческими качествами. Секунды игры, в которых он выражал себя полностью, не были просто секундами чистого времени хоккея. Это были мгновения из жизни Бориса Михайлова, в которых сконцентрировался спортивный и человеческий опыт хоккеиста. Он добился значительных высот в спорте, но вовсе не рассчитывал отгородиться хоккеем от всех забот и проблем нашей повседневной жизни.

...Однажды в короткие летние каникулы — между финалом мирового чемпионата 1978 года и началом подготовки к новому сезону — я встретился с Михайловым в пансионате на Клязьме, где он отдыхал. Я приехал с приятной для семьи Михайловых новостью: журналисты признали его первым игроком сезона в стране. Новость эта не могла, естественно, оставить его равнодушным. Он искренне сомневался в возможности такого признания. И не потому, что считал себя недостойным. Просто

привык, что его считают «одним из лучших». Решится ли большинство посчитать его лучшим без всяких оговорок — в это он не слишком верил...

В канун нового сезона в Кремле Борису Михайлову был вручен орден Ленина. Никто из знающих Михайлова не ожидал, конечно, от него самолюбования по такому случаю. Но желание подбить некоторые итоги можно было бы и понять... А он, пожалуй, больше всего страшился каких-то обобщений. И ведь действительно ему еще многое предстояло.

И в частности, конечно, «Кубок вызова» — «Челлендж кап», где его снова признали сильнейшим. Но это было уже следующей зимой, в феврале, в Нью-Йорке.

А тогда, летом, на Клязьме, Михайлов познакомил меня со своим другом детства, Анатолием Шитиковым. Потом сказал: «Вот не поехал со мною в Саратов... А играл ведь лучше меня и в футбол, и в хоккей».

Он представлял нам тогдашнюю поездку в Саратов поворотным моментом биографии. Это не совсем справедливо: играть он учился в Москве, всегда стремился в классную московскую команду, то теряя, то вновь обретая надежду. Но резон в воспоминаниях про Саратов все-таки есть.

Ему исполнилось тогда семнадцать лет. Он уже тренировался в молодежной команде ЦСКА, но серьезных разговоров о продвижении в ряды мастеров с ним не велось. За первую мужскую команду «Локомотив» он сыграл, но это никаких перспектив еще не обещало. Работал автослесарем, в семье складывалось все трудно, братья еще в школе учились, а их было четверо.

И Саратов представлялся выходом из неопределенности. Здесь была уже какая-то конкретность — работа на заводе, хоккейная команда которого выступала по классу «Б». И в эту команду его пригласили как прошедшего определенную московскую школу. Видели, значит, в нем способности.

И все же не за хоккей он Саратову благодарен, хотя хорошим человеком оказался первый тренер Анатолий Гаврилов, многое подсказал он Борису в понимании игры. В Саратове Михайлов ощутил вкус самостоятельности.

И компас внутренней самостоятельности, возникший в итоге трехлетней жизни в Саратове, будет служить ему неизменно.

Дальше сыграло роль товарищество из детства. Верховод их дворовой спортивной компании с улицы Куусинена Евгений Мишаков, позже чемпион мира и олимпийских игр, к тому времени игравший за московский «Локомотив», сосватал Бориса Михайлова своему тренеру Анатолию Кострюкову.

Смотрины состоялись в ходе матча саратовской команды с командой Электростали. Кострюкову Михайлов понравился. Но в

этой игре Борис заменял заболевшего защитника, и Кострюков взял его в «Локомотив» на эту роль. Однако везение Михайлова уже началось. Он взмолился: хочу в нападение, я форвард. И Кострюков пошел ему навстречу. Из «Локомотива» как раз уходил в «Спартак» будущий любимец болельщиков Евгений Зимин.

Первая тройка того ЦСКА уже начинала сдавать свои позиции. Но вслух об этом никто сказать не торопился. Никто не рвался разрушать легенду о тройке двадцатисемилетнего Альметова. Да, Локтев ушел. Потом после торжественных проводов снова вернулся на короткий срок по просьбе команды. И снова ушел. Теперь уже окончательно.

Но Альметов-то был молод. И Александров вовсе не собирался заканчивать.

Михайлов же пока пришел в отчаяние от тренировочных нагрузок, обыкновенных в ЦСКА. И он сказал Кулагину: «Отпустите из команды! Не могу...» «Терпи, — ответил Кулагин, — терпи, будешь в основном составе».

Кулагин оказался прав. В тройку с Вениамином Александровым попали не воспитанники ЦСКА, а Михайлов с Петровым, несмотря на все симпатии ведущих игроков клуба к своим.

К полному согласию со своим новым партнером Вениамином Александровым Михайлов и Петров не пришли. Их разделяли годы жизни, прожитые в разных поколениях. Зарождался новый хоккейный язык, казавшийся несравненному класснику хоккея Александрову чуть ли не жаргоном.

Классические произведения современного хоккея созданы были на этом «жаргоне» Михайловым и Петровым уже вместе с Харламовым, словно специально рожденным для новейшего хоккейного красноречия, его «телеграфной» сути...

...В отношениях с Харламовым Михайлова отличала не так уж часто случающаяся в спорте бережность. Однако не стоит забывать, каким требовательным и, более того, бескомпромиссно строгим — и в сборной, и в клубе — бывал Борис с партнерами, независимо от их возраста, заслуг, человеческой репутации.

Возможно, в такой момент, когда самым знаменитым ветеранам зябко от невольной наступающего одиночества, Михайлову и нужна была бы поддержка Харламова. Но он отлично знал, что характер Валерия никогда не позволит ему выступить против молодых.

И азартный Михайлов старался не обижаться на него за это.

Он всегда принимал Харламова таким, какой он есть. Знал, что добродушный Харламов по-своему неизменно влияет на молодых. По самому складу своему тот всегда оказывался ближе к молодым, к новичкам — им всегда было легче с ним, чем с Михайловым или Петровым.

Скорее всего, в отношении Михайлова к Харламову про-скальзывало нечто отеческое. Михайлов не мог не понимать, что по чисто хоккейным возможностям Харламов был одареннее. Но он полагал, что в сложных ситуациях общечеловеческой и спортивной жизни Харламов нуждается в его помощи, а иногда даже руководстве.

И он, случалось, помогал ему и, если надо, руководил им, что Валерий воспринимал как должное...

...Михайлов, как самый взрослый и устоявшийся по характеру, был ровнее в игре, пожалуй, с самого начала. Оценки его игры на самом высшем уровне никогда не опускались до посредственных. И выдвижение его в 1973 году перед первенством мира в Москве капитаном сборной было воспринято всеми как закономерность. Перед спортивной общественностью и специалистами был уважаемый спортсмен, однако все еще не понятый до конца во всем своеобразии.

Выдвинутый на капитанскую роль, он объяснял некоторую свою растерянность: «Я же говорить не умею так, как Борис Майоров. Тот же народ умел поднять на игру. А я только игрой и могу оправдать доверие».

Он, конечно, не в ораторских способностях своих сомневался. Говорить Михайлов умеет. На собраниях и при встречах с болельщиками им немало сказано острого и дельного. И с чувством юмора у него все в порядке.

Борис Михайлов, может быть, последний представитель того поколения, что, пройдя дворовую школу, не только не стеснялось этого, но и привнесло ее мотивы в классический хоккей. Импровизационные ее начала дали возможность продлить ощущения молодости, когда игра по-умному злит, сбивает на какую-то явную несолидность, озадачивающую противника. Он, противник, за твоими титулами представляет академизм, хладнокровие. А ты, наоборот, азартен.

Михайлов вносил неподдельный азарт и в тренировки. Его принцип: обязательно выиграть тройкой двустороннюю игру. Если не получилось, уступили, проиграли, то уговаривал партнеров: «Ну, еще смену — отыграемся!»

Чистый игровой момент не для Михайлова. Выгодную ситуацию он, конечно, не мог упустить. Но стихия Михайлова — угасающая атака, почти подавленная, отраженная защитой. В порядке этом Михайлов как рыба в воде. Внешняя «корявость», угловатость его действий здесь всегда дезориентировала противника, но только не партнеров по тройке.

Если Петров обрекал противника затратить максимум сил, энергии, внимания, если Харламов в лучшие годы вдохновенной нелогичностью своей обводки приводил в отчаяние самых цепких, мощных и во всем искушенных защитников, то Борис

Михайлов действовал на своих «опекунов» почти размагничивающе. Он, как считалось, посвятил себя черновой работе. Да и сам нигде не отрицал, что готов добросовестно «лопатить» на Харламова и Петрова. Почему же тогда чаще всего он оказывался на острие атаки, почему он больше всех забивал шайб не только в тройке, не только в ЦСКА, а во всем нашем хоккее?

И забивал он как-то без «звона».

...С недовольным в большинстве случаев лицом, так нервно реагирующим на все, Михайлов тем не менее был всегда самым большим оптимистом в игре. Он не в состоянии был расстроиться настолько, чтобы не продолжить начатое.

Он свою игру — замечали? — как мозаику собирал. Из мелочей, другим незаметных, но существенных. Видел то, что другие не видят или считают безобидным.

...Вышел один на один с вратарем, бросил — промахнулся! Другой бы форвард руками развел: из такого положения мимо! А он тут же отскочившую от борта шайбу своей длинной тяжелой клюшкой в ворота протолкнет.

Он всегда очень уважал тех, кто играет артистично, внешне броско. Но его игра — иная. Ей он не изменял никогда. Ему не нужен был такой убийственный бросок, как у Петрова. Он никогда и не рисковал так обводить, как Харламов. Михайлов настойчиво решал свою задачу: ничего не уметь из того, что другие умеют и элегантно исполняют. Но в паутину его неумения попадали и вязли самые бдительные защитники.

В ситуациях, поддающихся только простому решению на грани озорства, в ситуациях, из которых, на мой взгляд, на девяносто процентов состоит игра, и срабатывала михайловская «фамильность» игры. Ему вполне хватало двадцати секунд, чтобы «оформить» несколько ситуаций такого рода.

...Он улыбался, как и положено при церемонии прощания с товарищами по хоккейному оружию, со зрителями, выслушивая приветствия, принимая подарки. Сочувствие большому мастеру в такие минуты столь же искренне, как и приветствия в адрес его славного прошлого. Но с Михайловым все обстояло иначе.

Появившись на льду Дворца спорта Лужников примерно через полтора месяца после последнего выступления в основном составе армейского клуба, оказавшись снова на виду у переполненных трибун, в нескольких шагах от шперенги игроков, одетых в форму сборной страны, он, как всегда, выйдя на поле, весь зажегся азартом. В нем снова раздился игрок — не успеv умереть. И эта готовность к игре спортсмена, расстающего сейчас с хоккеем, особенно волновала.

2. Непобедимый Петров

Когда Михайлова или Харламова впервые видели без хоккейного обмундирования, редко кто не удивлялся: «А я думал, он больше, здоровее...».

Но Владимир Петров и без коньков и шлема так же внушительен. Порой казалось, что он специально родился для армейского клуба. На любом рекламном плакате Петров со своими крупными чертами лица мог бы символизировать ЦСКА всех времен.

Между тем в ЦСКА он попал двадцатилетним, что по хоккейным понятиям не первая молодость. И попал не самородком, открытым селекционерами клуба, а спортсменом, отчасти уже столкнувшимся с сомнениями тренеров в его способностях.

Он приехал из Красногорска — подмосковного городка, где жители поголовно увлечены хоккеем с мячом, где старший брат Юрий стал известным игроком именно этого хоккея, где Владимир сам проявил способности к этой игре. Но приехал с осознанным желанием играть все-таки в хоккей с шайбой.

Двенадцатилетний Петров, приехавший в Петровский парк, где шел набор в команду «Динамо», на тренеров впечатления не произвел. Он вернулся в Красногорск, где кроме хоккея с мячом, от которого ему, казалось, не уйти, его ждали теннис, футбол, баскетбол, борьба, лыжи — во всех этих видах спорта Петров себя попробовал. Ждала и хореография: «Я уже научился танцевать польку, мазурку, гопак, прежде чем понял — все это не для меня...».

И борьба, и мазуркагодились ему в дальнейшем. Конечно, не сделай он больше попыток попасть в хоккей с шайбой, все бы и осталось при нем. Но он еще раз приехал в Москву и на стадионе «Красный Октябрь» встретился с начинающим тренером Алексеем Гурышевым. Это был тот самый Гурышев, что с Бобровым и другими нашими мастерами завоевали первую в истории советского хоккея победу на чемпионате мира и первую золотую олимпийскую медаль.

Теперь же мы благодарны ему и за то, что он не проглядел Владимира Петрова.

Любители хоккея вряд ли помнят Владимира Петрова в тройке «Крыльев Советов» с Владимиром Городецким и Владимиром Марковым.

Когда дело касается хоккея, даже промахи Петрова становятся впечатляющими. И вряд ли поклонники в претензии на него за желание «высказаться во весь голос», перечеркнуть чьи-то хитроумные замыслы одним жестом.

Да и в настойчивости в следовании избранному стилю с Петровым спорить тоже не приходится.

Петров знал: Михайлов бывает несокрушимо тверд в тех

случаях, когда безусловно прав. Михайлов вкладывает в спор большую страсть, много сердца. Петров же часто спорит ради поддержания репутации человека, во всем для себя разобравшегося, не знающего сомнений.

С Михайловым — другой разговор. Петров знает, что горячий и резко на все реагирующий Борис неизменно старается быть справедливым. И если взрывается, значит, ситуация того стоит. И в принципиальном вопросе, чувствуя правоту Бориса, Петров не то чтобы с ним согласится, но хотя бы промолчит.

Сыграет неудачно — постарается объехать Михайлова стороной, чтобы не встречаться с ним глазами.

...В Инсбруке, на Олимпиаде, в игре с чехословацкой сборной при счете 2:2 Михайлов кричит на весь «Тиволи»: «Петя, назад!» Но Петров в защиту не возвращается. И в результате — гол в наши ворота.

Михайлов и на следующий день вне себя. Говорит Харламову: «Все! Не будем с ним больше играть». Петров в этот день не показывается, — знает, что не прав, ждет, когда отойдет Михайлов.

...В первой суперсерии с профессионалами в Канаде в Виннипеге произошел совсем уж чрезвычайный случай. Михайлов спрашивает прямо на льду с глазу на глаз: «Боишься, Петя? Мне тогда что делать?» Подумайте: сказать такое бесстрашному, могучему Петрову. Кто бы еще, кроме Михайлова, осмелился. Да скажи такое тренеру что ни на есть главный или самый знаменитый игрок, Петров бы вознегодовал. Но это Михайлов говорит, и пусть он преувеличивает нарочито — надо голову положить, самых страшных защитников растерзать, раз возник такой разговор.

Зрители при встречах с хоккеистами ЦСКА спрашивали иногда Петрова: не слишком ли он склонен на площадке к предельно откровенному выяснению отношений с противником, сыгравшим против него грубо, не по правилам? Выдержки у него, что ли, мало? Он тут прямо говорил: выдержки хватает, но надо же и самоутверждаться. В шутку он это говорил или всерьез — не поймешь...

Он мог при всех ответить на критическое замечание тренера: «Я не худший, как вы говорите, — посмотрите внимательнее за игрой...» Тренеры, случалось, наказывали его за это. Однако Петров почти всегда реабилитировал себя великолепной игрой.

Интересно, что более глубокие обиды тренеры таили на Михайлова, дискутирующего вроде бы и реже, и корректнее, чем Петров, но по сути поставленных вопросов острее.

И вот задумываешься: а может быть, в большинстве своих конфликтных проявлений Владимир Петров гораздо добродушнее, чем казался. И от этого он и проще и сложнее. Проще, потому

что начинаешь догадываться, что на льду он создает некий образ. И сложнее, поскольку понимаешь всю цену настоящих переживаний, которые надо испытывать ежедневно на протяжении десятилетий.

Петров реалист и знал себя очень хорошо: признаки приливов и отливов формы привык ощущать самостоятельно, без подсказок и советов.

Ворчание его и скепсис — в известной степени форма психологической самоподготовки, самонастрой.

Однако вот Александр Бодунов (воспитанник армейской школы), носивший в «Крыльях Советов», как Петров, 16-й номер, говорил: «В ЦСКА из игроков мне больше всего помогал Владимир Петров».

Кстати, о шестнадцатом номере на свитере Петрова. Ведь как все началось? Первым из нынешней первой тройки ЦСКА появился в основном составе Борис Михайлов. Играли в 67-м году со свердловским «Автомобилистом». Травмированный накануне на тренировке Михайлов играл слабо. Выпустили вместо него Петрова. Тот забил две шайбы.

Но конкурировал он, как выяснилось, не с Михайловым. Тарасов посчитал в том году, что пора заканчивать выступления Александру Альметову. И центральным нападающим стал вместо него Владимир Петров. Но свитер с девятым — альметовским номером надеть отказался.

Он выбрал ни к какому сравнению не обязывающий, нейтральный шестнадцатый номер. И сделал его для себя счастливым. Как и простой фамилии Петров придал особое звучание. Во всеобъемлющем хоккеем измерении фамилия Петров приобрела дополнительный смысл и звучание.

И Михайлов, и Петров, и Харламов — представители новой хоккейной формации 70-х годов.

Обаяние Петрова как раз и состоит в том, что избыток своих достоинств он нес легко, естественно. На льду он был уверен в своей непобедимости.

Непобедимый Петров! — это и его частный образ и образ всей тройки, передаваемый публике через самого крепкого, самого могучего из них — Петрова.

Петров играл и слабее, чем мог, и ошибался, и его, единственного из троих, тренеры решались не брать на мировой чемпионат. И все-таки нельзя представить его побежденным, сломленным неудачей или физическим недомоганием, потерявшим веру в свое предназначение.

Наедине с собой Петров, наверно, переживал и минуты слабости и сомнений. Ему бывало трудно (в Праге в 1978 году, по словам Михайлова, он не спал всю ночь перед игрой, стоил от боли, однако на игру вышел). Ему было и есть на что сетовать,

оценку его вклада в игру, случалось, и занижали, не всегда называли и в одном ряду с первыми.

Но ни перед публикой, ни в общении с партнерами, ни перед лицом соперника не показывал Петров себя разоруженным болью или обидами.

Да, образ создается не только для зрителя и в помощь партнерам. Он создается — в самом грозном своем выражении — для противника. И становится существенным козырем в психологической борьбе. У противников должны, если психологический козырь срабатывает, клюшки из рук валиться перед встречей с людьми таких достоинств. Ведь сыграй каждый из них себя в полную меру вдохновения — никакого спасения бы от звена не сыскать.

У каждого из троих своя линия максимального выражения.

Вспомним 1973 год, когда Михайлова на чемпионате мира признали лучшим нападающим, Петрова — лучшим бомбардиром (18 шайб — наивысший результат у советских хоккеистов), а Харламова журналисты избрали лучшим хоккеистом сезона.

Они и менялись ролями. Случалось и Михайлову быть главным бомбардиром, кстати, по сумме забитых шайб он впереди Петрова. Нападающим, наиболее активным, определяющим своими действиями мощь атаки, нередко становился и Петров.

Харламов чаще партнеров выдвигался общественным мнением в первые номера своего звена. Не раз самые авторитетные специалисты объявляли его во всеуслышание лучшим безоговорочно. И публику неизменно пленяла его непохожесть ни на кого. Близкий к эталону Петров воспринимался рядом с Харламовым фигурой, гораздо легче объяснимой логически. Хотя в любые годы славы Харламова и подчеркнутого уважения к Михайлову у Петрова был свой зритель. Зритель, предпочитавший Петрова всем другим.

Может быть, самым трудным для игроков этой великой тройки было даже не тяжелое для всех звезд испытание личной славой, а испытание славой партнеров. Их — таких по-разному выдающихся — не могли ни сравнивать, ни противопоставлять. Были попытки и отделить от Михайлова с Петровым Харламова. Сначала по стратегическим соображениям. (Помните, на Олимпиаде в Саппоро в 1972 году Харламов играл вместе с Фирсовым и Викуловым, а его в тройке заменил Блинов.)

«Когда Тарасов и Кулагин в 1967 году объединили нас в одну тройку, — вспоминает Петров, — выяснилось, что мы просто созданы друг для друга».

...Петров с Харламовым почти ровесники — Харламов всего на год моложе. Но Петров заявил о себе в хоккее — и в «Крыльях Советов» и в ЦСКА — гораздо раньше.

Как и все остальные, он очень высоко ставил Харламова.

Но совершенно искренне считал себя по одаренности ничуть не ниже. И уж точно знал, что для полного раскрытия харламовского таланта в центре тройки, рядом с Валерием, просто необходим именно такой хоккеист, такой характер, как он. Кажется, на эту тему с Петровым никто не спорил.

Они были очень близки и непринужденны в общении, очень редко ссорились и конфликтовали. Но по солидности поведения на людях, по общественному темпераменту Петров был, пожалуй, ближе к Михайлову.

У Харламова почти никогда не возникало проблем в отношениях с тренерами — обычно он бывал их любимцем: будь то Тарасов, Кулагин, Бобров, Локтев...

Петров же не мог не спорить с тренерами. Всегда высказывал собственную точку зрения.

Если Харламова невозможно было заставить высказаться на собрании, то Петров — внимательный к любому высказыванию — всегда готов был выступить, обострить полемику. Харламов же обычно только улыбался запальчивости партнера.

Но и Петров всегда иронизировал над благодушием Харламова, что, правда, ничуть не вредило их дружеским отношениям.

К тому же вот это самое благодушие Харламова нередко примиряло в быту таких азартных собеседников — и соседей по комнате на сборах, — как Михайлов и Петров.

Как-то в Архангельском между Михайловым и Петровым возник внезапно спор по пустяшному поводу: закрыть в комнате форточку или оставить ее на ночь открытой? Вошедший в этот момент Харламов ничуть не удивился предмету спора — он молча подошел к окну и оставил форточку полуприкрытой.

И инцидент был сразу исчерпан...

Несколько лет назад я спросил Владимира Петрова: чего бы он сам себе хотел пожелать. Петров ответил: «Как можно дольше радоваться хоккею... В любом качестве».

3. Неповторимый Харламов

Случайный собеседник откровенно позавидовал на аэродроме улетающему в столицу журналисту: «Счастливым... В Москву легишь — Харламова увидишь». В том, что Харламов всегда на виду у каждого из жителей огромного города, никаких сомнений у него не было.

...В ожесточившемся теперь до предела сражении на льду изменились и вкусы публики. Но Харламов был и остается игроком на любой вкус. Даже самому неискущенному в тонкостях хоккея зрителю Харламов своей игрой как бы рассказывал о себе самом, а не об умении играть в хоккей. И у незнакомых о нем лично людей, а таких, разумеется, большинство, — ощущение,

что и в обыкновенной жизненной суете он точно такой же, как на площадке.

Выходит: игра Харламова, ко всему прочему, дарила каждому зрителю эффект личного знакомства.

Те же, что и вправду хорошо были знакомы с Валерием, охотно подтвердят: да, при всей сложности характера Харламов был именно такой, каким представляют его себе миллионы.

Большой игрок всегда естествен на поле — на то он и большой игрок. Но в быту человек теряет эту естественность, зачастую безнадежно, тратит силы души и характера на изображение чего-то ему несвойственного.

Харламову всегда легко было быть самим собой, в любой обстановке и в любом окружении соответствовать самому себе, своим взглядам на мир, на людей, на себя.

Но тринадцать сезонов в хоккее — все-таки дистанция во времени. И уже кому-то из молодых, новых болельщиков представляется: Харламов был всегда. Неповторимость его воспринимается как должное.

Имя — большое дело в спорте. Но нигде, наверное, оно так жестоко не работает против того, кто его носит. Он вынужден в каждом соревновании это имя оправдывать и подтверждать. Подтверждать на виду у всех.

В какое время легче было Харламову: когда он считался перспективным или когда числился среди лучших «всех времен»? Да одинаково трудно, надо полагать. В зените славы даже труднее.

Перед матчем на приз «Известий» 1978 года с командой Чехословакии, направляясь в форме на лед, Валерий увидел своего партнера по юношеской команде ЦСКА, ведущего игрока тройки, Владимира Богомолова, в ту пору тренера юношеской сборной страны, и сказал ему:

«Хорошо тебе, Володя. Все у тебя уже ясно. А мне вот еще...» Харламов показал клюшкой на лед.

...Четырнадцать лет назад Харламову не нашлось места в ЦСКА даже среди запасных, среди подающих надежды.

Будущие партнеры Харламова — Михайлов и Петров до его возвращения из Чебаркуля, где он играл в одной из команд, знакомы с ним не были. Видеть, наверное, видели, но не запомнился он им как-то: не до него, вероятно, было.

Но что-то происходило внутри ЦСКА, неправдоподобное для непосвященных, если к сообщениям о шайбах, заброшенных каким-то Харламовым в Чебаркуле, тренеры армейцев прислушивались очень внимательно. Тем временем Михайлов и Петров, к удивлению многих, доказали свое право играть в тройке с Вениамином Александровым. Тройки, однако, не было.

Были великий Александров. И были два игрока, для которых

Тарасов, похоже, видел предназначение в завтрашнем дне.

Именам отводилось место в истории. В составе же команды незаменимых не существовало. Тренер говорил и писал о влиянии Александрова на Михайлова и Петрова. Но видел он, что влияние это во многом — препятствие для роста молодых, обретающих уверенность. И потом тройка — это взаимовлияние. А уж на Вениамина Александрова Петров с Михайловым никак не влияли.

Александров был великим. Харламова никто еще в расчет не брал. Но Михайлову и Петрову, чтобы стать кем-то, требовался как раз не уважаемый и непререкаемый Александров Вениамин Вениаминович, а неведомый им Харламов.

Лидерство Александрова ничего им не обещало.

Лидерство же Харламова разрешало все сомнения в том, что они — тройка форвардов сильнейшего в Европе клуба.

Лидерство Харламова в тройке было столь же необычным, как и характер его игры. Он не вел за собой, как Борис Михайлов, не подавлял совершенством стати, как Владимир Петров. Он не был и солистом в привычном понимании. Он и забивал меньше, чем партнеры. А пасовал им вначале и вовсе редко. Просто ситуации, им создаваемые, сами по себе открывали товарищам отменный шанс непосредственно атаковать ворота.

В нюансах, создаваемых Валерием в игре, было нечто от химии. Происходила не видимая невооруженным глазом реакция — комбинация не разыгрывалась, а как бы синтезировалась. Неповторимость плохо сочетается с модой. А с другой стороны, неповторимость часто стараются объяснить модой...

Неповторимость Харламова объясняли элементарно — нестандартной обводкой. Но за скучным словом виделась всем поразительная картина: форвард, знающий самый короткий путь к воротам, движущийся по прямой на защитников, когда последний ход практически не предсказуем, а последствия его для соперников драматически очевидны. Говорили — и Харламов с этим не спорил — форвард сам не знает, что сделает в следующее мгновение.

Нестандартная обводка — производное от хоккейного таланта Харламова вообще. Некий фирменный знак неограниченности его возможностей на ледяной площадке. В своих решениях он исходил от щедрости, подчинял игре обстоятельства. Тренеру Тарасову хотелось сыграть этой козырной картой еще оригинальнее — подтвердить харламовским талантом свои теоретические выкладки. Он тянул Харламова в тройку с Фирсовым и Викуловым, а позже и к молодым партнерам. И Харламов играл с ними вполне удачно.

Михайлов же с Петровым неизменно играли рядом и жили в одной комнате на сборах. Становились чемпионами. Отмеча-

1970 год

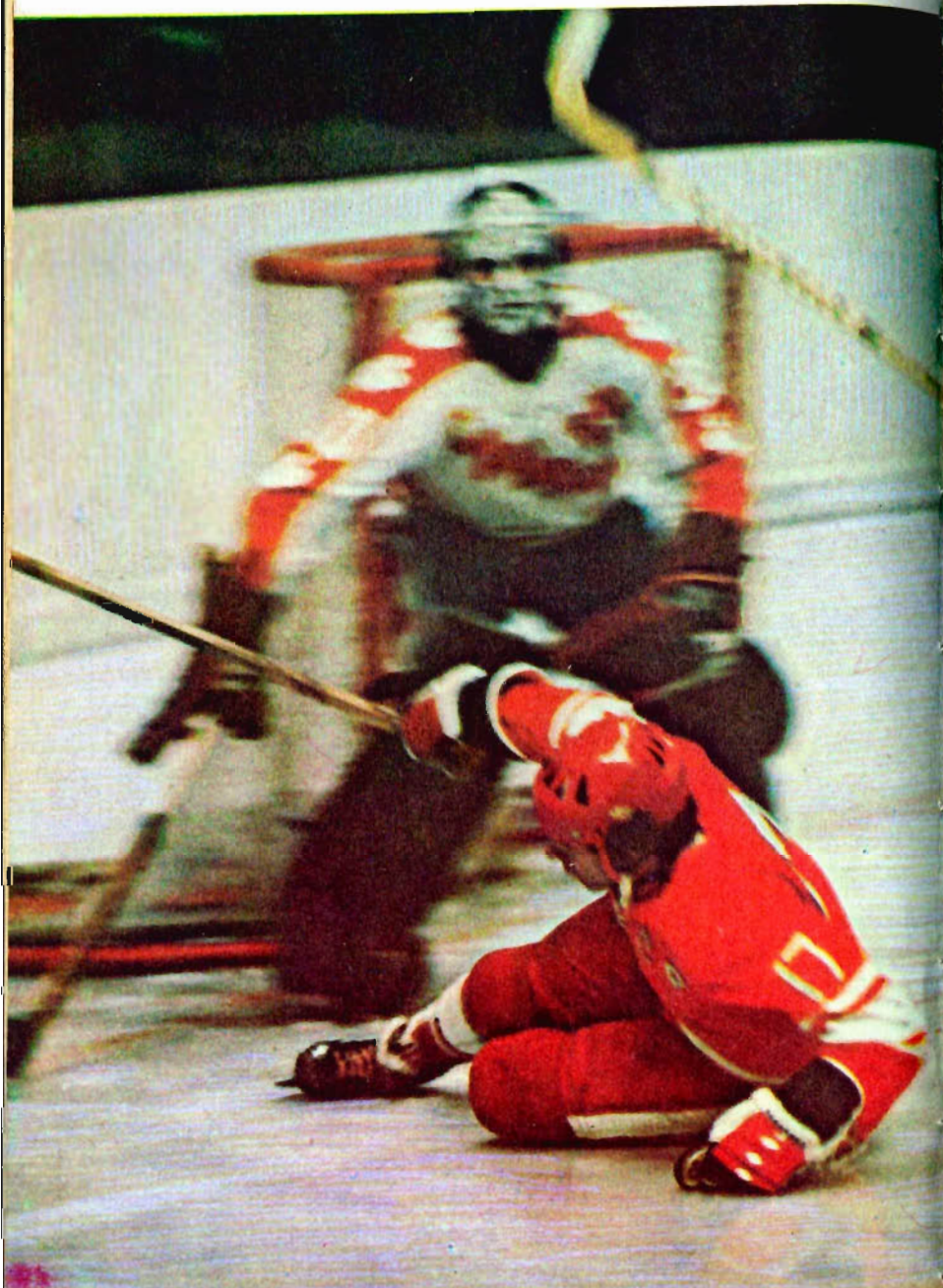
Он умел обыграть и троих

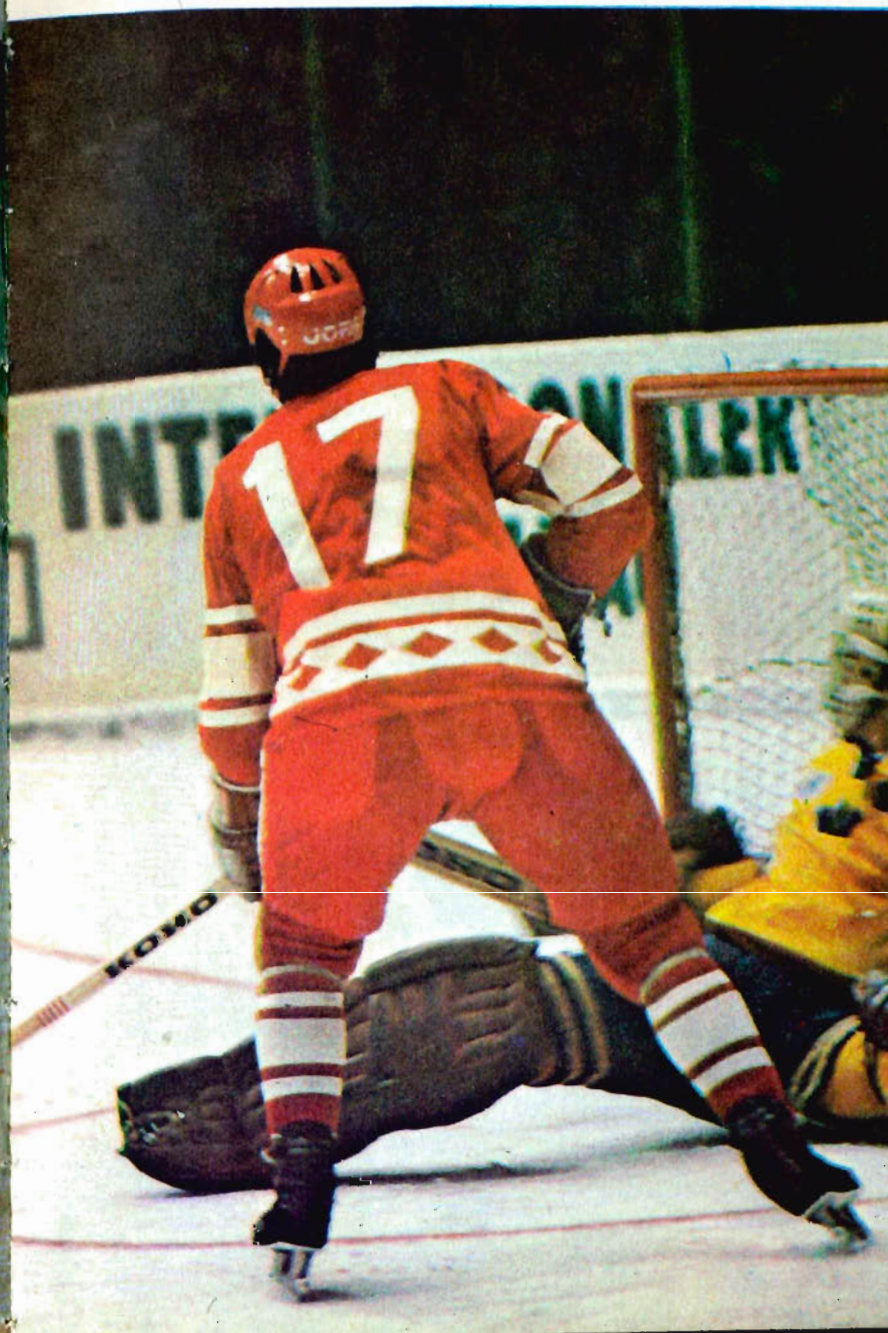
Звучит Гимн Советского Союза

Сбить — много средств в борьбе нет

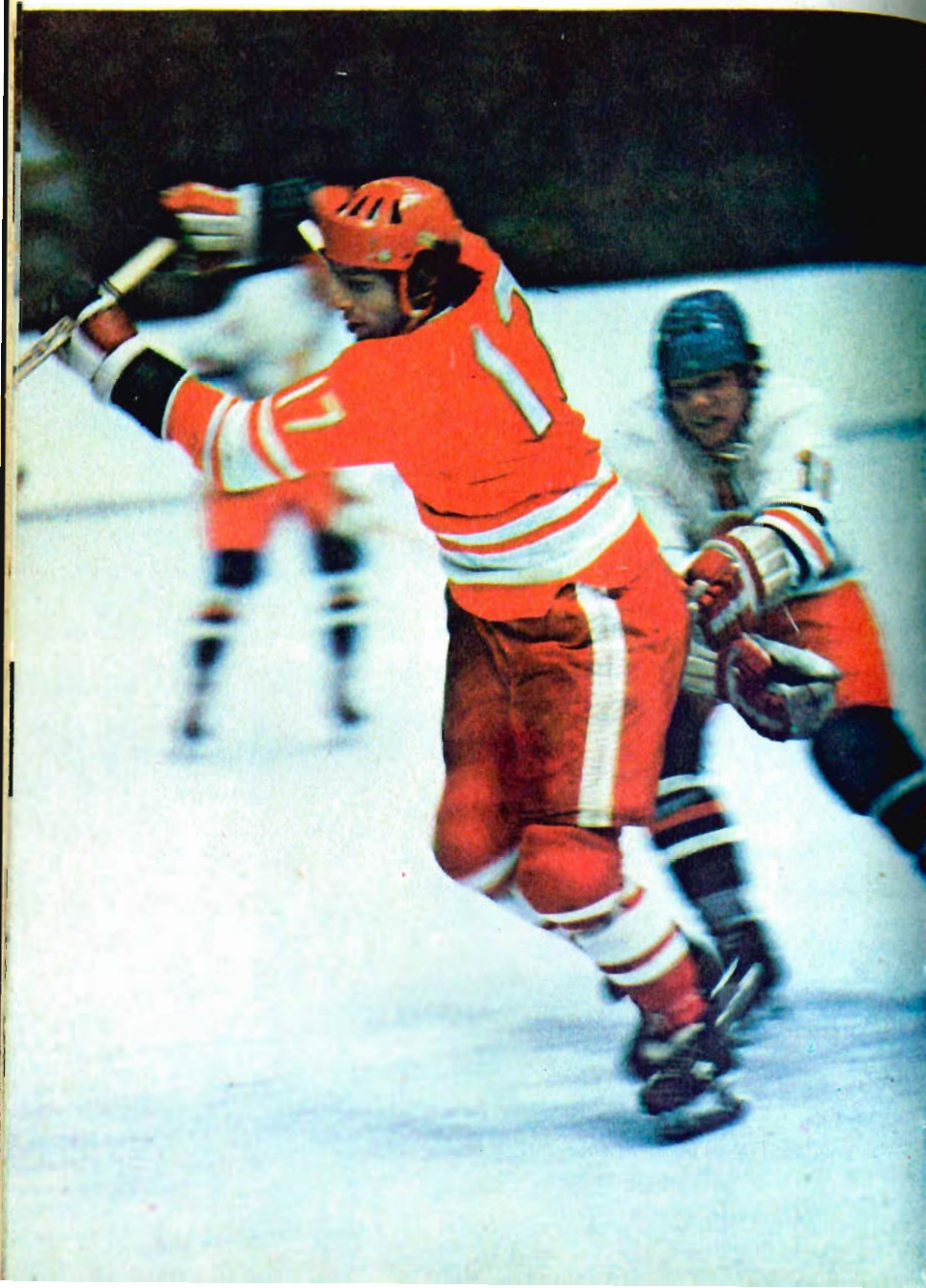
Уложить вратаря на лед — высочайшее искусство нападающего

Четыре кадра — четыре момента из сотни подобных: любыми средствами остановить

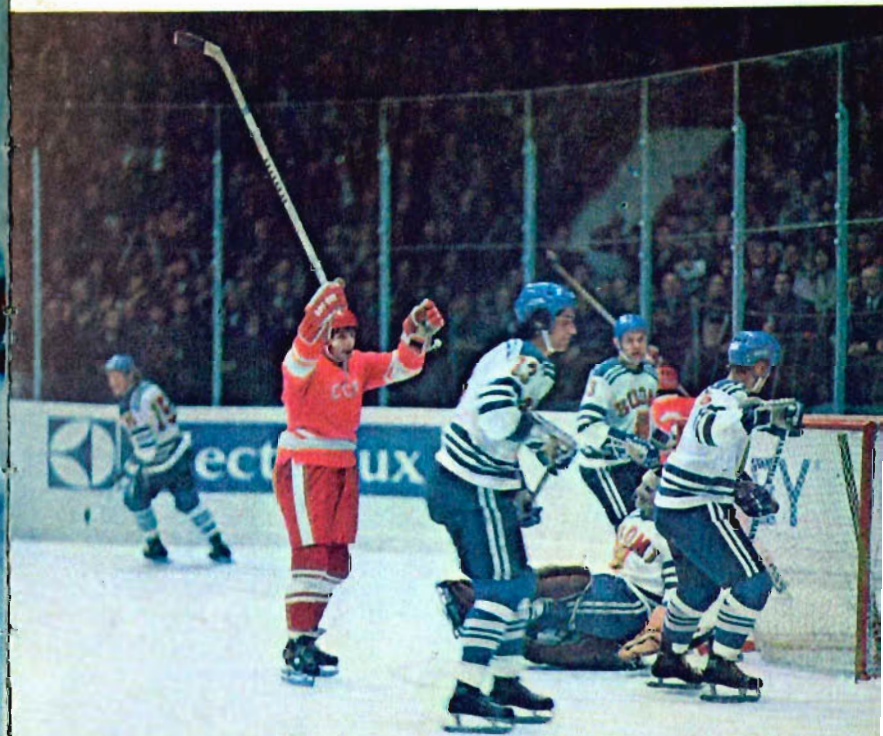
Он был как выпад на рапире

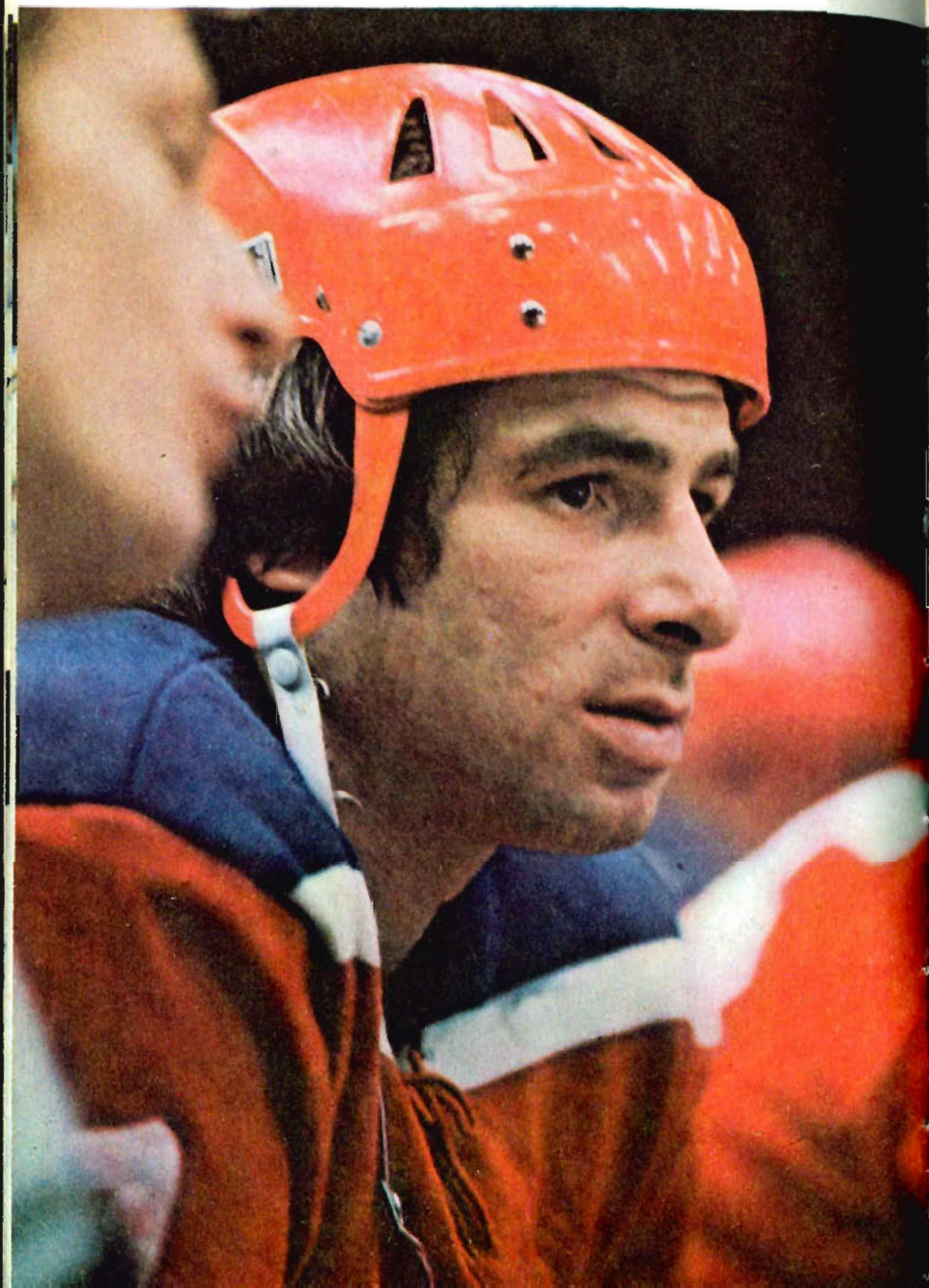
В. Харламов и И. Бубла (ЧССР)

Четверо против одного и все же...

Когда товарищам трудно

Долго тянутся две минуты штрафного времени

Счастливая пора детства

Он имел право подшучивать над другими, потому что часто смеялся над собой

К. Локтев: «Сыграем в зоне соперников через защитников». На точке обрасывания

*...и красный свет за воротами соперника
Приз за победу в Кубке европейских чемпионов: В. Видулов, В. Харламов,
В. Полунов*

Артисты и хоккеисты в олимпийском Лейк-Плэсиде: Ю. Лебедев, С. Макаров,
Л. Лещенко, В. Харлимов, В. Винокур, В. Петров, И. Кобзон
Желанный гость школьников

Посмеемся от души — очередная «байка»

На приеме у министра обороны СССР, Маршала Советского Союза
Д. Ф. Устинова

В. Харламов, В. Шадрин, Б. Михайлов в гостях у коллектива рабочих
автомоби́лзавода им. Ленинского комсомола

А. Тарасов: -Уважаемый академик, не вижу семейной игры...

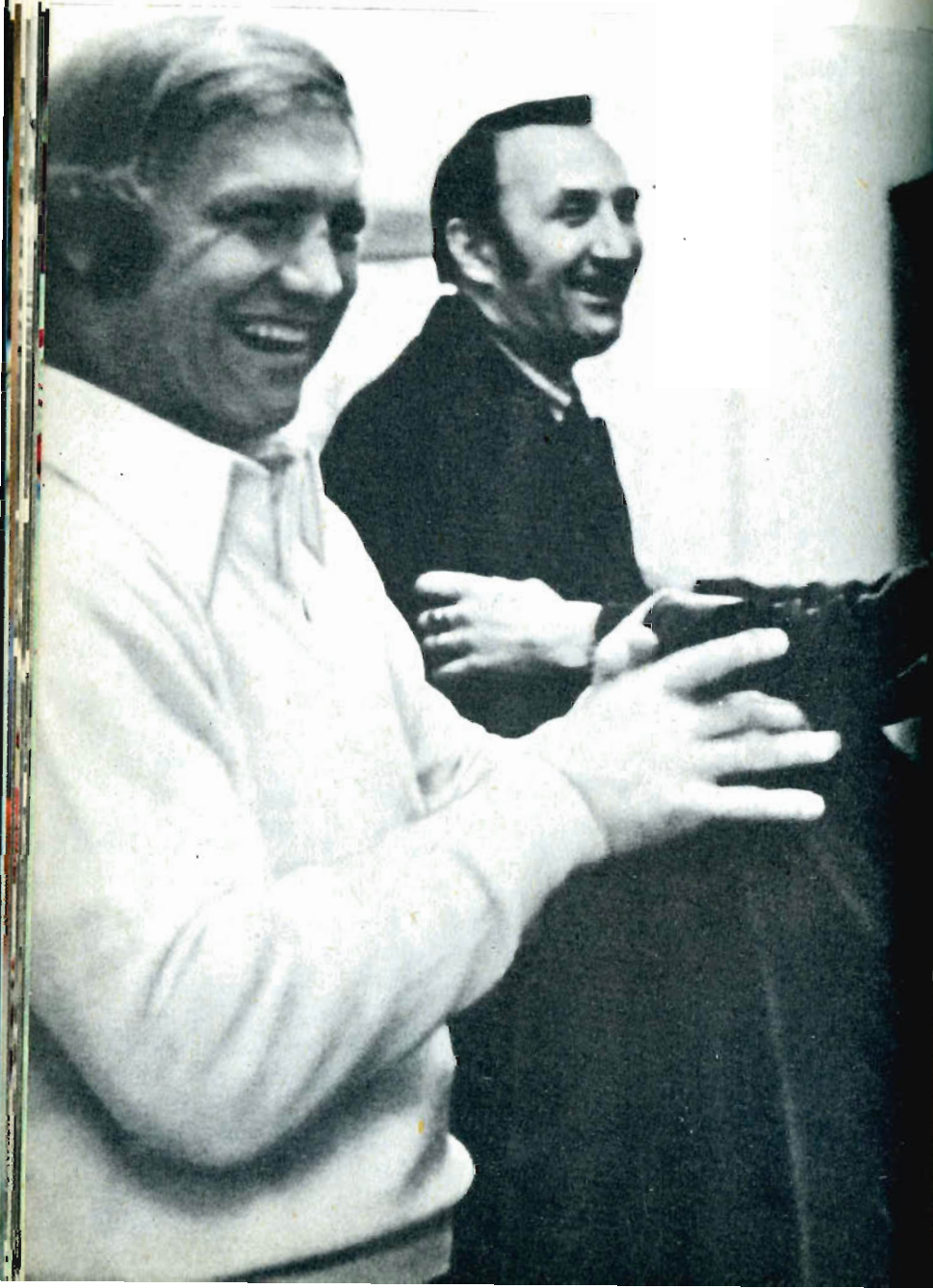
Ты, Саша, должен слушаться папу, а папа — тренера.

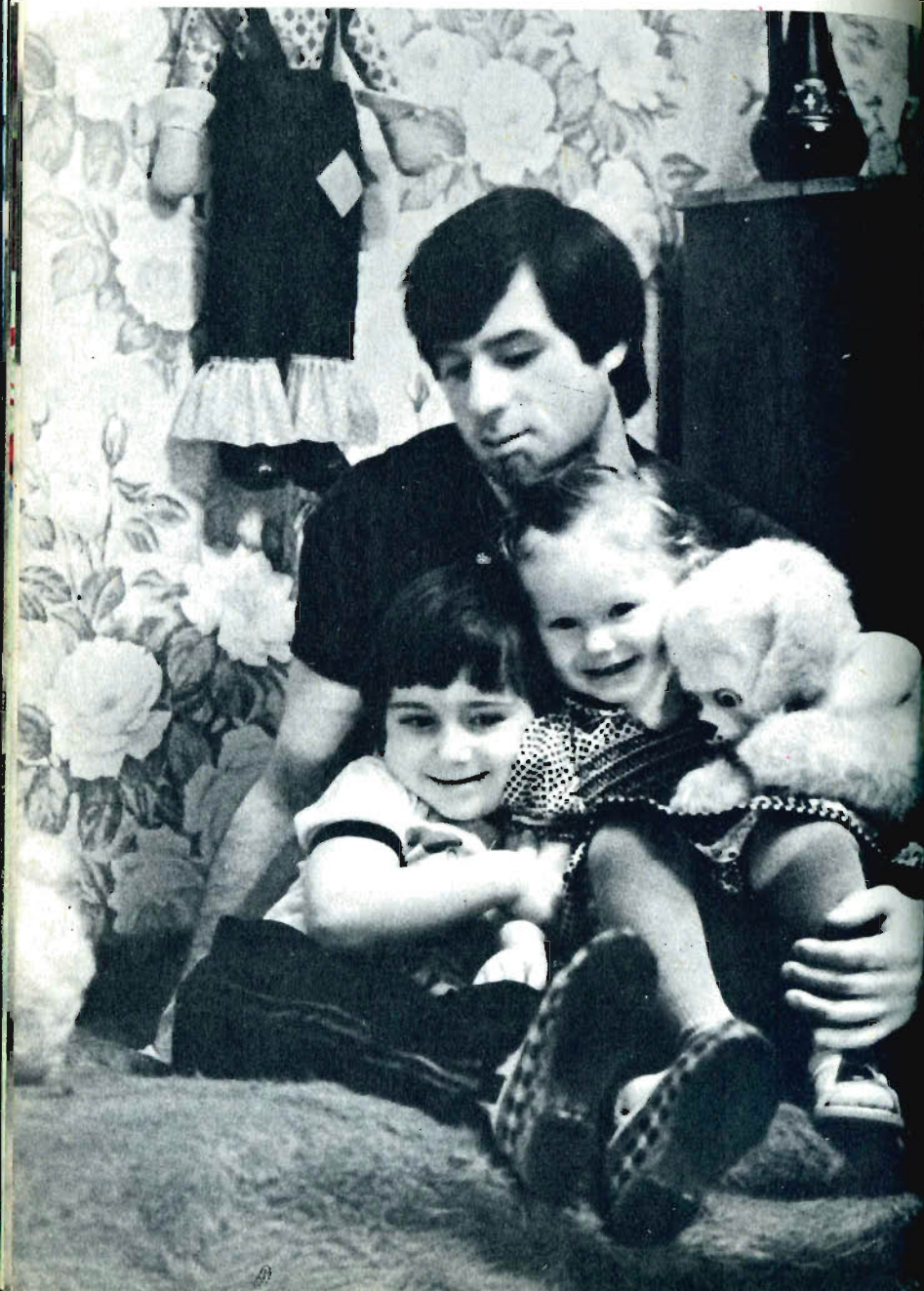
Тройка на все времена

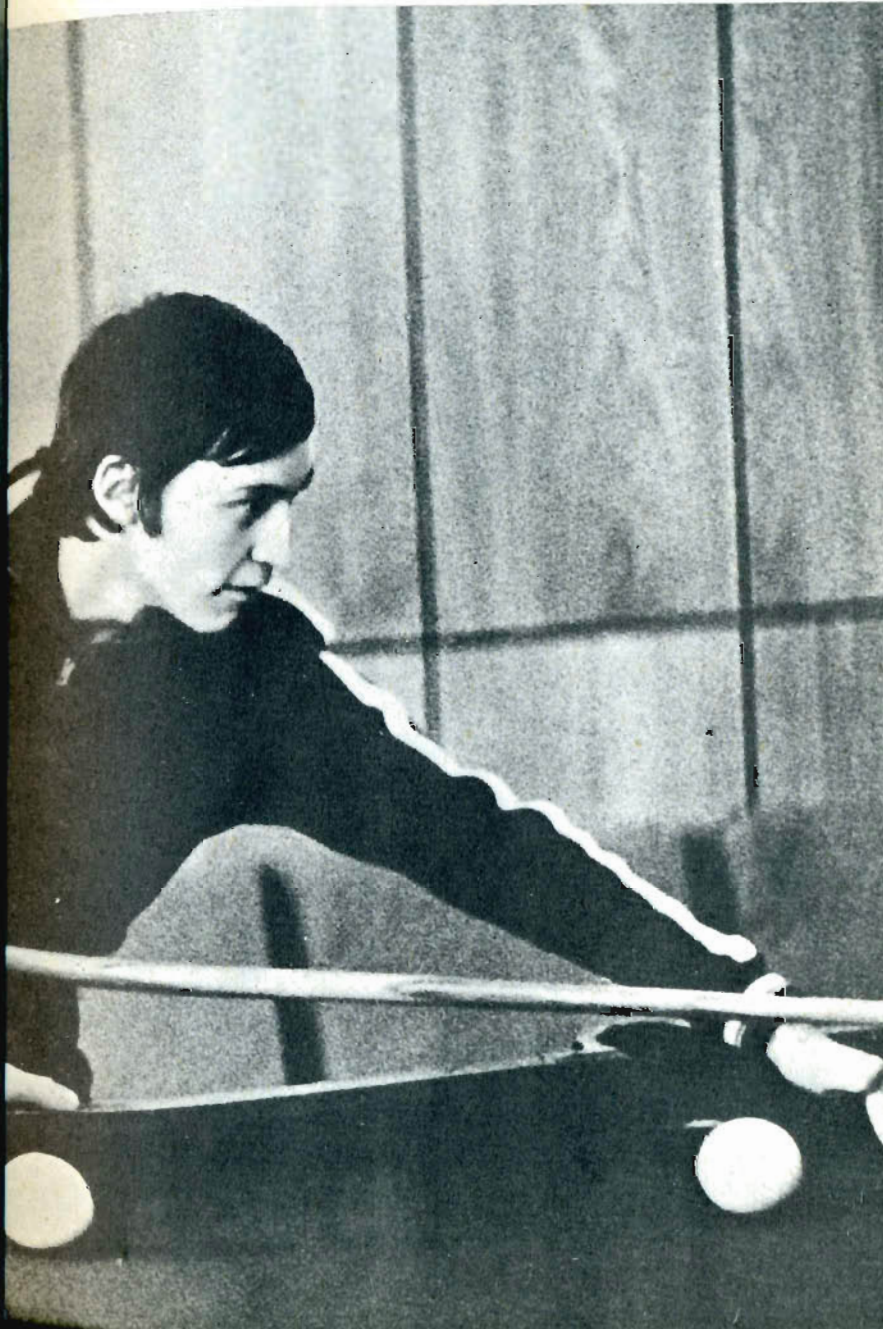
Радость общения: Бобби Халл, Агги Кукулович, Валерий Васильев, Валерий Харламов

Редкий вечер в кругу семьи

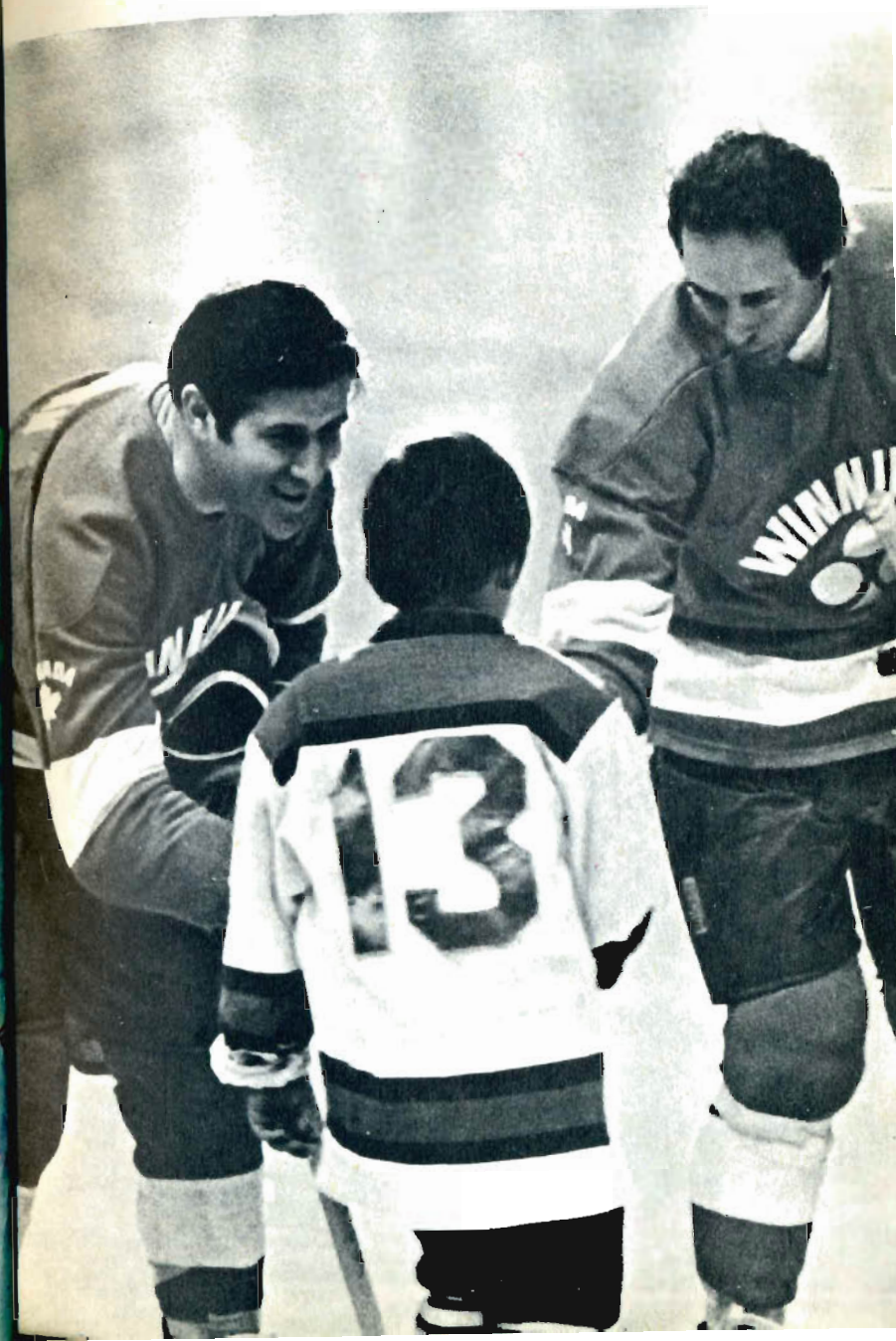
На спортивной базе в Новогорске. Соперник Валерия — Анатолий Карпов

Матч окончен! Благодарность соперников!

В знак безграничного уважения к памяти отца ветераны клуба «Виннипег» приветствуют Сашу Харламова. Декабрь 1982 года, Москва

лись как лучшие, результативные. Однако, когда действовали раздельно.

Не обижая тренеров, возглавлявших армейский клуб и сборную, можно смело сказать: тройка Петрова изначально конструировалась изнутри, на отношениях, возникших в самом начале общения и сохраненных стойкостью человеческих начал, заложенных в каждом из троих.

Журналисты иногда зачисляют в друзья-соперники целые команды. Что уж тут сомневаться в обязательной дружбе между партнерами? Между тем дружба между звездами в команде — редкость. Что вовсе не противоречит корректным и доброжелательным отношениям в быту, ответственности в понимании единых задач перед товарищами и самим собой.

Словом, человеческая дружба между лидерами и самое идеальное партнерство — не одно и то же. А Михайлов, Петров и Харламов были друзьями. И жертвы, приносимые партнерству, были для них почти неотделимы от жертв, приносимых ради сохранения дружбы. Дружбы отнюдь не идеалистической, ставшей фактом, немаловажным и для спортивной истории.

Годы и годы судьба Харламова становилась невольным испытанием этой службы. Его отделяли, его выделяли, ему отводили особое место. Правда, в сравнении с другими известными мастерами и Михайлова и Петрова тоже выделяли. Но не всегда найдутся силы для самообладания, когда высшая похвала адресована не тебе, а партнеру. У Михайлова с Петровым силы для этого всегда находились, раздражение, если и возникало, всегда закрашивалось юмором, никогда не изменявшим им при всей их горячности, вспыльчивости.

Партнеры относились к Валерию с некоторой снисходительностью старших к младшему. Словно у них, а не у него возрастная фора.

Наверняка и Харламов интуитивно понимал, что рост мастерства Михайлова и Петрова еще продолжается, тогда как на достигнутой им высоте расти все труднее. Во всяком случае, он чаще других не страшился заговаривать о конце карьеры и откровенно горевал на проводах выдающихся мастеров: «Скоро и моя очередь придет...» С другой стороны, всем, вероятно, приходят такие мысли в голову, но они из суеверия их скрывают. Он же, Харламов, непостижимый на площадке, в жизни обычно был распахнут настежь.

Всеобщая любовь никогда не делала его суетливым, как нередко происходит с известными людьми. Хотя и в скромность никогда не играл.

...Был, правда, случай, когда он заметно обрадовался выраженной ему окружающими любви.

Перед собранием — встречей с новым для армейцев и

сборной тренером, готовым предложить всем, невзирая на лица и прошлые заслуги, повышенные нагрузки и ответственность, Харламов, встревоженный внутренне, а внешне подчеркнuto беспечный, забежал на минуту в здание городского аэровокзала. Его узнавали, ему улыбались, оборачивались вслед. Обрадовались встрече улетавшие куда-то футболисты, среди которых были уж самые громкие имена. Пошутив с Ириной Родниной, он пошел дальше, не скрывая от спутников улучшившегося настроения: «Все меня любят.»

Нужно ему было в такой день подтверждение своего авторитета, своей популярности. Но встрече в здании аэровокзала предшествовали события, способные повлиять на любую судьбу и настроение...

Валерий Харламов радовал всех любителей хоккея по разным поводам. Сам он признавался, что больше всего любил играть против канадских профессионалов: «Против них играешь — мужчиной себя чувствуешь...»

Харламова дважды — в семьдесят втором и семьдесят третьем годах — признавали лучшим хоккеистом сезона в стране. Лучше всех выглядел он на Олимпиаде в Саппоро. Был признан лучшим форвардом в семьдесят шестом году на чемпионате мира в Катовице, где советская сборная не стала чемпионом.

Потом, в мае 1976 года — автомобильная катастрофа.

Тогда, после катастрофы, общими силами искало бодрый тон: надо было успокоить болельщиков — сбить пламя раздутых слухов. Надо было вселять оптимизм и в Харламова. А врачи констатировали: двухлопчатый перелом правой голени, перелом двух ребер, сотрясение мозга, множество ушибов, ран и ссадин. Травмы такого порядка в любом возрасте могут вывести спортсмена из строя навсегда. Харламову же исполнилось в ту зиму двадцать восемь. Свой одиннадцатый сезон в большом хоккее он встречал на больничной койке.

Не надо все-таки забывать: он рано определился в хоккее. Рано занял положение лидера. И долголетия выступлений никто ему не гарантировал. Партнеры Харламова выдвинулись в более зрелом возрасте. А он подошел к тридцатилетию, опаленный неожиданной неясностью своего ближайшего будущего. Да и физические страдания были трудно переносимы даже для хоккеистов, привыкших все терпеть.

Когда же он, обогнав все сроки выздоровления, вышел на лед в гипсе, но с клюшкой («Хорошо, что в руках у меня была клюшка: с ней на льду я чувствую себя увереннее»), я спросил его сочувственно: «Нога не болит?» «Нет, — ответил Валерий. — Все болит.»

Хоккей жесток — никуда от этого не денешься. Как вообще жесток в своих сегодняшних требованиях большой спорт — зачем

скрывать? Это было бы и неуважительно к людям спорта, многократно преодолевающим себя...

Спорт дает высокие жизненные уроки. Вспомните историю возвращения Брумеля! А специалисты помнят и итог этого возвращения — великую победу характера и невозможность дальнейших побед в спорте.

А что же будет с Харламовым? Что принесет ему возвращение на лед, если оно все-таки состоится?

Между тем игра Михайлова и Петрова приобретала какой-то новый смысл и могущество. Партнером их стал Вячеслав Анисин.

А Харламов тренировался. Выходил на лед, по собственному признанию, как впервые в жизни. Все сначала... Ему сочувствовали, в него вроде бы верили. Но все сначала! А сезон идет. Приближается декабрь...

Харламову пора было проверить себя в игре. Все по-прежнему болело, но не об этом речь. Может ли он играть в хоккей, свой хоккей — вот в чем вопрос?

Локтев считал, что спешить некуда, надо втягиваться в игру постепенно, сыграть для начала в третьей, скажем, тройке. Какая в конце концов разница Харламову, с кем играть? Он же — все знает — в любом сочетании Харламов.

Беспредельная ли это вера в него или полное неверие? Или вполне объяснимое желание не разрушать тройку Михайлов — Петров — Анисин, первую теперь по существу тройку сборной?

...Харламов говорил, что самый памятный и важный гол для него — гол, забитый в ворота «Крыльев Советов» в первой же игре по возвращении на лед. Все тогда хотели, чтобы он забил — и он забил. На первой минуте. Ситуация складывалась так, что ворота могли поразить и Петров с Михайловым. Но они уступили такую возможность партнеру. К тому же Сергей Глухов, который у кого угодно шайбу вырвет, здесь не особенно усердствовал.

Гол скорее памятен Харламову общим к нему отношением. Он лишний раз убедился в благородстве партнеров и соперников.

...Наверняка кто-то из давних любителей хоккея в то время сетовал: где обводка Харламова, та самая — нестандартная, когда он четырех обыгрывал?

Что на это ответить? В обводке этой была мальчишеская безоглядность. Теперь он не мальчишка. Но у каждого возраста есть свои достоинства. Эффект харламовских решений, идущих от опыта, от знаний психологии соперника, обещал еще много радости этому форварду и нам, следящим за его игрой.

...Игра с канадцами в первом круге пражского чемпионата

мира. Сборная СССР проигрывает за четыре минуты до конца — 1 : 2. (Неужели проигрывают чемпионат?!). Харламов выходит на площадку и броском, без подготовки, издали сравнивает счет. Бушар, канадский вратарь, никак не поверит, что шайба побывала в воротах, грозит кулаком судье, зажигающему фонарь...

Но дело разве только в ловкости рук, силе броска? Дело в огромном психологическом превосходстве выдающегося мастера над соперником, рвущимся к победе. Этот гол сломил канадцев, знающих толк в мастерстве. Они сникли, столкнувшись с человеком, так просто перечеркнувшим их усилия, их надежды. Этот гол был голом мастера, способного сделать на площадке все.

Разумеется, со временем что-то ушло из игры Харламова — и он никак, кстати, не собирался маскировать ушедшее, переставшее быть его козырем. Но и что-то новое возникло в его игре. Новое, помогавшее ему быть по-прежнему неожиданным для соперников.

...Травма вывела его из строя в начале сезона. Но тренеры сборной продолжали на него рассчитывать, надеялись, что к чемпионату мира он наберет форму. Между тем Харламов тренировался и думал о своей теперешней роли в команде и на льду.

Он, как всегда, готовился предстать перед нами новым и неожиданным. Не повторяющим никого, в том числе и себя прежнего.

Игра с ощущением счастья

Когда 14 января наша хоккейная сборная возвращалась из-за океана, а так случилось, я покупал по дороге в аэропорт гвоздики, чтобы подарить их в день рождения Валерию Харламову. Позади оставались тяжелые игры с канадцами, утомительный десятичасовой перелет, но Валерий не жаловался на усталость. На дне рождения, как, впрочем, и всегда, он был душой компании: поддерживал разговор, шутил, танцевал.

А танцевал он прекрасно... Валерий любил музыку и почти всегда привозил из поездок новые диски. Правда, коллекционировать их он не умел: если видел, что кому-то из гостей особенно понравилась какая-то мелодия, сразу же дарил пластинку. Делал это искренне, от души и отказаться было просто невозможно.

...Я ставлю его пластинку, слушаю веселую итальянскую мелодию. В памяти всплывают эпизоды, связанные с Валерием Харламовым. Все было как будто вчера...

Мы сидим с Валерием в его небольшой тушинской квартире, и он рассказывает об играх в Саппоро. Там была Олимпиада,

первая в его жизни. Он держит в ладони золотую медаль... Харламов играл турнир в тройке с Викуловым и Фирсовым и, по общему мнению, был лучшим игроком в нашей команде. Да и не только в нашей... И все-таки он сожалел о том, что не выходил на площадку вместе с Михайловым и Петровым.

— Когда Михайлов и Петров перемахивали через борт, я сидел на скамейку. А мне так хотелось быть там, на льду, рядом с ними. Я видел, как им нелегко... Иногда казалось, что подойдет ко мне Тарасов и скажет: «Давай-ка, Харламов, помоги мальчишкам. И прошу гола». Скажи он так, и мы бы обязательно забили. Уж каждый бы постарался.

...Раздается звонок. Валерий открывает дверь.

— Ну как там, в Японии, сражались-то? Доложи деду.

— Чего докладывать. Ты сам все видел.

— Да, видел, как в последней игре ни одной не забил.

Все отдаешь. А сам бросать боишься, что ли...

И лучший хоккеист Олимпиады лишь виновато пожал плечами.

Валерий так любил играть в хоккей, что казалось, играл бы и днем, и ночью. Всю жизнь...

И, признаться, я очень удивился, когда однажды услышал от него:

— И почему хоккеем так увлекся? В школе математика хорошо давалась. Олимпиады выигрывал. Сейчас бы просто работал. Представляешь, каждый вечер свободный. А так — вечно куда-то спешишь... Вот закончу играть, пойду домой пешком. Как все...

Но даже в эти минуты я был уверен: если бы все началось сначала, Харламов бы снова выбрал хоккей.

Я спросил его как-то:

— Что остается у тебя от игры?

— Усталость, которая долго держится в мышцах, если игра не шла, и быстро проходит, если матч был интересным и мы победили. А главное — остается счастье, что была игра и скоро будет другая...

Тот матч ЦСКА выиграл у «Химика», но Харламов растроился сильнее, чем проигравшие:

— Видел, как мне доставалось от защитников?! Ну и я в конце не выдержал. Но все равно не имел права так играть против Смагина. Он ведь вообще был ни при чем... Знаешь что: давай завтра поедем к нему домой. Я хочу поговорить с ним, извиниться...

Ни Валерий, ни я домашнего адреса Володи Смагина не знали. Знали только, что живет он где-то в Люберцах. В справочном бюро нам тоже ничего не сказали, потому что переехал он туда недавно.

Целый день мы потратили на поиски, и только к вечеру

мальчишки на катке подсказали нам улицу и номер дома, где жил Смагин.

— А Володя в Москве, на хоккее, — ответила жена, пригласив нас войти

— Спасибо. Но нам некогда, — сказал Валерий, — не успеем в Лужники.

Мы помчались во Дворец спорта, но не успели даже к концу игры.

Поздно вечером Валерий звонил Смагину домой по телефону: «Ты извини, Володя, погорячился...» «Ничего страшного, — ответил Смагин. — В игре всякое бывает».

Харламов повесил трубку и впервые за тот день улыбнулся...

Наконец-то свободный вечер. Можно сходить в гости, в кино или на футбол.

— Давно я в театре не был, Может, пойдём? — предложил Валерий.

— А в какой? — спросил я.

— На Таганку. И ребят заодно повидать. Там у меня много товарищей — Высоцкий, Шаповалов, Хмельницкий, Золотухин...

В тот день шли «А зори здесь тихие». Валерию спектакль понравился: он аплодировал актерам до тех пор, пока они не скрылись за кулисами.

Потом мы ждали у служебного входа Виталия Шаповалова. Когда он вышел, Валерий сказал:

— Ну вы работаете прямо-таки как мы. Я с десятого ряда видел, как промокла у тебя гимнастерка.

Шаповалов улыбнулся и пожал Харламову руку.

Валерий Харламов всегда выходил на лед последним. И пока он шел к площадке, мы успевали перебраться с ним несколькими словами...

Я стою за кулисами Дворца спорта. Мимо проходят на коньках хоккеисты ЦСКА. Владимир Богач, администратор команды, уже достает ключи от раздевалки. И в этот момент хочется крикнуть ему: «Подожди, не закрывай дверь...»

Владимир ДВОРЦОВ,
обозреватель ТАСС.

Как стать любимцем

Любимцами становятся те, кто специально для этого усилий не прилагает. Валерий Харламов был всеобщим любимцем!

Его боготворили поклонники ЦСКА, обожали все советские любители хоккея, знали и поклонялись любители игры во многих странах мира. Довелось быть свидетелем, как овациями зрители приветствовали Валерия на стадионах различных городов Канады и Чехословакии, США и Швеции, Польши и Австрии, Швейцарии и ФРГ и других стран.

Сам Харламов, уверен, рецепта, как завоевать всеобщее признание, не дал бы. Если бы и спросили об этом — отшутился бы и все.

Возьму на себя смелость предложить образец «формулы успеха» по Харламову: в первенствах страны завоевать десять золотых медалей, забросить 293 шайбы (в сезоне 1981/82 г. Валерий рассчитывал перейти рубеж трехсот шайб, что, конечно, большого труда для него не составило бы); на чемпионате мира требуется добыть восемь высших наград и на европейском первенстве — семь, да еще на олимпийских турнирах две золотые медали. При этом хорошо бы еще стоять во главе списка бомбардиров чемпионатов мира, Европы и олимпиад за всю их историю по системе гол плюс пас, имея на своем счету 192 очка (89 шайб и 103 голевые передачи). Большого числа точных передач на турнирах высшего ранга не сделал никто, а по заброшенным шайбам (в большинстве с подачи Харламова) Валерия обошли лишь партнер по звену Борис Михайлов (108) и Александр Мальцев (93). А за Харламовым в списке бомбардиров стоят такие хоккеисты, как В. Маргинев из ЧССР, С. Тумба-Юханссон из Швеции и другие.

В клубе Всеволода Боброва надо быть на высоком четвертом месте, имея на счету более 430 шайб. А еще в ледовых сражениях с лучшими профессионалами НХЛ надо так блеснуть на фоне первых звезд советского и канадского хоккея, чтобы все единодушно признали в числе трех самых-самых — Третьяк, Харламов, Якушев.

О серебряных и бронзовых наградах, о поте и, случалось,

крови, пролитых на тренировках и в матчах, не будем распространяться: ведь мы задались целью — вывести формулу, то есть кратко сказать о том, как стать любимцем. Таким, как Харламов.

Теоретически повторить его путь в спорте можно. Практически, наверное, нельзя. Это, конечно, совсем не означает, что у нас не было, нет и не будет прекрасных мастеров хоккея. Однако Валерий Харламов останется навсегда явлением неповторимым.

О Валерии написано множество страниц. В популярной серии издательства «Молодая гвардия» «Спорт и личность» вышла его книга «Три начала». Поэтому постараюсь не повторяться, а расскажу лишь о тех важных моментах его спортивной биографии, которые раньше или не освещались, или были описаны скупо. Это и мои впечатления, и интервью с его партнерами, и беседы с другими звездами мирового хоккея.

У Харламова, прожившего в большом спорте полтора десятка лет — почти полжизни, помимо спортивных наград было много других высоких отличий. Майор Советской Армии был кавалером трех орденов. Отмечался как лучший форвард чемпионата мира, дважды как лучший советский хоккеист сезона. Исключительно высоко оценивали игру Харламова не только партнеры, но и самые именитые его соперники.

«Валерий очень трудный для защитников хоккеист, — говорил в свое время капитан сборной СССР Франтишек Поспишил, — на квадратном метре он в состоянии обыграть не только одного, нескольких соперников».

«С мистера Харламова, когда он на льду, нельзя спускать глаз ни на секунду, — отмечал вратарь сборной Канады Кен Драйден. — Я понял это после первой же нашей встречи осенью 1972 года, когда он забил мне два гола. Он бросал шайбу сильно, точно и, что опаснее всего, часто неожиданно».

«Харламов — бриллиант нашей игры, — кратко, но выразительно сказал о нем Ульф Стернер, много лет бывший одним из лучших форвардов шведского и мирового хоккея. — Какой рывок с места, какой дриблинг, пас, броски — все в идеале! А ведь еще мужество, смелость!»

Спортивные журналисты родины хоккея Канады не только назвали его наряду с Владиславом Третьяком и Александром Якушевым в числе звезд первой величины, но... и выделили из этой блестящей тройцы, пригласив вместе с тренерами сборной СССР Всеволодом Бобровым и Борисом Кулагиним посетить весной 1973 года решающие матчи розыгрыша Кубка Стэнли. Думается, в этом выборе роль сыграло то, что Харламов был не только выдающимся мастером, но и исключительно обаятельным человеком. Это все быстро понимали.

Вскоре после трагической гибели Валерия портрет его появился в Галерее хоккейной славы в Торонто.

...Солнечным весенним утром 1969 года сразу после очередного победного для сборной СССР чемпионата мира мы беседовали с дебютантом главной команды страны, за две недели покорившим своей игрой спортивный мир.

Спортивных журналистов нередко упрекают в пристрастии к какому-то клубу. Это бывает. Однако гораздо чаще мы «болеем» за выдающихся, снискавших уважение и симпатии тренеров, игроков. Не скрою, я много лет восхищался игрой Харламова.

Работая над этим материалом, я разыскал в своем архиве блокнот с записью нашей первой беседы с Харламовым.

«Родился в Москве в 1948 году, — рассказывал Валерий, чуть иронически улыбаясь, спокойно, словно и не отгремел лишь вчера чемпионат мира, сделавший его знаменитым на родине и во многих других странах.

Хоккей — моя любимая игра. Ради него я даже забросил футбол, хотя меня приглашали в юношескую команду ЦСКА.

Больше всего нравится обводить соперников. Сорваться с места на скорости, одно движение — и защитник сзади... Первое время не только хвалили, но и ругали тренеры, партнеры. Потом уж я сам сообразил, что дружнее надо играть.

С силовой борьбой не сразу у меня стало получаться. Но потом как-то додумался: в этом деле очень важно правильно выбрать момент для столкновения с противником. Сделаешь все в аккурат, останешься на ногах и с шайбой, поторопишься или промедлишь — пеняй на себя. Многому я научился в этом у Старшинова, Викулова, Давыдова. И делать на льду все надо как можно быстрее. Я с самого начала любил быстроту, но часто терял шайбу. Потом на тренировках стал справляться со скоростью, а дальше и в игре стало получаться.

И, конечно, люблю забивать. Гол — бросок сильный, точный, внезапный. Сила, точность — это техника, а внезапность — хитрость игроков: в момент обводки хорошо бросать, когда вратарь перекрыт игроками или когда он начал двигаться вправо, например, а ты ему в левый угол. На противоходе. И с кистей надо бросать, это всегда внезапно для вратаря».

Нередко известным хоккеистам я задавал вопрос: «Когда вы сыграли первый матч за команду мастеров и когда забили первый гол в чемпионате страны?»

Асы хоккея, как правило, без труда вспоминают эти даты. А Харламов сказал: «Я не помню». Поморщил лоб, немного помолчал и добавил, чтобы журналист не подумал, что он важничает. «Я же не думал, что понадобится...»

В этом небольшом интервью, на мой взгляд, весь Харламов: скромный, остроумный.

За годы, что прошли с той нашей беседы, мы виделись и разговаривали еще много раз. 14 января 1976 года, помню, даже был в числе гостей на дне рождения Валерия. Для этого, правда, никуда ехать не надо было. Мы в тот день летели на самолете «Иле» из Вашингтона в Москву после окончания «Суперсерии-76», и все хоккеисты, тренеры ЦСКА и «Крыльев Советов», Н. Озеров и я стали гостями именинника.

Так что было и место и время когда поговорить. И о чем — тоже. Но все-таки я «не думал, что это понадобится» так быстро. О многом важном, интересном не расспросил как следует. Поэтому и позвал на подмогу Михайлова и Петрова.

Беседовали мы на спортивной базе в Кавголово, под Ленинградом.

— ...Борис, Володя, вы уже некоторое время играли в основном составе вместе, так то и дело меняли партнеров, пока, наконец, не появился Харламов и родилось босвое звено. Как вы встретили очередного новичка? Как он вам показался?

— Был он в ЦСКА давно, — отвечал Борис Михайлов, — воспитанник клуба, дело не частое сейчас. Потом его в Чебаркуль на стажировку отправили. Это так говорится «на стажировку», а возвращаются в ЦСКА только единицы. Валерка возвратился.

До этого мы дольше всего с Вениамином Александровым играли. Блестящий хоккеист. Все знают тройку Локтев — Альметов — Александров. Но тогда он уже один оставался, заканчивал играть. Мы у него многому научились, но играли в разный хоккей.

Харламова мы никак особенно не встречали — ни горячо, ни прохладно. Показался, не показался — мы тогда так не рассуждали. Молодые были, и только одно нас занимало — как закрепиться в составе ЦСКА.

С первых матчей с Харламовым — проигранных и выигранных — почувствовали и мы, и тренеры — игра у нас получается. Все трое были на скорости, могли много бегать и очень любили играть в хоккей. А самое главное, мы старались играть друг на друга: не важно, кто забивает, лишь бы тройка забрасывала шайбы. И здесь Харламов скоро стал первой скрипкой. Мы редко сольные голы забивали, больше после комбинаций. У нас тотальный хоккей еще раньше голландского тотального футбола появился. Так что скоро друзьями стали не только на льду, но и в жизни.

Поддержали нас и защитники Виктор Кузькин и Владимир Брежнев. Тогда они опытнее нас были. Много полезного подсказывали. И с ними за свой тыл мы не сомневались.

Наверное, обратили внимание, с тех пор еще у нас Петров всегда больше впереди играл, в отличие от других центральных нападающих. Его потом за это криковали, но это он не потому,

что ленился, а так уж у нас сложилась комбинационная игра в нападении.

— Нам с Харламовым и его партнерами тоже приятно было играть, — вспоминает В. Кузькин — ныне один из тренеров ЦСКА, — на защитников особой нагрузки не падало, соперники больше об обороне думали, когда эта тройка была на льду.

— А как вы в сборной дебютировали? — прошу рассказать Петрова.

— Впервые с Харламовым играли мы в Горьком в октябре 1968 года, — обстоятельно, не торопясь, рассказывал Владимир Петров. — Проиграли тогда — 0 : 1. Но постепенно наладилось дело. У нас как-то так получилось, совместимость чисто человеческая была гигантская. И по манере игры дополняли друг друга. Валера виртуоз, ловкий, как чертенок, на клочке льда мог двух соперников обыграть, да еще лбами столкнуть. Борис Михайлов — резкий, колючий, всегда на воротах — забить, добить, затолкнуть шайбу готов в любую секунду. И я — с фигурой, мы раньше других стали силовую борьбу сами искать, с «ходом» — еще от русского хоккея.

У Валеры дриблинг, конечно, был еще, когда он в Чебаркуле играл, да кто его там из тренеров мог видеть?..

Втроем заиграли мы лихо, много забивали.

Тарасов «двинул» нас в сборную. Влияние у него в ту пору было огромное. Правда, так же легко мог и «завдвинуть».

Дебютировали мы на московском декабрьском международном турнире. С первого по четвертое декабря в Лужниках в один круг играли две советские сборные, национальная команда Финляндии и любители, слегка разбавленные бывшими профессионалами, вроде защитника Боуэнса из Канады. Мы были во второй сборной, которой руководили В. Егоров, А. Кострюков, Н. Эпштейн. Первой сборной, где тоже было немало дебютантов, мы уступили — 2 : 5, с финнами сыграли вничью — 2 : 2, а канадцев обыграли — 4 : 3, причем все четыре шайбы наше звено забросило.

Помнится, Харламов рассказывал, что в свои силы хоккеиста он поверил после первого турне по Канаде. Что это была за поездка?

— На московском международном турнире мы свою репутацию перспективных хоккеистов подтвердили, — пояснил Петров, — и нас включили в состав сборной в турне по Канаде. Валера сыграл тогда все матчи. А мы с Михайловым по игре пропустили. Для нас это была отличная школа хоккея. Как-то сразу мы усвоили, что с канадцами надо играть по принципу: один — за всех и все — за одного. И в острые моменты друг друга в обиду не давать. Нагрузки физические, конечно, были большие: много матчей да еще постоянные перелеты, переезды.

Мы выдержали все это достойно и, понятно, обрели уверенность в своих силах. Да и тренеры после этого в нас меньше сомневались.

Замечу от себя, что в тот сезон у наставников сборной СССР был острый дефицит хоккеистов, в которых они могли быть твердо уверены. Ведь в Стокгольме на чемпионат мира и Европы 1969 года отправилась команда, в которой по разным причинам отсутствовали такие ведущие игроки, как Б. Майоров, В. Коноваленко, В. Блинов, В. Александров, В. Полупанов, а дебютантов насчитывалось почти полкоманды. Кроме Б. Михайлова, В. Петрова и В. Харламова еще А. Мальцев, В. Лутченко, Е. Поладьев, В. Пучков, впервые основным вратарем был В. Зингер.

Для того чтобы окончательно определиться с составом, А. Чернышев и А. Тарасов провели еще несколько тренировочных матчей непосредственно в Швеции. В Стокгольме сборная приехала на поезде из Карлстада, где играла с местным клубом «Фэрестад», усиленным игроками «Тре крунур». В этой встрече Харламову шайба выбила два зуба. Аркадий Иванович Чернышев, рассказывая об этом эпизоде, подчеркнул:

— Не дрогнул Валера, сплюнул и дальше пошел биться, как ни в чем не бывало. Игрок будет мирового класса!

— А как же так получилось, что на олимпийском турнире в 1972 году в Саппоро вашу тройку разбили?

Ответ рождался в жарком споре. Причин для этого было несколько. Во-первых, Тарасов хотел продлить жизнь в хоккее выдающегося форварда, к тому времени ветерана Фирсова. И для этого к нему и Викулову решил добавить Харламова. Во-вторых, забрав Валерия, он имел возможность «пострашать» его партнеров, которые искали истину в споре не только между собой, но и нередко в полемике с тренером. Этим он как бы намекал: будете «бузить», разгоню вашу тройку, как раньше звено братьев Майоровых и Старшинова.

Харламов переживал это «отлучение», хотя ему-то играть с Фирсовым, Викуловым, Рагулиным было не тяжелее, однако активных действий в силу своего характера он не предпринимал.

Зато у его партнеров склад характера бойцовский во всех отношениях.

Когда друзья воссоединились, Харламов ликовал не меньше своих товарищей. Любил он играть в хоккей скоростной, комбинационный, а у них это получалось.

Единодушный ответ получил я и на два заключительных вопроса: как партнеры помогали Валерию вернуться в строй после автомобильной катастрофы 1976 года и почему все-таки именно Харламова из их звена отметили в числе звезд первой величины в «Суперсерии-72» с канадскими профессионалами.

— С Кубком Канады у Валеры прямо какой-то рок. На

осень 1976 года первый его розыгрыш наметили, а он весной ногу сломал. Мы, конечно, сразу к нему в госпиталь примчались. И потом не раз навещали. И наши жены тоже. Вкусенького чего принесем, поговорим, поспорим. Он лежит словно не в больничной палате, а на тренировочном сборе в Архангельском или Новогорске.

Там у него, в палате, и экспериментальная сборная 1976 года родилась. Мы ему говорим: Валера, без тебя мы на Кубок Канады не поедem. Все время вместе играли и теперь тебя подождem, а в Канаду пусть молодежь съездит. Вначале он нас отговаривал. Зачем же, дескать, вам такой интересный турнир пропускать, но потом согласился и, чувствовалось, еще больше захотелось ему скорее вылечиться и вернуться на лед: не только ведь теперь для себя — товарищи ждут, даже на Кубок Канады не поехали.

А нам именно этого и надо было. Когда он из госпиталя вышел, вначале ходил вразвалку, как матрос по кораблю. Потом тренироваться стал — еще большее стало. И опять все превозмогал, не хотел нас подводить. Мы конечно, его подбадривали, как могли.

Пришло наконец время Валерию на матч выходить. Доктор, правда, немного сомневался: как бы чего не вышло. На тренировках-то у нас с ним все осторожны были, а тут ведь с соперниками придется иметь дело. Но мы доктора заверили, что соперники Харламова уважают и, как нам известно, ничего плохого ему не сделают.

Константин Борисович Локтев был очень рад возвращению Валерия, но поначалу намечал его выход в третьем звене, поскольку мы уже набрали хорошую форму, и Валерию за нами не угнаться. Но мы его уговорили, чтобы он с нами играл. Мы его лучше введем снова в строй, — аргументировали мы свое предложение, — с нами ему привычнее, спокойнее.

Так оно и получилось. Валера в том матче даже гол забил. Мы ему помогли. Да и соперники... не очень мешали. Он все понял тогда. Но не сказал об этом.

А вот о двух голах в стартовом матче «Суперсерии-72» с канадцами он говорил — запомнил их навсегда.

Еще бы не запомнить. Ведь это теперь профессионалов НХЛ все обычными, правда, классными, но обычными хоккеистами считают, а тогда они для нас почти что боги были. И вот в матче с ними Харламов во втором периоде два гола подряд забил — после счета 2:2 сделал 4:2 в нашу пользу. Эти голы в Канаде, уверены, в первую очередь вспомнили, когда его к самым ярким звездам причислили. Ну и, конечно, вся игра Харламова им понравилась — скорость космическая, дриблинг

виртуозный, броски снайперские. Такой малыш, легковес, а на льду — гигант.

После этого Валера стал не только на Родине любимым, а и во всем хоккеем мире!

Юрий ЦЫБАНЕВ,
обозреватель еженедельника
"Футбол—Хоккей".

Высота

Проклятая случайность зло сверкнула в самый канун хоккейного представления, обещавшего высокую игру, — Кубка Канады 1981 года. В том, что мы знаем способности хоккея и вправе их спрашивать с его участников, — большущая заслуга этого дорогого нам человека. Горечь потери остро почувствовали все люди, хоть в какой-то мере причастные к жизни этой игры. Горько было товарищам Валерия Харламова по сборной, готовившимся к турниру. Надо было видеть лица наших хоккеистов, когда они склонились над газетой с некрологом, пришедшей с Родины в Виннипег. С такими лицами не принимают поражения в самых решающих матчах. Такие лица бывают лишь тогда, когда приходит беда. Горько было не только советским людям, ценящим щедрость таланта в любом его проявлении, не только нашим болельщикам.

Стояли минуту молча, прежде чем обратиться к стартовым событиям Кубка Канады, зрители на стадионах Эдмонта и Виннипега. Стояли, опустив головы, многие жители Канады.

В виннипегском пресс-центре ко мне подошел пожилой человек:

— Вы советский журналист? Был бы очень рад с вами побеседовать.

Скоро выяснилось, что до чисто хоккеевой темы разговор не доберется. И все же встреча с К. Моррисоном, издающим в провинциальном городке Гладстоне газету «Гладстон эйдж пресс», запомнилась.

— Вы знаете, я играл в хоккей. С англичанами. Во время войны. Я служил в британских военно-воздушных силах, бомбил фашистов. А возвращаясь из полетов, мы играли в хоккей. Поверьте, я необычайно рад тому, что вы, русские люди, приехали в Канаду. Мне очень-очень хочется, чтобы вам у нас понравилось...

Моррисон засыпал меня вопросами. Сколько у вас союзных республик? Правда ли, что в хоккее у вас играют только в Москве? Это одна и та же команда — ЦСКА и «Динамо»? Наконец, будьте так добры, разъясните, как все-таки правильно называть вашу страну — Советский Союз или Россия; как вы ее сами называете? А то канадские газеты, понимаете ли, пишут то так, то этак, сбивают с толку...

И вдруг канадец закусил нижнюю губу словно от непереносимой боли:

— Как же так?.. Харламов... Когда пришла весть о его гибели, все заботы и дела жителей Гладстона отошли на второй план. Проходишь мимо людей в магазине, на улице — и слышишь только одно: Харламов... Харламов...

В перерыве трансляции по канадскому телевидению матча Канада — Финляндия показали подборку голов, забитых Харламовым в ворота сборной НХЛ, канадских клубов. Говорили о Харламове тренер канадской сборной Скотти Боумэн, защитник Лэрри Робинсон, нападающий Боб Гейни.

Боумэн: «Я думаю, что любой тренер, имея в своей команде Харламова, был бы просто обязан создать с ним первоклассное звено. Харламов — на редкость широкая хоккейная личность».

Робинсон: «Защитникам обычно помогает изучение приемов того или иного форварда. Против Харламова это бы не помогло. Он не был во власти какой-либо устоявшейся манеры игры. Он был в хоккее исключительно свободен и непредприимчив».

Гейни: «Если б я умел половину того, что мог делать Харламов, мое имя звучало бы на каждом шагу. Утром, днем и вечером».

Наверное, вы помните; когда однажды канадцы решили пригласить к себе в гости одного из советских хоккеистов, они тут же, без колебаний, выбрали Харламова.

Среди всех наших мастеров, виданных за океаном, только Владислав Третьяк интересуется канадцев настолько же, насколько привлекал к себе их внимание Харламов.

Харламов, конечно, забивал в Канаде изумительные шайбы, но основательно родоначальников хоккея не расстраивал. Откуда же тогда родом их привязанность, уважение к хоккейной личности Валерия Харламова?

Если так ставим вопрос, то первым делом полагается разобраться, кто был в хоккее Харламов и что был хоккеем Харламова для нас самих, советских людей.

Когда мой добрый товарищ, с детских лет вникающий во все хоккейные подробности, узнал, что я собираюсь писать о Харламове, то тут же строго заявил:

— О Харламове надо писать так, чтобы за душу брало. Только так.

Я в ответ заинтересовался, кто был для него Харламов.

И вот что сказал человек, обычно точно передающий словами свои чувства и наблюдения:

— Харламов был Харламов. Что тут объяснять? Это же как любовь.

— А что, нынешние тебе не так милы? Смотри, какая у них игра пошла.

— Ну... может, потом займут в моей душе такое же место. Не сейчас. Знаешь, дело не в одном мастерстве. Харламов, особенно после автокатастрофы в 76-м, часто бывал не в форме. И я ему прощал. Потому что он был Харламов. Высочайший мастер и... кто-то еще.

Мы с моим товарищем одноклассники. Оба получили болельщическое воспитание в благословенную пору, когда нападающие покоряли публику смекалкой, затейливой техникой. Когда силовая борьба в зоне нападения была запрещена и можно было одолеть защитников только ловкостью и сообразительностью.

Игроки, возглавлявшие хоккейную атаку тех лет, подкупали виртуозным единством владения шайбой и идеей. Достигший всемогущества Анатолий Фирсов, входившие в силу Владимир Викулов, Александр Якушев, Александр Мальцев, Евгений Зимин украшали хоккей каждый на свой лад, но равно не жалели красок. Они созывали на стадионы все больше народу.

И тут пустили силовую борьбу на всю площадку, обязав нападающих меряться с обороной силой.

Названные люди были слишком незаурядные мастера, чтобы пригнуться под гнетом нового обстоятельства. Они продолжали играть ярко. И все же, следя за действиями на площадке и Мальцева, и Якушева, и Викулова, и Зимина, трудно было освободиться от ощущения, что на их игру наложили ограничение. Все чаще мы видели Якушева словно связанным совместной опекой соперников у бортов. Никак не удавалось Мальцеву выйти на главную роль в матчах с самым жестоким противником — канадцами. Замелькали вопросы: боец ли Викулов? боец ли Зимин?

Болельщики, которые на их хоккее были воспитаны, не могли не распространять затруднений своих фаворитов на игру в целом.

Какие промелькнули виртуозы, какие скоростники в работе с клюшкой! А ведь, поди ж ты, никто их и не запомнил хорошенько. Назову двоих для проверки: шведский нападающий Лундберг и спартаковский — Баймухаметов, оба играли еще недавно. Да и сейчас выступает за «Крылья Советов» интересный нападающий Валерий Евстифеев, который нет-нет да выдаст что-то настолько харламовское, что аж мурашки. Вероятно, его игра руками сродни игре Харламова.

Приводить примеры на тему: отставание рук от ног —

неинтересно; тема ходовая и всегда злободневная, лишь только оглянешься на компанию, орудующую на любом катке.

Вот почему мы были покорены и очарованы триединым (плюс мыслительным) искусством «дореформенных» умельцев.

Когда всех попросили участвовать в хоккейном действе сверх всего и телом — не поверилось, что на этом витке достижима пропорциональная виртуозность.

Тройка Борис Михайлов — Владимир Петров — Валерий Харламов явилась нам почти одновременно с появлением повсеместно силовой борьбы. Михайлов и Петров своей великолепной игрой на протяжении многих лет показывали каких высот можно достичь в новом хоккее невероятным азартным упорством либо самолюбивым упрямством.

У меня нет журналистских впечатлений об игровом становлении Харламова: начал писать о хоккее, когда игрок Харламов сложился вполне. Только болельщические мгновения. Стараюсь выбрать поразившее, самое откровенное.

Это не фантастический гол в ворота сборной канадских профессионалов. Чтобы без обмана — это вообще не гол. Это момент, когда защитник противника «достает» Харламова у борта. Защитник врывается в нападающего с ходу, со всем пылом, стремясь если не причинить боль, то остановить созидательное участие нападающего в игре на две-три секунды.

Я смотрю за защитником — и вижу, что он применяет мощный силовой прием. Я смотрю за Харламовым — и не вижу, что против него применяют силовой прием! Ни один нерв, ни одна мышца нападающего не отвлекается от игры.

В 1971 году Анатолий Владимирович Тарасов отозвался о Харламове так: «Сила Харламова в необычности обводки и решений. Не всегда в спортсмене уживаются вместе высокая техника, крепкая воля и работоспособность. Харламов их сочетает». Форма оценки — подчеркнуто сдержанная. (Харламову еще только 23 года, и впереди у тренера с игроком немалая совместная работа...) Содержание вмещает все достоинства, мыслимые в хоккее.

Харламовская обводка, не имевшая ни капли сходства с чьей-либо, во многом открывает, что был для нас хоккей Харламова. Он не применял ни величественных плавных жестов, ни проворного клюшечного фехтования мастеров, сложившихся до введения силовой игры. Его набег на тылы соперника не были размашистыми, скорее были прямыми, с чуткими резкими отклонениями. Обводя защитников, он подправлял шайбу себе на ход самую малость, незаметно, так, как в выезде опытный всадник неуловимыми для наблюдателя движениями направляет коня. Харламову этого было достаточно. Когда он шел вперед, все его тело волновалось, чутко жило, хитрило, загадывало загадки защитникам.

...Один из матчей Кубка Канады-81 я смотрел вместе с А.Тарасовым. Кажется, канадцы играли со шведами. Тарасов глядел-глядел на лед и вдруг начал очередную свою атаку на родоначальников: «Нет, ты подумай, разве это команда? Кто-нибудь хоть раз обвел? Хоть раз, я тебя спрашиваю?!»

Как же было канадцам не преклониться перед Харламовым, если в ускорившемся хоккее высшего разряда они оказались не в силах сберечь вечную ценность и красоту индивидуального мастерства?! Даже они, превыше всего ставящие личную предпримчивость в игре.

Видных внешних «технарей», а они наперечет, Сергея Макарова и Владимира Крутова, не раз спрашивали, переняли ли они что-либо из харламовской техники. Оба отвечали, что наблюдению за ней обязаны развитием своего технического умения, но перенять что-то у Харламова, повторить что-то его было невозможно.

Звено Петрова первым широко пустило в ход тактику силового давления, замешанную на яростной самоотдаче всех и каждого. Харламов, как и полагалось, участвовал в этом наравне со своими партнерами, не превышая, впрочем, необходимой дозы силы. Он атаковал соперника корпусом, ни на миг не жертвуя ради силы интересом к шайбе. И в этом он был удивительно пропорционален и ровен.

Харламов неведомым способом развил в себе редкое чувство игровой гармонии, вкус к атаке. Товарищам Харламова по игре оставалось быть его единомышленниками. Для них, игроков первостатейных, эта задача была несложной и приятной.

Он сохранял за собой игровую инициативу в матче с любым соперником, для него не было неподходящих, неудобных. Выходил ли он в форме ЦСКА против «Спартака» или в форме сборной против команд Канады, Чехословакии, Швеции, ритма дыхания его игры не сбивал никто.

Я наслаждаюсь игрой мастеров редкого дара, которые катаются на коньках, кажется, естественнее, чем мы по земле ходим; манипулируют клюшкой и шайбой будто невзначай — как мы размахиваем руками при ходьбе. Человеку, никогда в жизни не становившемуся на коньки и не державшему в руках клюшку, трудно представить себя на их месте. Такое чудо даже не приснится.

Харламов не из их числа. Были и есть игроки, легче него катающиеся. Более ловко владеющие клюшкой. Опаснее бросающие по воротам.

Харламов участвовал в игре всем своим существом и жил в ней счастливой, наполненной жизнью. Все люди, видевшие его на льду, если б обучились хоккейным навыкам, наверное, хотели б так жить.

Борис ЛЕВИН,
обозреватель журнала
"Физкультура и спорт".

Подаривший радость

Память человека всегда справедлива: она отсекает все второстепенное, оставляет лишь то, что по-настоящему было значительным. Но случаются и примеры противоположные — некогда незначительный поступок, случай, разговор со временем приобретают гораздо больший смысл, становятся характерными в образе человека, ярче дополняют его портрет.

Наше время предъявляет повышенные требования к людям. Особенно к тем, кто на виду, популярен. В спорте — вдвойне. Спортивная площадка, экран телевизора высвечивают человека, обнажают не только его доброту, честность, благородство и мастерство, но и с не меньшей силой все негативные качества, потому что эта область деятельности вызывает пристальное внимание миллионов людей. Сегодня выдающейся личностью в спорте может стать только тот, кто показывает высокие результаты и является гражданином в высоком понимании этого слова. Популярность, не основанная на высоких идеалах, не возведет человека в ранг героя.

Валерий Харламов был и на долгие годы останется в памяти миллионов людей прекрасным человеком во всех своих жизненных проявлениях, подлинным героем спорта.

Судьба наградила меня тринадцатилетним знакомством с Валерием. Помню, как он тайком, отвернувшись от всех, на церемонии вручения поцеловал свою первую золотую медаль чемпиона мира. Было это теперь уже в далеком Стокгольме в 1969 году. Мы встречались много раз — на стадионах, во дворцах, в концертных залах, на просмотрах фильмов. У нас были общие друзья. Но чаще всего это были, к сожалению, короткие встречи: жизнь, дела повседневные заставляют спешить...

Вспоминаю события, в которых Валерий участвовал, беседы, поступки. Тогда, на больших скоростях жизни в хоккее, они казались ничего не значащими, проходными. Сегодня же вспоминаются совсем по-иному, добавляют мазки в яркий образ человека, подарившего людям радость. Радость не только неповторимой игрой, но и общением...

— Никуда не поеду: Ира ждет, Саша еще не спит, да и у родителей уже три дня не был, — как отрубил Валерий.

— Ты прав, это незапланированное выступление. Но Баталов очень просил, сказал, пусть хоть на полчаса, столько радости подарить строителям.

Вижу, как на глазах меняется. Взмах руки.

— По коням. Только на полчаса. О чем говорить-то?

— Да о чем хочешь — о хоккее, о жизни, о Тарасове. Это всегда интересно.

— Состоялось, едем дарить радость!

В красном уголке народу — яблоку негде упасть. Вопросы, ответы, одобрение, смех. И вдруг:

— А сколько вы получаете?

Валерий как-то сник — неужели для этого ехал? Зал загул:

— Помолчи, бухгалтер.

Но Харламов есть Харламов, он обыгрывал соперников и злее:

— Вы на какой должности, сколько получаете? — последовал вопрос.

В ответ:

— Инженер, больше двухсот выходит.

А Валерий с улыбкой, как бросок в верхний угол под неудобную руку:

— И Туполев инженер, и Ландау — инженер. Только один за команду ЖЭКа играет, другой — за сборную СССР. Уловили смысл? — Шквал аплодисментов!

...После трудного матча, облизывая на ходу губы, он на минуту задержался на пути в раздевалку за кулисами лужниковского Дворца спорта:

— Как я играл?

— Ты же три забросил, о чем говоришь?!

— А сам (это Тарасов. — Б. Л.) говорит, что я играл на блондинок...

...Понедельник — день тяжелый. Идет дождь — мелкий, назойливый. Очередь ко Дворцу тяжелой атлетики километра в полтора. Очередь движется медленно. Черная крыша зонтов. Старик с мальчиком замедляют шаг у двух гробов. Выражение лица у Валерия такое, как будто он чему-то удивлен. А Ирина строга, что ей было не свойственно в жизни.

Вспоминаю, как в декабре 1980 года на банкете проводов из сборной Бориса Михайлова в кругу друзей я поднял бокал за Татьяну Михайлову, за ее умение терпеть, умение быть всегда рядом, за то, что воспитывает двух мальчишек почти без отца. Ко мне подошла Ирина:

— Спасибо за правду, за слова теплые. Можно я вас поцелую?

— В отсутствие мужа нельзя. Что он скажет?

— Ну что вы, он уверен, что я люблю его больше всех на свете. Скоро будем и его провожать...

За кулисами Дворца спорта — телефоны для прессы. Харламов набирает номер.

— Володь, когда выходной? И ни одного концерта?! И нас отпускают. Чудо, берем своих — и на дачу.

И уже мне:

— Так соскучился по Володьке Винокуру.

В Лейк-Плэсиде одна из фирм в рекламных целях дарила хоккеистам модные утепленные куртки. Валерию — точно его размер. Поменял на большую, нашел в деревне Винокура: «Не мерзани — искусство требует жертв». Намного раньше он привез Владимиру, тогда еще малознакомому человеку, специальный чемодан для концертного костюма и с затаенной иронией сказал:

— Ты забыл, что театр начинается с вешалки?!

...Генералы, полковники с золотыми звездами героев, женщины, взрослые и дети проходят мимо гробов. Море цветов, Седая как лунь старушка кладет скромный букетик к ногам матери Валерия. Горе Бегони стало ее горем. В почетный караул становится посол Испании, затем он подходит к матери, склоняется, целует руку, что-то говорит.

...Валерия спросили однажды, какие песни ему нравятся. Спросили из зала, где все хотят знать, чем живет звезда кроме хоккея, что нравится.

— Очень люблю музыку, не представляю жизни без нее. Раньше, чем в комнате включить свет, включаю магнитофон. Многие песни меня волнуют, но больше других «Белые крылья» Шайнскокого и Харитоновна.

Иосиф Кобзон включал ее в концерт, когда в зале находился Харламов. И Валерий знал, что песня обязательно будет исполнена.

...В машине Валерия 00-17 (под № 17 он играл в ЦСКА и сборной) едем от Лужников по набережной через Новый Арбат на проспект Мира. Он рассуждает вслух:

— Мои года, мое богатство... Все время ворчим, чем-то недовольны... Тарасов, Локтев, теперь Тихонов. Все и каждый по своему учат, требуют. Всеволод Михайлович (это Бобров — Б. Л.) рассказывал, что Борис Андреевич Аркадьев придерживался принципа не мешать играть мастерам, не донимать их нравственными, поучениями.

— Без требовательности Тарасова ты, может быть, не стал бы Харламовым, — мне интересно, что он думает по этому вопросу и я вызываю его на разговор.

— Люблю тебя на ошибке, — усмехается Валерий, — а разве

Тарасов меньше требовал от Смолина. Нет, еще талант нужен, как в любом деле. Согласен? Хоккей, как музыка — талант и любовь к нему, без этого не достигнешь высот.

...На Кунцевском кладбище огромная толпа. Люди узнали, что именно здесь состоятся похороны и ждут уж который час, чтобы отдать Валерию последнюю дань. Что скажешь в минуты прощания:

— Был выдающийся, пронес знамя... — Над кладбищем туча — большая, стоячая. Полил дождь — сильный. А толпа не шелухнулась, и каждый в эти минуты думал о значении человека применительно к себе. Сотни раз за двадцать лет тесного общения видел Тарасова — чаще сумрачного, считанные разы улыбающегося. Плачущего — первый раз. Думал, это капли дождя. Но микрофон выдал срывающийся голос:

— Он был великий хоккеист, умел один воевать против шестерых. И побеждать. Потому, что человечине был могучий.

В последние минуты пребывания Валерия на земле вышло солнце. Тепло и ласку оно на прощание подарило ему.

...Один из близких к Шостаковичу людей рассказывал, что, уже будучи тяжело больным, Дмитрий Дмитриевич, человек далекий от спорта, смотрел по телевидению хоккей. Глядя на игру Харламова, он сказал:

— Какой удивительный талант, какое сочетание мысли и движения, какой бриллиант среди алмазов.

...Как-то Валерий позвонил поздно вечером из Архангельского.

— Что делаешь?

— Читаю.

И тут же его, харламовское:

— Молодец, может быть, и сам чего-нибудь путевое напишешь. Я вот что. Нас завтра не отпускают. Нужно достать лекарство, у отца на заводе кому-то. Очень нужно. Транспортом небеспечно, за тобой Ира заедет.

Он даже не знал, кому предназначалось лекарство. Но помочь человеку он был готов всегда.

...Один из известных хоккеистов его поколения на вопрос журналистов, с кем он дружит, неизменно отвечал:

— Мой лучший друг Харламов.

Валерий недоумевая:

— Лучший, не лучший?! Разве в дружбе есть степени?

Ни в разговорах, ни в газетной информации он никогда не подтвердил дружбы с этим человеком. И все потому, что в обычных житейских ситуациях Валерий был порой насмешливым, резким, но всегда правдивым и искренним, дружил беззаветно. Последних двух, главных для Валерия, достоинств у этого хок-

кеиста нет. И дружбы, в высоком понимании ее идеалов Харламовым, быть не могло. Но он и не опровергал:

— Пусть говорит, если ему так лучше.

У подъезда №3 Дворца спорта в Лужниках всегда народ: сюда автобусы подвозят на игры команды. Именно здесь можно встретиться с друзьями, поклоннику хоккея получить автограф. Невозмутимо, одну за другой на программках к матчу и записных книжках выводит фамилию Старшинов. Появляется Харламов, все устремляются к нему.

— Вот закончу, как Вячеслав Иванович, — говорит Валерий, — и, если охота не пропадет, распишусь всем. А перед игрой — не принято.

И мне:

— Ну что я — кинозвезда? Зачем им мой автограф? Уж попросили бы клошку, шайбу — все к делу.

...Памятный для многих в его спортивной биографии матч против команды «Крылья Советов». Первый после тяжелейшего перелома ног. Валерий забросил тогда шайбу в ворота Сидельникова. Ему неистово аплодировали зрители, друзья, соперники. А через день, на тренировке в ЦСКА он сказал в присутствии тренера К. Б. Локтева:

— Не должен был я забивать...

— Это почему же? — удивился Локтев.

— Да Глухов меня за всю игру ни разу не остановил силовым приемом. Он меня оберегал... — и отъехал.

— Каждая клеточка его тела пропитана чистой совестью — таких людей мало, — глядя ему вслед, сказал Локтев.

...В одном интервью «Комсомольской правде» на вопрос: «Когда вы чувствуете себя счастливой?» — Алла Пугачева ответила:

— Когда могу позволить себе быть слабой. Но это бывает очень редко.

Перед игрой, за чашкой кофе обсуждаем интервью. Валерий, выслушав соображения товарища — врача Геннадия Овчинникова и мои, возражает:

— Это у нее чисто женское желание иногда быть слабой. А по-моему, она и стала звездой потому, что слабой не бывает. Во всяком случае, мы этого не видим. И прекрасно — она профессионал.

...В годовщину гибели на кладбище огромная толпа людей. Могила из венков и цветов — скорее пантеон. Вместе со мной с кладбища выходит группа людей и садится в автобус с номерным знаком города Ярославля. Это ли не благодарная память людей?

Для больших спортсменов время бежит в бешеном темпе в соответствии с действиями на площадке. Валерий прожил не-

долгую, но очень яркую, памятную для миллионов людей жизнь.

Что больше всего привлекало в игре Харламова? Незабываемые по искусству исполнения заброшенные шайбы, которые поднимали на ноги двадцатитысячные Дворцы спорта, ярчайшая игра, всегда неразгаданная соперниками, действия им осмысленные, но, казалось бы, всегда против логики? Не только это. В бешеном ритме хоккея, соответствующем темпу века, он, Харламов, заставлял остановиться и задуматься: как все талантливое, его игра вызвала размышления об огромных возможностях человека.

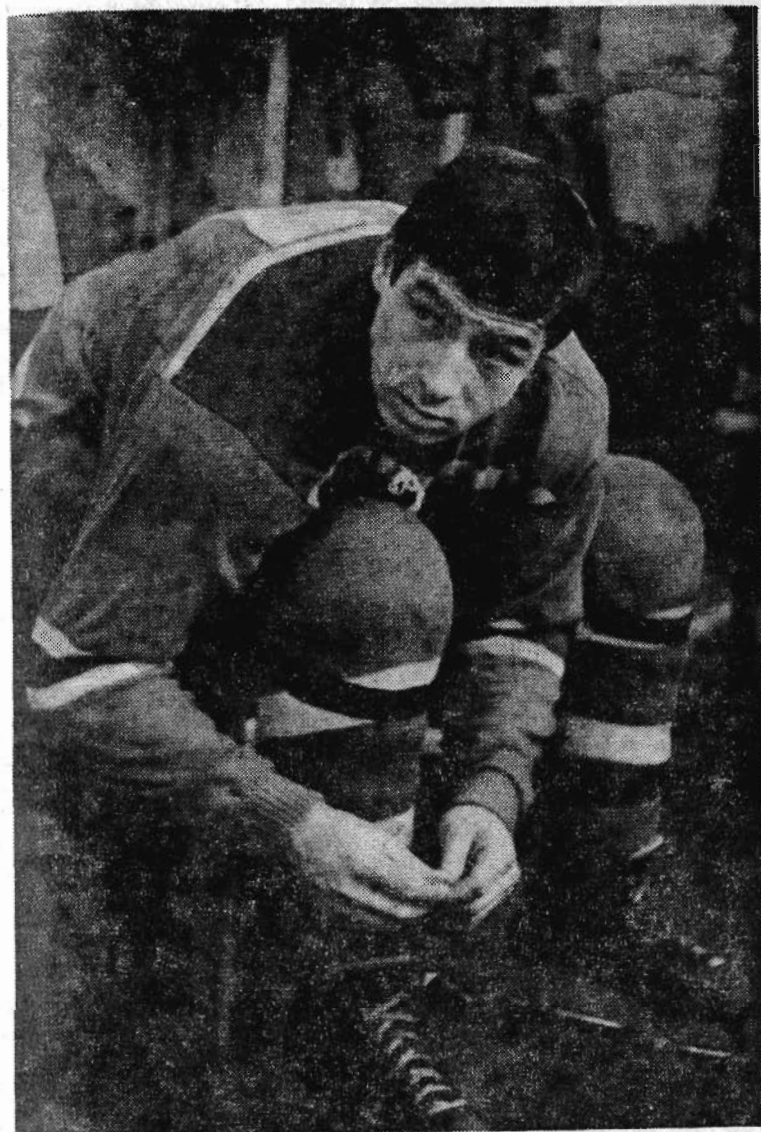
Появятся новые звезды. Уверен, что кто-то будет играть лучше: ведь были в хоккее Бобров, Майоров, Коноваленко. Есть Третьяк, Фетисов, Макаров. Будут играть и лучше. Но никто не будет играть так, как играл Валерий Харламов, человек, даривший людям радость.

Владимир УЛЬЯНОВ,
обозреватель журнала "Спортивные игры".

В объективе - Валерий Харламов

В течение пятнадцати лет мне довелось фотографировать Валерия Харламова — с того самого 1968 года, когда он появился на тренировках хоккейной команды мастеров ЦСКА. Я часто бывал в этом клубе, встречаясь с членом редколлегии журнала «Спортивные игры» старшим тренером команды Анатолием Владимировичем Тарасовым. Он-то и посоветовал мне обратить внимание на молодого Харламова.

Чтобы сфотографировать игрока, я зашел к хоккеистам в раздевалку и попросил Анатолия Фирсова показать мне Харламова. Нацелив фотообъектив на шнуровавшего ботинки Валерия, я окликнул его по имени. Он, видимо, удивившись незнакомому голосу, поднял голову и на момент застыл в неподвижности. Тут я и щелкнул затвором аппарата. Этот сделанный неожиданно для игрока, без всякого позирования кадр долгое время оставался моим самым любимым. Последующие попытки сделать хороший портрет были менее удачными: стеснительного Харламова неизменно смущал направленный в упор фотоаппарат.

Этот кадр долгое время оставался моим самым любимым

После чемпионата страны 1969 года, в котором звено Харламова стало самым результативным, мне захотелось сфотографировать всех трех форвардов вместе. Попросил Михайлова, Пет-

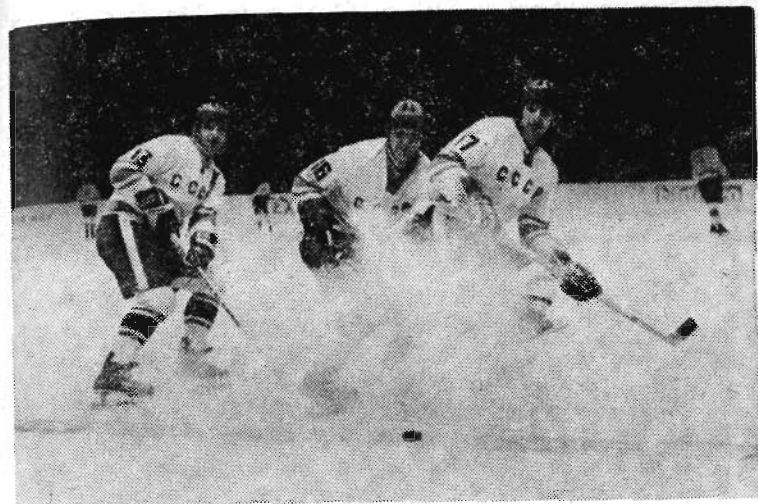
На чемпионате мира 1970 года на самых динамичных кадрах чаще всего оказывалась тройка новичков нашей команды

рова и Харламова выйти на улицу. Они на удивление легко согласились — я-то хорошо знал, что далеко не все мастера согласятся снимать коньки и в хоккейной форме выходить из раздевалки — обременительные хлопоты.

Мне удалось побывать на чемпионате мира 1970 года в Стокгольме. И хотя тогда больше привлекали корифеи сборной СССР Вячеслав Старшинов, Анатолий Фирсов, Виталий Давыдов, как-то само собой получилось, что на самых интересных, самых динамичных кадрах чаще всего оказывалась тройка новичков нашей команды. Михайлов, Петров и Харламов играли с таким боевым напором, что острые сюжеты возникали один за другим — лишь не зевай, фиксируя их на пленку.

Трио форвардов вскоре стало знаменитым, а у меня не было хорошего снимка звена. Во время одного из известнейших турниров я пришел на тренировку и попросил разрешения на съемку у тогдашнего наставника сборной СССР Всеволода Михайловича Боброва. Он не возражал, если согласятся сами игроки. Пошел разговаривать с хоккеистами. Каждый из них ответил мне одинаково: что он, мол, не против. Но каждый послал спросить и у партнеров. В этих ответах почувствовалось их взаимное уважение и отсутствие чьего-либо главенства в звене.

Спустившись на лед с фотоаппаратом, я попросил Михайлова, Петрова и Харламова одновременно разогнаться и передо мной резко затормозить, так, чтобы ледяная пыль летела. Они выпол-

После нескольких попыток я стал обладателем желанного кадра первой тройки сборной СССР

нили это трижды. Но после проявления пленки я с сожалением обнаружил, что при съемке дважды сбивал резкость, а в третьей попытке они затормозили слишком далеко один от другого, так что крайние форварды неполностью уместились в кадре.

На следующей тренировке сборной я решился повторить свою просьбу, хотя и не рассчитывал на успех. Но, к моей радости, они снова не отказались. На второй раз у меня уже не случилось промашек, и я стал обладателем желанного кадра первой тройки сборной СССР и в черно-белом, и в цветном изображении.

Мне вообще нравилось снимать атаки петровской тройки, поскольку они нередко заканчивались голами. Их часто забивал Харламов. Запечатлев кинограмму одного из голов Валерия, я попросил его прокомментировать свои действия на льду. Он охотно откликнулся на эту просьбу. Из его слов я понял, что умение завершать комбинации — дело очень непростое.

— Когда я вышел на ударную позицию, — рассказал Валерий, — то продемонстрировал шведскому вратарю намерение бросить шайбу в дальний угол. Отклонился в сторону, устремил туда взгляд и слегка развернул крюк клюшки. Швед поверил этим приготовлениям. Как только он начал смещаться к дальнему углу, я бросил шайбу в ближний угол ворот. Тут уж вратарь был бессилён парировать бросок.

Валерия я фотографировал и на тренировках. Запомнился,

Канадцы специально «охотились» за Харламовым

например, урок атлетизма олимпийской сборной 1972 года. Там Харламов ни в чем не уступал такому гиганту, как Александр Рагулин. Приседал и кувырчался с таким же двадцатикилограммовым стальным диском, крутил в руках как байдарочное весло тяжелый гриф штанги, носил на плечах партнера. В моем архиве остались и такие снимки.

Я убедился, что Харламов ловок и крепок. И все же немало поволновался за него, когда во Дворце спорта Лужников фотографировал матчи сборной СССР с профессионалами НХЛ осенью 1972 года. Было ясно, что канадцы специально «охотились» за Харламовым. Помню, как хулиганили на льду Кларк. Недалеко от меня у бортика он улучил момент, когда отвернулся арбитр, и перчаткой ударил в лицо нашего нападающего. Доказательство — кадр на моей пленке.

Широта души, доброта Валерия Харламова открылись мне в одном эпизоде, не связанном с хоккеем. Товарищ спросил меня как-то, не могу ли достать магнитофонные кассеты с современной зарубежной музыкой, чтобы переписать ее для себя. Я не обещал, так как сам этим не занимался. Тогда он подсказал, что хорошие записи могут быть у спортсменов, выезжавших на турниры за рубеж.

Почему-то сразу вспомнился Харламов. И действительно, он пообещал и принес несколько кассет. И надо же так случиться, что в троллейбусе пропала моя сумка с фотообъективами и этими четырьмя кассетами. Все остальное поправимо, но как сказать о пропаже Харламову? Я не решался признаться.

При встрече Валерий сам спросил, понравилась ли музыка. Тут я и рассказал о нелепом случае.

— Ну, ладно, привезу еще, — сразу, без раздумий, ответил хоккеист. И по тону его стало ясно, что он простил мое ротозейство искренне, не затаив обиды. Как же я был благодарен ему за это! Какой тяжелый груз он снял с моей души! Я тут же пообещал фотографировать его как можно чаще и дарить снимки. В этом — еще одна причина того, что фотокадров игры Харламова у меня оказалось много.

Яков КОСТЮКОВСКИЙ,
писатель.

Улыбки Харламова

Воспоминания в диалогах

Стокгольм — 69

— Вы лучше, Валерий, пригласите выступить Жженова. И Ростодкого... Они тоже приехали с нашей группой. А мы со Слободским несколько раз в сборной выступали... Все, все уже слышали.

— Ладно, подскажу руководству про Жженова. Но вы тоже приходите Фирсов рассказывал: когда они в Гренобле сборной Чехословакии проиграли, вы им перед встречей со шведами настроение поправили.

— Но здесь же вы никому не проиграли.

— А зачем ждать? Приходите в порядке профилактики.

— А что читать?

— Вы на мне хотите проверить, как на кролике?

— Нет. Просто верю в ваше чувство юмора.

— Почитайте из записных книжек... Ну, ваш музей глупости. Вот эти смешные письма, справки, протоколы...

— Вы и тогда, в Архангельском, это мне советовали. Откуда такой интерес к человеческой глупости?

— Просто приятно, что не один ты — дурак... Приходите. А я обеспечу явку нашего Витюни. И каждая ваша шутка будет иметь тройной успех.

— Почему?

— Ну, мы все засмеемся сразу, а Витюня нет, он с ходу шутку не поймет. Будет у соседа спрашивать: чего смеетесь? Тут мы засмеемся второй раз... А когда ему шутку растолкуют, он сам захохочет... Итого — три раза смех в зале. Приходите.

— Ладно, посмотрим... Как чувствуете себя в сборной?

— Говорят, новичку полагается вкалывать. Вот я и вкалываю. И с командой и лично... Даже перед сном в хоккее играю.

— Что же, вы в «Юханнесхоф» на ночь глядя ездите?

— Да нет, я в гостинице играю.

— ?!

— Ну, в настольный хоккей... Знаете, полезная штука. У нас теперь все увлекаются.

— И кто же лучше всех у вас играет?

— Игорь Ромишевский... Но я у него выигрываю...

Москва-70

— Ну, как на этот раз было в Стокгольме?

— А что ж вы с нами не поехали?

— Я же в прошлом году был. Зачем ездить два года подряд в одно место?

— Я же поехал.

— Это ваша работа.

— Это мое хобби... Да, вот вы не поехали — мы шведам и проиграли...

— Говорят, вас судьи прихватили?

— Было дело. Особенно финн...

— Ну, все равно стали чемпионами.

— Прошлогодний чемпионат был поинтереснее.

— А чего вам в этом году не хватало?

— Канадцев.

— А какая тройка больше всего вам понравилась?

— Угадайте.

— Тройка Стернера?

— Нет.

— Старшинова?

— Нет.

— А-а, все понял: Михайлов—Петров—Харламов.

— Теплее, но еще не то.

— Какая же?

— Никулин—Вицин—Моргунов. Нам в Стокгольме вашу «Кавказскую пленницу» показывали.

Саппоро-72

— Поздравляю вас, Валерий Борисович!

— Что так официально?

— Ну, все-таки лучший бомбардир олимпийского чемпионата, девять шайб, золотая медаль и так далее...

— Ариготе на добром слове.

— Вы уже японский освоили?

— Тут на стадионе только и слышишь «ариготе-ариготе-ариготе». Вот мы стали тоже вежливыми... Правда, Гена Цыганков произносит «алиготе». Это ему понятнее...

— Все извите, Валерий Борисович.

— Не надо по имени-отчеству... Меня так называет только известный вам тренер, когда мной недоволен, и известный мне водопроводчик, когда в долг просит...

— Хорошо, не буду.

— Как вам Япония?

— Очень интересно. Это в лучшем смысле ни на что не похоже.

— Мне тоже нравится... Японцы — мои братья по росту и весу.

— Ну, а что за это время видели нового в Саппоро?

— Нового? Лед и лицо Тарасова.

Архангельское-75

— Чему вы улыбаетесь, Валерий?

— Да так, ничего...

— А все-таки?

— Зря вы ему свою книгу подарили.

— А почему зря?

— Не будет он ее читать.

— Ну, знаете, это автору слышать обидно.

— Дело не в вас.

— А что — он стихи не любит?... Так там же фельетоны в стихотворной форме.

— Дело не в стихах.

— А в чем же?

— Вот, заставляете меня выдавать тайну товарища по команде.

— Клянусь: никому.

— Понимаете, он в детстве прочел «Трех мушкетеров»... Книга эта ему очень понравилась... И больше он книг не читает: вдруг все остальные хуже... Боится рисковать.

— Что ж, может, он и прав. От добра добра не ищут... Но вы-то, надеюсь, прочтете?

— Обязательно. Я люблю рисковать... Прочту и сохранию.

— У вас большая библиотека?

— Не очень... Но есть несколько редких книг.

— Какие именно?

— Которые ребята брали у меня почитать и вернули.

Москва-77

— Был у меня разговор о вас с Всеволодом Михайловичем.
— С Бобровым? Интересно...
— Я вспомнил по какому-то поводу знаменитый первый пас Рагулина. А он говорит: вот все твердят о первом паса, а о последнем никто... После которого забивают...

— Ну, ну?

— Он сказал: у нас мастер такого паса — Харламов. После его передачи надо ухитриться, чтобы не забыть... Если б я с ним играл, говорит, я б забросил тысячу шайб.

— Бобров и без меня сколько хочешь может забросить... Уж если он хотел меня похвалить, надо бы ему сказать вам так: у Харламова такой пас, что вы хоть не хоккеист, а писатель, но с его подачи и вы бы забили...

— Ну, вот еще, будете учить Боброва, как и что ему говорить.

— Нет, не буду... Впрочем, приятно, что он такого мнения. Спасибо ему.

— Я с ним согласен.

— А вам вместо «спасибо» смешной случай расскажу. Вставьте в новую кинокомедию.

— Давайте.

— Звонит телефон. Снимаю трубку... Незнакомая девушка...

— Это квартира Харламова?

— Да.

— А можно его самого?

— Он сам слушает.

— Ой, это вы!.. Здравствуйте!.. Я хочу вам сказать: вы единственный, кто нравится мне.

— Как хоккеист?

— Нет, как мужчина... Я даже влюблена в вас.

— Очень мило.

— Сколько вам лет?

— Двадцать девять.

— Многовато, но для мужчины не страшно...

— А вам сколько?

— Шестнадцать.

— Мда...

— Что — большая разница?.. Ничего, я акселератка... И потом в шестнадцать даже официально регистрируют...

— Но у меня уже есть жена.

— Да? Я не знала... Тогда у меня к вам просьба...

— Слушаю.

— Дайте мне телефон Лутченко!..

Москва. 77

— Как плечо?

— Вот видите, играю... Нормально.

— А если честно?

— Если честно — болит... Даже спать больно.

— Не спите?

— Сплю... Но какие-то кошмары снятся.

— Ну-ка, расскажите.

— Зачем вам?

— Буду один в мире знать, что снится знаменитому Харламову.

— Почему же один? Я тоже знаю, что снится Харламову... Ну ладно, расскажу... Значит, приснился мне страшный сон. Но все кончилось хорошо, я вывернулся... А снилось мне, что я в Канаде... Канада, между прочим, всем хоккеистам снится... Так вот... Пристал ко мне канадский журналист. Русский знает лучше Сашки Гусева. Так и сыплет... И про тактику спрашивает, и про тренировки, и по личному вопросу вопросы задает... А в конце говорит:

— Мистер Харламов, вы можете быть со мной откровенны?

— Могу.

— Что дал вам спорт?

— Силу, здоровье, бодрость...

— И все?.. Вы обещали: откровенно.

— Почему же, не все... Спорт дал мне дачу, машину...

— Но у вас же в России нет профессионализма?

— Конечно, нет. А при чем здесь профессионализм?

— Но вы же сами сказали, что все это дал вам спорт.

— Правильно, спорт: я три раза подряд угадал все шесть номеров в «Спортлото»...

— Ах, так, — говорит. И отстал... А я проснулся.

Москва. 78

— Ну и язычок у вас, Валерий! Все время над кем-нибудь посмеиваетесь...

— Имею право, потому что всегда могу посмеяться над собой.

— Вот, вот... Вы ведь тоже небезгрешны.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, говорят, очень вспыльчивы.

— Вспыльчив?

— Да. Может, потому, что в ваших жилах течет испанская кровь.

— Интересно, кто вам про мою вспыльчивость сказал?.. Леня Трахтенберг?.. Типичный испанец!

— Ну так все-таки, вспыльчивы вы или нет?

— Нет... Что еще? Спрашивайте, я честно отвечу.

— Договорились. Буду перечислять обычные мужские недостатки. Пьете?

— Нет.

— Курите?

— Нет.

— А как насчет...

— (недослушав вопроса). Нет.

- Играете в карты?
- Нет.
- Играете на бегах?
- Нет.
- Что же, у вас нет никаких недостатков?
- Один есть.
- Какой?
- Привираю...

Таким (или почти таким) был наш последний разговор. О самом последнем — еще не время.

Таким (или почти таким) мне запомнился Валерий Харламов. Я часто думаю о нем, о его короткой и ослепительной, как полет ракеты, жизни.

Москва-80

- Зря ваше звено расформировали.
- Что теперь говорить... Тренер решил — значит, все.
- Он не прав.
- У нас тот прав, у кого больше прав... Так, кажется, у Райкина?

— Почему у Райкина? По-моему, это сказал Эмиль Кроткий... Посмотрите сами, я же вам подарил «Отрывки из ненаписанного».

- Да, теперь на пенсии будет время почитать.
- Да ладно вам! Вы еще будете играть и играть... И в своей же тройке.
- Не думаю... Ладно, не будем об этом... Прошел ваш сценарий?

— Теперь я прошу: не будем об этом... Кстати, у меня такое впечатление, что я общался с вашим сыном.

- Где?
- Тут на днях я был в вашем доме... Во дворе играл с мячом мальчишка. Очень на вас похож. Шустрый такой, ловкий... По-моему, растет второй Харламов.

- Маловато вы ему отпустили. Лучше бы — второй Пушкин.
- Пушкин?.. Ну, что ж — тоже неплохо.
- А почему вы решили, что это мой сын?
- Я же вам говорю: очень на вас похож... Лет пяти.
- Совпадает... В полосатой шапочке?
- Да, да...
- Говорили с ним?
- Да что-то он не очень разговорчивый...
- Совпадает.
- На меня никакого внимания... Поставил мяч напротив окна и ударил изо всех сил...
- Разбил стекло?

- Нет, не попал.
- Не попал?.. Тогда это не мой сын.

* * *

Таким или почти таким был наш последний разговор. Таким или почти таким мне запомнился Валерий Харламов.

Олег СПАССКИЙ,
зам. главного редактора
журнала «Советский Союз»,
ответственный редактор
журнала «Спорт в СССР».

*Мальчишки играют
в Харламова*

Заканчивалось лето 1981 года.

Мы разговаривали в пятницу, 21 августа. Условились, что если полетит Валерий в Канаду на международный турнир в котором сборные команды шести стран будут во второй раз оспаривать Кубок Канады, то встретимся в середине сентября, если же нет, он заедет ко мне вечером в среду или четверг.

В среду Валерий не появился, умчался на дачу. А в четверг... «Роковое стечение обстоятельств...» Банальная фраза. Но машина и в самом деле была его роком. Проклятием судьбы.

В конце лета 1976 года были переломы ног, ребер. Начались, как и на этот раз, матчи Кубка Канады, первого Кубка, и он «болел», как все, у экрана телевизора. Отшучивался, когда было грустно.

В больнице не мы его, а он утешал нас: друзей, родственников, журналистов.

Предложил:
— Времени теперь много. Может, попробовать сейчас книжку написать? Поможешь?..

Книжка вышла. Затем еще одна. Потом в редакции журнала «Огонек» на встрече с мальчишками, приглашенными отделом спорта, объяснил:

— Я рассказываю о хоккее, о товарищах и о себе потому, что

хочу приобщить к спорту как можно больше людей. Ведь спорт — это здоровье, интереснейший отдых, новые друзья...

Весть о трагедии разнеслась мгновенно. Говорили об этом в каждом доме.

Тогда же услышал: «Харламов — ярчайшая комета».

Не согласен.

Комете, по космогонической теории, суждена недолгая жизнь. Валерий украшал наш спорт, наш хоккей много лет.

Помню весенний Стокгольм 1969 года. Помню порывистого, импульсивного хоккеиста. Заметил тогда — в постоянном напряжении держит не только соперников, но и своих партнеров: пас может последовать в любое мгновение.

Взлет был стремительным. Путь от первоазрядника, лишь от случая к случаю игравшего в основном составе клубной команды, до чемпиона мира и ведущего хоккеиста сборной Валерий прошел за пятнадцать недель. Счастливая спортивная карьера, в основе которой — лучшие черты, отличающие советского спортсмена, всегда несет нравственный, воспитательный заряд, поскольку становится примером, убеждающим тысячи подростков настойчиво идти к цели.

Талант всегда оптимистичен. Оптимистичен по сути своей. Он может проявиться так, может иначе, но обнаружится непременно.

Спросил однажды у Харламова, что такое хоккей.

— КВН!

Была когда-то на телевидении такая передача — «Клуб веселых и находчивых».

Валерий расшифровал:

— Ну да, КВН — клуб веселых и находчивых. Состязание в игровом остроумии, в искусстве разгадывать ребусы соперника и, в свою очередь, озадачивать его. Для меня хоккей — арена самоутверждения. Чего мы все стоим? Частично ответить на это помогает и ледовая площадка...

Свой ответ он нашел.

Хоккей обрел спортсмена, который приоткрыл дверь в завтра. В будущее хоккея.

Большой мастер навсегда сохранил благодарность тем, кто помог ему, и в первую очередь — тренерам.

Охотно рассказывал о каждом. Следил, чтобы были упомянуты все. Виталий Георгиевич Ерфилов и Андрей Васильевич Старовойтов, Борис Павлович Кулагин, Анатолий Владимирович Тарасов, Аркадий Иванович Чернышев, Константин Борисович Локтев, Виктор Васильевич Тихонов.

Его игра стала эталоном, мерилем класса. Маяком, по которому сверяют свое искусство, свой класс и нынешние мастера.

Невероятная подвижность. Умение неожиданно менять ско-

рость. Пасы — загадки. Резкая смена ритмов. Каскад обманных движений при жесточайшей опеке.

Публика ахала. Как все красиво! Как сказочно легко!

В памяти — и другое. После первой автомобильной катастрофы ходил он не спеша. Плавал в бассейне. Пробовал и бегать. Заходя в редакцию, шутил, как всегда:

— Проложить бы от Дворца спорта ЦСКА до вас искусственный лед. Все-таки ходить пока тяжело. На коньках легче: может, потому, что нога закреплена...

Рассказывал, как возвращался в хоккей после перелома ног и ребер:

«Не только везение, но и настойчивость, характер у меня есть — вот что хотелось мне показать. Повторяю — прежде всего самому себе.

Появилось что-то вроде плана, нигде, разумеется, не зафиксированного. Пункт первый — научиться ходить на костылях. Второй — без них. Пункт третий — научиться бегать. Когда сняли гипс, стал заниматься с гантелями. Старался, с разрешения врачей, так нагрузить мышцы, как привыкли они работать в дни самых интенсивных тренировок.

Самое трудное, однако, было потом. Когда уже вышел на лед. Когда нужно было догонять ушедших далеко вперед. Пункт четвертый моего плана — заниматься больше, чем партнерью».

Завидное трудолюбие. Примерное трудолюбие. И мужество. Несгибаемость. Как сказали бы боксеры, «умение держать удары». Не только соперников. Судьбы тоже.

В книге «Три начала», над которой мы работали вместе, Харламов вспоминал свое детство, свои первые матчи в составе команды мальчиков ЦСКА.

«Медицинскую справку у меня не спрашивали, и я был рад, но боялся, что однажды моя тайна может быть раскрыта: дело в том, что я не мог в ту пору принести справку. В 1960 году я перенес ангину в тяжелой форме, болезнь дала осложнение: ревмокардит. Однажды правая нога и левая рука отказались меня слушаться. Я долго был в больнице, три месяца лечился в санатории, и с того времени врачи запретили мне подвижные игры и школьные турпоходы. Начав играть в ЦСКА, я боялся, что спросят о медицинской справке.

И спросили. Справку я взял там, где числился ревматиком. Объяснил врачам, что давно играю в хоккей, что болезнь, видимо, сдалась. Комиссия врачей изучила дело и признала, что болезнь я переборол.

Играл с желанием. Старался. Был момент, когда я стал пропускать тренировки. Отец, узнав об этом, сказал:

— Если уже взялся за что-то, нужно заниматься как следует или отказаться вовсе... Или работой по-настоящему, или я скажу

тренеру, что ты не хочешь играть: а ребят подводить не позволю, они на тебя рассчитывают...

Это правило я запомнил хорошенько — попал в команду, не подводи товарищей».

В той же книге Валерий писал: «Я родился в рубашке... Я — счастливчик...»

Иронии сохранял он и когда шутил с приятелями, и когда рассказывал о себе. Право быть лидером заслужил не только игрой. Характером.

Когда готовили книгу «Нападающий № 17» (она издана в Финляндии), предлагал особое внимание уделил мужеству, проявляемому в самой игре.

«Большой спорт требует от игрока постоянной готовности к экзамену на мужество, к проверке характера. В спорте можно только так и не иначе — уж если наметил какую-то цель, то работай».

Мужество, как и характер, многогранно. Но особенно ярко проявляется оно в хоккее в начале матча: первые голы всегда самые трудные. Ибо в первом периоде силы соперников уравновешиваются тем обстоятельством, что команда, более слабая в техническом и тактическом отношении, компенсирует проблемы в подготовке желанием играть, азартом и страстностью, с которой сражаются за шайбу хоккеисты. Порой несется на тебя защитник, молодой, неопытный, но горящий таким испепеляющим огнем, такой неутолимой жадной схватки, борьбы, что просто оторопь берет. Испугаться даже можно: ведь этот игрок буквально идет на таран — себя не жалеет, но и тебя не пощадит. И вот в таком матче надо как можно быстрее забить гол. Лучше два или три. Чтобы сбить порыв соперника, чтобы остудить его пыл, чтобы помочь второму и третьему звену. И потому ты снова и снова идешь вперед, принимая огонь на себя, не жалея себя, стремясь забить гол во что бы то ни стало».

Начиная работу над книгой «Первая тройка», посвященной Борису Михайлову, Владимиру Петрову и Валерию Харламову, я расспрашивал хоккеистов, тренеров о главном в характере героев. Когда речь заходила о Харламове, все, словно сговорившись, отмечали одно — редкую доброту, расположенность к людям.

Это я уже знал: о ком бы ни спросил Валерия, о каждом он отзывался хорошо. Недостатки видел, знал, но, рассказывая о товарище, о партнере или сопернике, подчеркивал тем не менее в первую очередь достоинства. Это общая черта хороших людей.

Обиду не таил. Был отходчив, добродушен. Охотно смеялся шуткам других. На просьбу чехословацких любителей спорта назвать самого веселого и остроумного человека в его команде

Виктор Васильевич Тихонов, старший тренер двух команд — сборной и ЦСКА, первым, колеблясь, назвал Харламова.

Познал известность, славу. Громадную славу. Его узнавали не только в Москве: в пражском автобусе, на улицах Монреаля, где не было отбоя от коллекционеров автографов.

Имел награды, звания: три ордена, почетный знак ВЛКСМ и знак ЦК ВЛКСМ «Спортивная доблесть», две золотые олимпийские медали, восемь медалей чемпиона мира, десять — чемпиона СССР.

Знал славу. Но не знал себе цену. Не хотел знать.

За пределами площадки был замечен меньше других. Порой застенчив. Невероятно застенчив.

Когда Валерия уже не стало, разговаривал о нем с Чернышевым. Аркадий Иванович, с участием которого сложилась вся история отечественного хоккея, сказал:

«Это величайший хоккеист современности. Говорю не только о нашем хоккее. И очень скромный человек. Деликатный, Чуткий».

После матча, турнира, чемпионата он стремился отойти на второй план. Говорил о друзьях. О том, что без них не стал бы настоящим хоккеистом.

Размышлял о том, что жизнь человеческая — это будни, дела, повторяющиеся изо дня в день, какие-то житейские мелочи, что хоккей — не только и не столько праздники — чемпионаты мира, захватывающие поединки ЦСКА и «Спартак», сколько будни — тренировки, общение, порой ежечасное, с одними и теми же людьми. И прежде всего с партнерами по звену. Напоминал, что первое условие успеха в хоккее — психологическая совместимость всех трех форвардов. Еще лучше, если дружба.

Ценил дружбу. Берег ее. Благодарил хоккей за то, что свел его с прекрасными людьми.

Охотно рассказывал о друзьях. Пояснял: «Друг — это, по моим представлениям, человек, который всегда тебе поможет, человек, которому можно довериться в любой ситуации. Друг поймет твоё настроение и поспешит принять участие в твоих заботах, если у тебя неприятности или просто плохое самочувствие».

Тянулся к детям, к семье. Любил детей. И дети тянулись к нему. И свои. И чужие.

Следил, чтобы в книгу его непременно были включены фотографии с Ирой, женой, с детьми — Сашей, Бегоней. И в последнее мгновение жизни старался помочь Ире — она была за рулем.

Харламов — младший в знаменитой первой тройке. Борис Михайлов старше на четыре года, Владимир Петров — на год. Уходить из хоккея Валерий пока не хотел. Сохранились и желание играть, и силы: за неделю до гибели, в августе в Италии на

розыгрыше Кубка европейских чемпионов, получил приз, присуждаемый лучшему нападающему. До последних дней и часов хотел играть, бороться. Утверждал:

«Самое опасное в жизни и, тем более, в спорте, когда ты на виду у тысяч людей, — душевная вялость. Согласие быть на вторых ролях, умение прятаться за чьи-то спины. Самое опасное — стараться прожить за чужой счет. Экономить силы, стремясь продлить свою жизнь в большом хоккее или в большом футболе».

Он ушел бы из хоккея последним из тройки.

Из жизни ушел первым.

Для тысяч, если не для миллионов, он стал кумиром: сегодня в сборной играют хоккеисты, «вышедшие из Харламова». Владимир Крутов, Николай Дроздецкий, Алексей Касатонов, Андрей Хомутов, Сергей Светлов рассказывали мне, что мечтали в детстве, в юности быть похожими на Валерия.

Мальчишки играют в Харламова.

Придет новая осень, подоспеет еще одна зима. Наступит новый сезон. В Лужниках, в дворовых командах. И снова мальчишки будут играть в Харламова. И через год. И через пять, и через двадцать лет.

Думаю — учредит комсомол приз имени Валерия Харламова для тех, кто оспаривает награды клуба «Золотая шайба».

И каждый год в день открытия сезона в Лужниках мы будем вставать, молчать минуту, чтобы напомнить тебе, Валерий, как мы чтим тебя, чтобы поблагодарить за твою доброту, за твое искусство.

Нет, не комета. Ярчайшая звезда, свет от которой будет идти к нам еще долгие годы.

Михаил ТАНИЧ,
поэт.

Памяти артиста

Звонит поутру
Атэсовский зуммер,
А сердце как знает,
А сердце болит!
На скорости жил
И на скорости умер! —
Какой беспощадный буллит!
Артисты уходят.
И в трауре — сцена.

А время течет,
Как река.
И снова за бортиком
Слышится: Смена!
Но смены не видно пока.
Нет.
Жизнь не кончается
Рамкою черной,
И ты бесконечно живой!
До встречи,
Валера.
И помни, что в сборной
Семнадцатый номер,
Он — твой!
Мы к этой потере
Вовек не привыкнем.
Она обжигает,
Как ложь.
И если нам шайбы не хватит,
Мы кликнем —
Ты выйдешь
И сразу забьешь!

Юрий ЛУКАШИН,
ответственный секретарь
журнала «Спортивные игры»

*Так играл
Валерий Харламов*

Свою первую шайбу в чемпионатах СССР Валерий Харламов забросил 23 апреля 1968 года в ворота «Крыльев Советов», которые защищал тогда Владимир Полупанов.

Свой последний гол в чемпионатах СССР он забил 14 мая 1981 года в ворота московского «Динамо», защищал которые Владимир Мышкин.

Всего на его счету в чемпионатах страны 293 шайбы.

Свою первую шайбу на чемпионатах мира Харламов забросил 15 марта 1969 года в ворота американского вратаря Майка Каррэнна.

Интересно вспомнить отчет об этом матче.

«Интерес к матчу СССР — США (начиная с 1961 г. наши хоккеисты, как правило, меньше семи шайб в ворота американцев не забрасывают, а однажды забросили даже 13!) подогрелся

одним обстоятельством. Никогда еще за всю историю выступлений советской сборной на чемпионатах мира в ее составе не было сразу столько дебютантов — 7! Правда, все они уже успели сыграть около десяти матчей с канадцами, но товарищеские встречи не идут в сравнение с официальными. Как-то проявят себя новички?

Поначалу вполне понятная нервозность у дебютантов. А тут еще удачно пошла игра у американского вратаря Каррэна. Излишне горячился Харламов. Хуже обычного распасовывал Петров. Да и Михайлов ошибался. В этот отрезок матча, пожалуй, не было у дебютантов больших болельщиков, чем А. Чернышев и А. Тарасов. Ох, как им хотелось, чтобы новая тройка нашла себя!

Нужен был гол. Есть что-то символическое в том, что счет открыл Старшинов. У этого хоккеиста удивительное качество — постоянная нацеленность на гол. И чем труднее игра, тем злее Старшинов. Вот и во встрече с американцами, когда шайба никак не хотела попасть в ворота, капитан команды шел и шел вперед, как бы доказывая молодым: «Ничего страшного нет, должны мы забить!»

Наконец долгожданный гол. И вторую шайбу забросил капитан. Американцы как-то сразу сникли, и в этот момент пришло вдохновение к молодой тройке. А когда Михайлов с подачи Харламова забил третий гол, то все наши хоккеисты кинулись их поздравлять.

Не одну бессонную ночь провели А. Чернышев и А. Тарасов перед отъездом из Москвы, прежде чем принять решение и включить в состав Петрова и его партнеров. Наметанный тренерский глаз в этом голе увидел, что и здесь, в Стокгольме, молодежь выдержит испытание.

Так состоялся дебют Валерия Харламова на «самом высшем уровне». Тот матч закончился со счетом 17:2, сам Валерий забил всего один гол, но два гола с его острых передач провел Борис Михайлов и один — Владимир Петров. В том же турнире Харламов забрасывал шайбы в ворота сборной Швеции, которые защищал Лейф Хольмквист; сборной Канады (вратарь — Уэйн Стивенсон), сборной Финляндии (вратарь — Урпо Илёнён), сборной ЧССР (вратарь — Владимир Дзурилла). Было на счету Валерия Харламова, особенно в решающих матчах, и немало голевых передач. Так, в матче второго круга с хозяевами турнира — хоккеистами Швеции, который закончился нашей победой — 3:2, все шайбы забил после таких передач Михайлов и Петров, а знаменитый Ульф Стернер сказал после игры: «Эти ребята решили исход матча, и у них, бесспорно, большое будущее».

Но это было лишь начало, а всего на чемпионатах мира и на олимпийских турнирах Харламов забросил 87 шайб. Вот как распределились эти голы в отдельных чемпионатах:

1969 (ЧМ) — 6

1970 (ЧМ) — 7

1971 (ЧМ) — 5
1972 (ОИ) — 9
1972 (ЧМ) — 8
1973 (ЧМ) — 9
1974 (ЧМ) — 5
1975 (ЧМ) — 10
1976 (ОИ) — 3
1976 (ЧМ) — 4
1977 (ЧМ) — 9
1978 (ЧМ) — 4
1979 (ЧМ) — 5
1980 (ОИ) — 3

Свои последние голы в официальных матчах сборной СССР на олимпийском турнире в Лейк-Плэсиде Валерий Харламов забил в ворота сборных Японии, Голландии и Польши.

Но вернемся к «главным» турнирам в их хронологии.

1970 год принес новый успех сборной СССР. И вновь отличалось молодое звено нападающих Михайлов — Петров — Харламов.

Тогда и в чемпионате СССР это звено блистало, как ни одно другое. Вот как оценил, например, их игру капитан ЦСКА Анатолий Фирсов: «Звено Владимира Петрова, где играют Борис Михайлов и Валерий Харламов, было несомненно ведущей тройкой команды. И я говорю об этом не только потому, что они втроем забросили фантастическое количество шайб, но и потому, что они были подлинными лидерами команды». Владимир Петров забил в том сезоне 51 шайбу, Борис Михайлов — 40, Валерий Харламов меньше их — 33. Но в 91-м голе, забитом его партнерами, была главная его заслуга.

Так же результативно выступали они и на своем втором чемпионате мира, вновь в Стокгольме. Здесь Харламов забил 7 голов в ворота сборных ГДР, Швеции, Финляндии и Польши. Столько же голов было у Михайлова и 5 — у Петрова.

«Нападение — лучшая защита. Это уже ставшее банальным изречение могло бы тем не менее стать девизом чемпионата мира-71. Нападающие, освоившие искусство силовой борьбы в зоне соперников, значительно усилили свою мощь. Удачнее других применяли силовое давление в сочетании со скоростным маневром советские и чехословацкие нападающие, особенно звено Петрова, — писала одна из женевакских газет. Успех советской сборной на чемпионате мира решило в итоге именно превосходство нападающих, особенно в объеме скоростных действий и в удачном сочетании игроков в первых двух звеньях».

Уже в первом матче со сборной ФРГ Харламов отличился, сделав три голевые передачи своим партнерам. Открыл счет голам он в матче со сборной США, поразив ворота Стига Ветцеля. А в последнем, решающем матче со сборной Швеции был лучшим игроком в команде, победившей со счетом 6:3. Сам Валерий, когда наша команда проигрывала 2:3, сравнял счет,

затем сделал отличную передачу Михайлову, а потом Петрову. Эта победа возволила нашей команде опередить на два очка сборную ЧССР

Следующий год был особенно сложным: вначале олимпийский турнир в Саппоро, затем чемпионат мира в Праге, а осенью матчи с сильнейшими канадскими профессионалами. Этот сезон Валерий Харламов встречал уже в полном расцвете своего таланта. О нем писали тогда:

«Валерий Харламов предпочитает острый маневренный хоккей. Большой мастер обводки, владеет оригинальными финтами, не останавливается перед обводкой нескольких соперников. Эффективно сочетает индивидуальную игру с коллективными действиями».

«Валерий Харламов всегда обводит соперников на максимальной скорости. Он подходит очень близко к сопернику, но, используя свое «реактивное» катание с мгновенной сменой направления, ритма и темпа, успеваеет проскочить мимо защитника».

Итак, Саппоро. Уже в первом матче со сборной Финляндии (на этом турнире он играл в тройке с Владимиром Викуловым и Анатолием Фирсовым) выходит в лидеры среди бомбардиров, забив три гола и сделав две передачи. А ведь в воротах финнов — многоопытный Йорма Валтонен.

Вот строка из газетного отчета: «...Однажды Валтонен сказал журналистам, что он не боится даже самых мощных бросков. А опасается он таких хитрых нападающих, как Викулов. Видимо, после этого матча он причислил к числу этих своих самых «нелюбимых» форвардов и Харламова. Сначала Харламов на 28-й минуте забросил четвертую шайбу, а затем столь нужную пятую. Причем он не только обыграл в это мгновение двух защитников, но и успел, несмотря на «тиски», в которые его взяли финны, протолкнуть шайбу в ворота».

Не избежал той же участи и Кристер Абрахамссон из сборной Швеции. Из трех шайб, побывавших в его воротах, две — первую и третью — провел Харламов и одну с его подачи — Фирсов.

Матч с командой США, в воротах которой вновь Майк Каррэн: Харламов забивает гол и делает две передачи.

Встреча со сборной Польши: три гола и передача.

И, наконец, заключительный матч со сборной Чехословакии. Здесь он не забил голов. Но все время держал защиту соперников в напряжении, и гол забил его партнер — Фирсов.

В итоге Валерий Харламов набрал по системе «гол плюс пас» 15 очков. Следующий за ним снайпер отстал на целых 6 очков.

Чемпионат мира в Праге не принес новых высших титулов нашим хоккеистам. Они уступили звание чемпионов мира и Европы чехословацким спортсменам. В сборной СССР в то время сменились тренеры: на смену Аркадию Чернышеву и Анатолию Тарасову пришли Всеволод Бобров и Николай Пучков, значительно изменился и состав сборной. И у Валерия Харламова теперь были новые партнеры — Владимир Викулов и Александр

Мальцев. Эта тройка вновь была сильнейшей в советской команде и целиком вошла в шестерку «Всех звезд-72», а Харламов добавил в свой актив еще 8 заброшенных шайб.

А осенью того же года в «Суперсерии-72», когда соперниками наших хоккеистов в восьми матчах были лучшие хоккеисты НХЛ, особенно сказалось высочайшее мастерство Валерия Харламова.

Первый матч — в Монреале. После первого периода счет 2:2, и вот тут-то он дважды меняет его на 3:2 и 4:2, забивая в своей обычной виртуозной манере после передач Александра Мальцева голы в ворота Кена Драйдена. Общий счет — 7:3

В третьем матче, в Виннипеге (счет здесь 4:4), Харламов забивает еще один гол, сокращая во втором периоде перевес канадцев. Теперь ему «сдается» Тони Эспозито.

В четвертом матче, в Ванкувере (счет 5:3 в пользу сборной СССР), Харламов ассистирует Викулову при четвертом голе.

В пятом матче, в Москве, Харламов помогает Викулову забить победный пятый гол (счет 5:4).

Даже серьезная травма не мешает Харламову, пропустившему седьмой матч, вновь ассистировать в восьмом матче Владимиру Лутченко.

Валерий Харламов после этих матчей становится настоящей грозой канадцев, в том числе самых лучших профессионалов. И это он доказывал впоследствии не раз и во встречах сборной СССР, и в игре его клуба ЦСКА против лучших профессиональных клубов НХЛ и ВХА. Жаль только, ему не пришлось сыграть с профессионалами на таких турнирах, как Кубок Канады, ни в 1976, ни в 1981 годах.

Чемпионат мира 1973 года проходил в Москве, и сборная СССР установила здесь своеобразный рекорд, победив во всех 10 матчах и забив ровно 100 голов. Харламов вновь играл со своими прежними партнерами — Михайловым и Петровым, и на долю этого трио пришлось 43 заброшенные шайбы! В списке бомбардиров они заняли первые три места. В списке «Всех звезд», составляемом журналистами, эта тройка была названа подавляющим большинством голосов.

Когда старшего тренера сборной СССР Всеволода Боброва спросили, кого бы он выбрал себе партнерами, если бы продолжал играть в хоккей, он сказал — Харламова и Петрова, да вот согласились ли бы они?

В этой шутке, конечно, была и оценка высочайшего мастерства этих хоккеистов, которую дал великий мастер.

И так год за годом блистал на хоккейных полях многих стран Валерий Харламов, каждый забитый гол которого, каждая передача были маленьким хоккейным чудом. На чемпионатах мира 1974 года в Хельсинки, 1975 года — в Мюнхене и Дюссельдорфе, 1976 года — в Катовице, на олимпийском турнире в том же, 1976 году — в Инсбруке Харламов продолжал удивлять хоккейный мир.

А потом была тяжелая травма в автомобильной катастрофе,

и многие сомневались, что Валерий Харламов вообще выйдет на лед. Но он вышел и вновь занял место в рядах сборной. Более того, на чемпионате мира 1977 года в Вене забросил свои очередные 9 шайб.

В 1976 году в Катовице и в 1977 году в Вене наши хоккеисты не были чемпионами мира. А вот в 1978 году в Праге они вновь стали первыми, и решающую роль в этом успехе вновь сыграла «супертройка» Михайлов — Петров — Харламов.

Читатель уже знаком с «раскладом» шайб, забитых им в разные годы, вплоть до олимпийского турнира 1980 года. Хотелось бы рассказать и о другом популярном турнире, в котором Харламов является абсолютным рекордсменом. Это розыгрыши приза «Известий».

Впервые он появился здесь в составе второй сборной СССР еще в декабре 1968 года и забил тогда свои первые две шайбы. Затем он неизменно выступал на подобных турнирах в составе первой сборной СССР и добился таких результатов:

1969 — 2	1975 — 5
1970 — 2	1976 — 3
1971 — 3	1977 — 4
1972 — 5	1978 — 1
1973 — 3	1979 — 2
1974/75 — 9	

В ворота сборной Швеции в этих турнирах он забросил 15 шайб, Финляндии — 11, ЧССР — 10, Польши — 3, Канады — 2 шайбы.

Ни один наш хоккеист не может похвастать такой результативностью. И не случайно теперь лучшему бомбардиру приза «Известий», определяемому по системе «гол плюс пас», вручается приз имени Валерия Харламова.

Поскольку уже были приведены цифры, касающиеся результативности Валерия Харламова на чемпионатах мира, олимпийских турнирах, в розыгрышах приза «Известий» и в чемпионатах страны, займем внимание читателя еще двумя цифрами, касающимися вклада Валерия Харламова в общие успехи сборной СССР. Он сыграл в 286 матчах и забросил 185 шайб. По результативности он уступает лишь Александру Мальцеву (208) и Борису Михайлову (202). Так играл всегда и везде Валерий Харламов.

С. Ростоцкий. Жизнь — ровно с песню	5
Л. Лебедев. Признание хоккею в любви	7
А. Тарасов. Три скорости Валерия Харламова	13
В. Харламов. Как рассказать мне о Валерии	22
В. Богомолов. Почему я не стал Харламовым	25
В. Бобров. Урок Харламова	32
Д. Рыжков. Верность	33
В. Кулагин. Он играл для людей	40
С. Шаталин. Призвание — лидер	44
В. Третьяк. Таким он парнем был	48
Л. Трахтенберг. Тройка на все времена	51
В. Дворцов. Как стать любимцем	71
Ю. Цыбанев. Высота	78
Б. Левин. Подаривший радость	83
В. Ульянов. В объективе — Валерий Харламов	88
Я. Костюковский. Улыбки Харламова	93
О. Спасский. Мальчишки играют в Харламова	99
М. Танич. Памяти артиста	104
Ю. Лукашин. Так играл Валерий Харламов	105

Три скорости Валерия Харламова

Автор-составитель
Борис Маркович Левин

Заведующий редакцией Аркадий Гринштейн
Редактор Людмила Борисова
Художник Олег Айзман
Художественный редактор Юрий Архайгельский
Технический редактор Ольга Жигарева
Корректор Валентина Ячковская

ИБ № 1654. Сдано в набор 04.04.84. Подписано к печати 10.08.84. А07413. Формат 84 × 108 / 32. Бумага тип. № 2. Бумага на вкл. офсетная. Высокая печать. Гарнитура «Бодони». Усл. п. л. 5,88 + 1,68 (вкл.). Усл. кр.-отг. 13,23. Уч.-изд. л. 7,19 + 2,66 (вкл.) Тираж 200 000 экз. Издат. № 7176. Зак. № 281. Цена 75 к.

Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 101421, ГСП, Москва, К-6, Калевская ул., 27.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ВАЛЕРИЙ ХАРЛАМОВ —
заслуженный мастер спорта СССР,
двукратный чемпион Олимпийских игр,
восьмикратный чемпион мира,
семикратный чемпион Европы,
десятикратный чемпион СССР.

Награжден двумя орденами
Трудового Красного знамени,
Орденом "Знак Почета"
медалью "За трудовую доблесть".
Удостоен Почетного знака ВЛКСМ
и знака ЦК ВЛКСМ
"Спортивная доблесть".

Три скорости

*Валерий
Харламов*

75 коп.

